

ОГОНЁК

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА», МОСКВА № 40 ОКТЯБРЬ 1986

СЕЛЬСОВЕТ
СРЕДИ ГОРНЫХ
УЩЕЛИЙ ➡

«ЗОЛОТОЕ
КОЛЕЧКО»
ИЗОБРЕ-
ТАТЕЛЯ

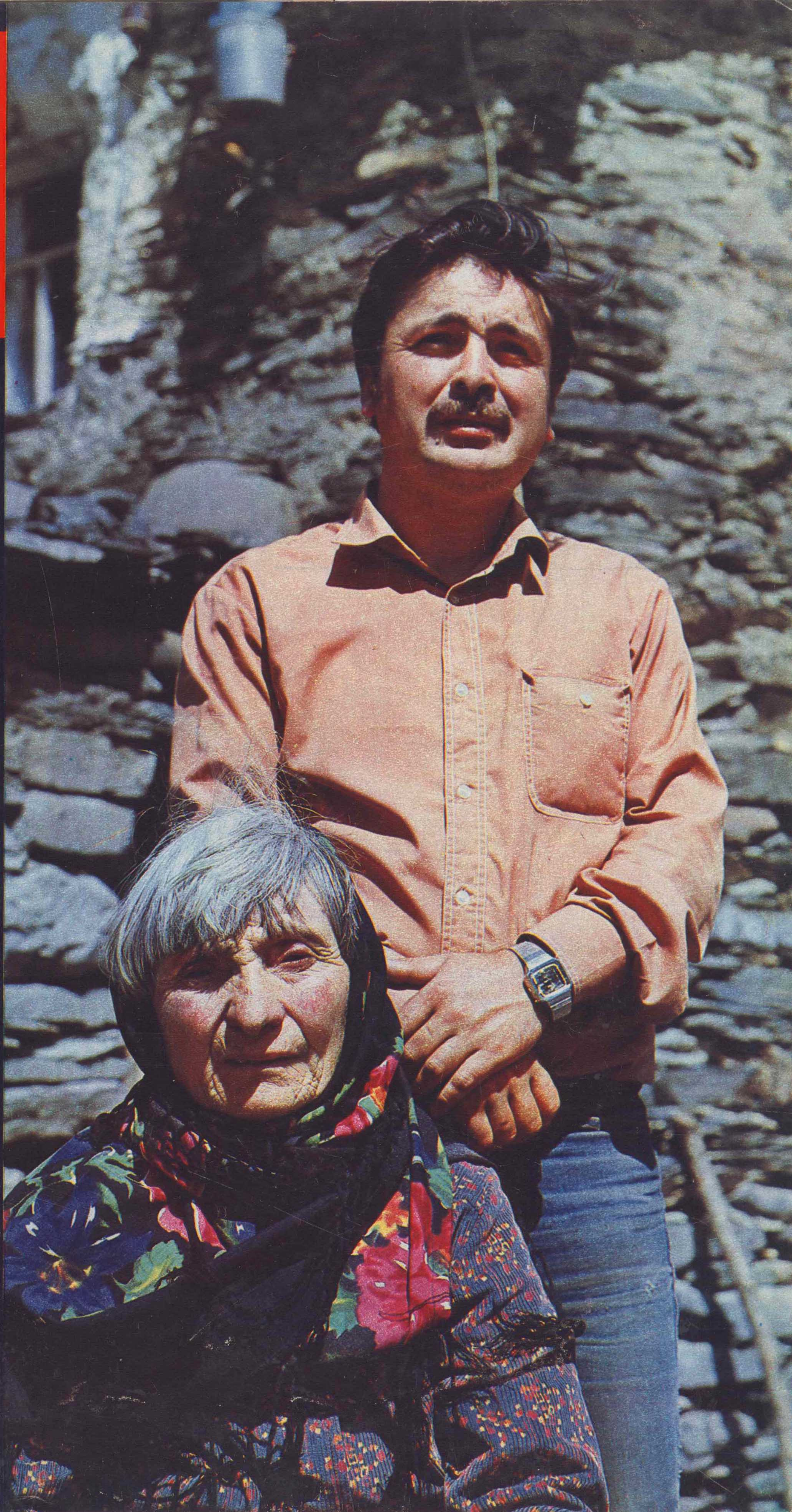

КОНАН ДОЙЛ
«ДАМА
ПОД ВУАЛЬЮ»

О ЧЕМ
ПОЕТ
ВАЛЕРИЙ
ЛЕОНТЬЕВ

СНИМАЕТ
А. СУТКУС

ЛЬНЯНЫЕ КИЧКИ СМОЛЯН

Любая встреча с Анатолием Александровичем Тимофеевым — практический семинар.

Н

а столе в кабинете председателя смоленского орденного колхоза «Россия» А. Тимофеева — десятки роз. Недавно Анатолию Александровичу присвоено звание Героя Социалистического Труда.

— Рука побаливает от поздравлений, — улыбаясь, говорит хозяин, как бы оправдываясь.

Вот уже двадцать лет руководит Тимофеев хозяйством и постоянно получает наилучшие урожаи по Починковскому району, а то и области. Идем по мокрому полю. Вода хлюпает под ногами. Который день не прекращаются дожди. Зерновые-то успели убрать, а вот лен лежит вытеребленный, и никакой машиной его не поднять. А поднимать надо, поставить в конусы, в кички, как говорят в народе, — на манер старинного женского головного убора. И вот стоят из конца в конец тысячи этих кичек, поднятых руками, ждут ветерка и солнца.

Лен — самая высокодоходная культура в местных условиях. Занимая в структуре посевов семь процентов пашни, он дает здесь две трети денежных поступлений от продукции полей. Сейчас льноводство переводится на промышленную основу, что позволило высвободить около восьми тысяч работников. Это особенно важно при недостатке рабочих рук, который испытывают здешние хозяйства.

Туристы, прибывающие в Смоленск — в этот старинный, трудовой и мужественный город-герой, часто посещают Музей льна, знакомятся с многовековой историей возделывания «северного шелка», славными людьми льняного края.

М. САВИН.
Фото автора

Тракторист Виктор Малахов.

На льне «зацвели» маки.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

Основан

1 апреля

1923 года

№ 40 (3089)

4—11 ОКТЯБРЯ

© Издательство «Правда», «Огонёк», 1986

Главный

редактор — В. А. КОРОТИЧ.

Редакционная коллегия:

Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ,

В. В. БЕЛЕЦКАЯ,

И. В. ДОЛГОПОЛОВ

[главный художник],

Д. К. ИВАНОВ

[ответственный

секретарь],

Н. А. ИВАНОВА,

Б. А. ЛЕОНОВ

[первый заместитель

главного редактора],

Ю. В. МИХАЛЬЦЕВ,

В. Д. НИКОЛАЕВ

[заместитель

главного редактора],

Ю. С. НОВИКОВ,

А. Г. ПАНЧЕНКО,

Ю. П. ПОПОВ.

Оформление Н. П. КАЛУГИНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариат — 212-23-27; Отделы: Очерка, публицистики и информации — 250-56-88; Морали и права — 251-00-26; Международный (капиталистические страны) — 212-30-03; Международный (социалистические страны) — 212-22-90; Искусств — 212-15-39; Экономики быта — 250-38-17; Поэзии — 250-51-45; Прозы — 212-63-69; Критики и библиографии — 251-21-46; Военно-патриотический — 250-15-33; Науки — 212-21-68; Юмора и занимательной информации — 212-14-07; Спорта — 212-22-19; Фото — 212-20-19; Оформления — 212-15-77; Писем и массовой работы — 212-22-69; Литературных приложений — 212-22-13.

Сдано в набор 15.09.86. Подписано к печати 30.09.86. А 00738. Формат 70 × 108¹/₈. Глубокая печать. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Усл. кр.-отт. 16,80. Тираж 1 485 000 экз. Изд. № 2424. Заказ № 3551.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография имени В. И. Ленина издательства ЦК КПСС «Правда», 125865, ГСП, Москва, А-137, улица «Правды», 24.

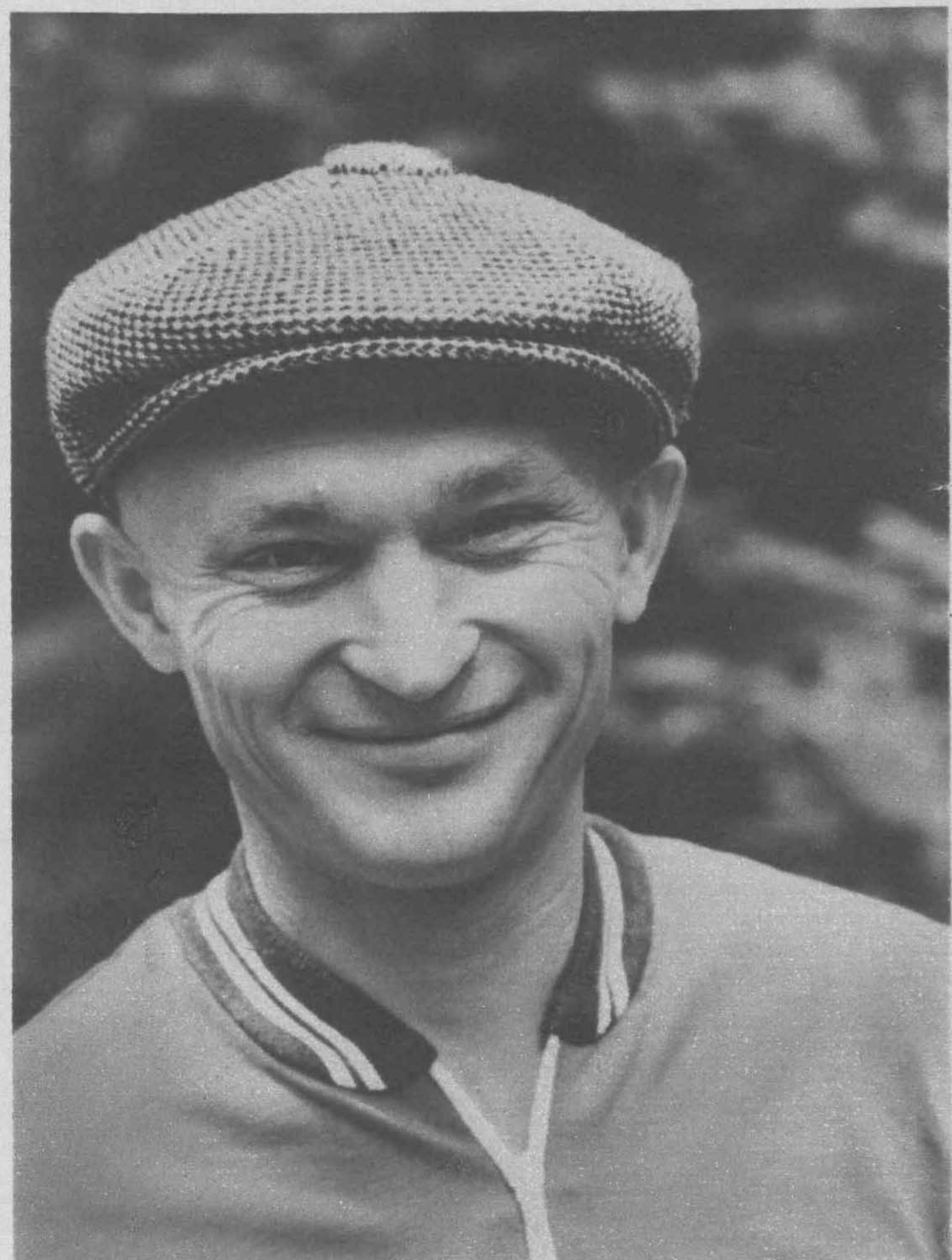
Адрес редакции: 101456, ГСП, Москва, Бумажный проезд, 14.

событие недели

В ночь с двадцать шестого на двадцать седьмое апреля взбунтовавшийся реактор четвертого блока Чернобыльской АЭС и грозная опасность, повисшая над близлежащими городами и поселками, провели через жизни многих и многих людей черту. В ту ночь первыми заняли свой пост и оставляли его ценой собственной жизни, первыми преградили путь огню и смертельной радиации пожарные. Они знали, что за пожар тушат, знали, но не уходили с крыши четвертого блока, пока их не унесли друзья... Врачи делали все, что могли, но медицина, к сожалению, не всемогуща.

И вот теперь мы узнали, как высоко оценила Родина подвиг лейтенантов В. Н. Кибенка и В. П. Правика, присвоив им посмертно звание Героя Советского Союза. А руководил тушением того пожара майор Л. П. Телятников. Он победил недуг и готов к выполнению служебных обязанностей. Леониду Петровичу Телятникову тоже присвоено звание Героя Советского Союза с вручением ему ордена Ленина и медали «Золотая Звезда».

Павшие и живые... Но герои не умирают. Они всегда в строю.

Леонид Телятников.

Когда беда проходит, в памяти остаются те, кто помог в трудную минуту, будь то дело или слово поддержки. Жизнь пострадавших от аварии на Чернобыльской АЭС постепенно входит в нормальное русло. В новых поселках уже построены и строятся комфортабельные дома, детские сады, школы, клубы, магазины. Десятки миллионов рублей выплачены в качестве денежных пособий.

Эвакуированным из опасной зоны компенсируется утраченное имущество. И чем дальше отступает беда, тем чаще обращаемся мы мысленно к тем, кто помог быстрее ликвидировать последствия аварии. Сегодня наш рассказ — о них, о добрых людях. О тех, кто оказался далеко от потерпевших, но по велению сердца сразу бросился на выручку.

Татьяна НОВИКОВА

Проживающий в Ташкенте инвалид Великой Отечественной войны Матвей Иванович Толстов вместе с супругой перевел на счет № 904 четыре тысячи рублей. Очень много «семейных» переводов. Наши трудящиеся передают пострадавшим целиком месячные оклады. Свои стипендии присовокупляют студенты. Крупные вклады делают предприятия, институты, колхозы и совхозы. Много переводов от учащихся школ, ПТУ. Подчас это вклады немалые. Скажем, ПТУ производственного объединения «Ленинскуголь» в городе Ленинск-Кузнецкий Кемеровской области перечислило две тысячи рублей. Впрочем, не менее красноречивы бывают порой и куда меньшие цифры. Я уже отмечал, что средства в фонд пострадавших переводят люди самого разного возраста. И особо хочу остановиться еще на двух вкладах — московских школьников Саши Заболотного и Артема Морозова. Оба сделаны в мае, когда один учился во втором, а другой — в третьем классе. Вклады эти невелики. Всего два и пять рублей. Но какой мерой исчислить их реальную стоимость!

Непривычно видеть, как волнуется он, вот уже полвека в банке,

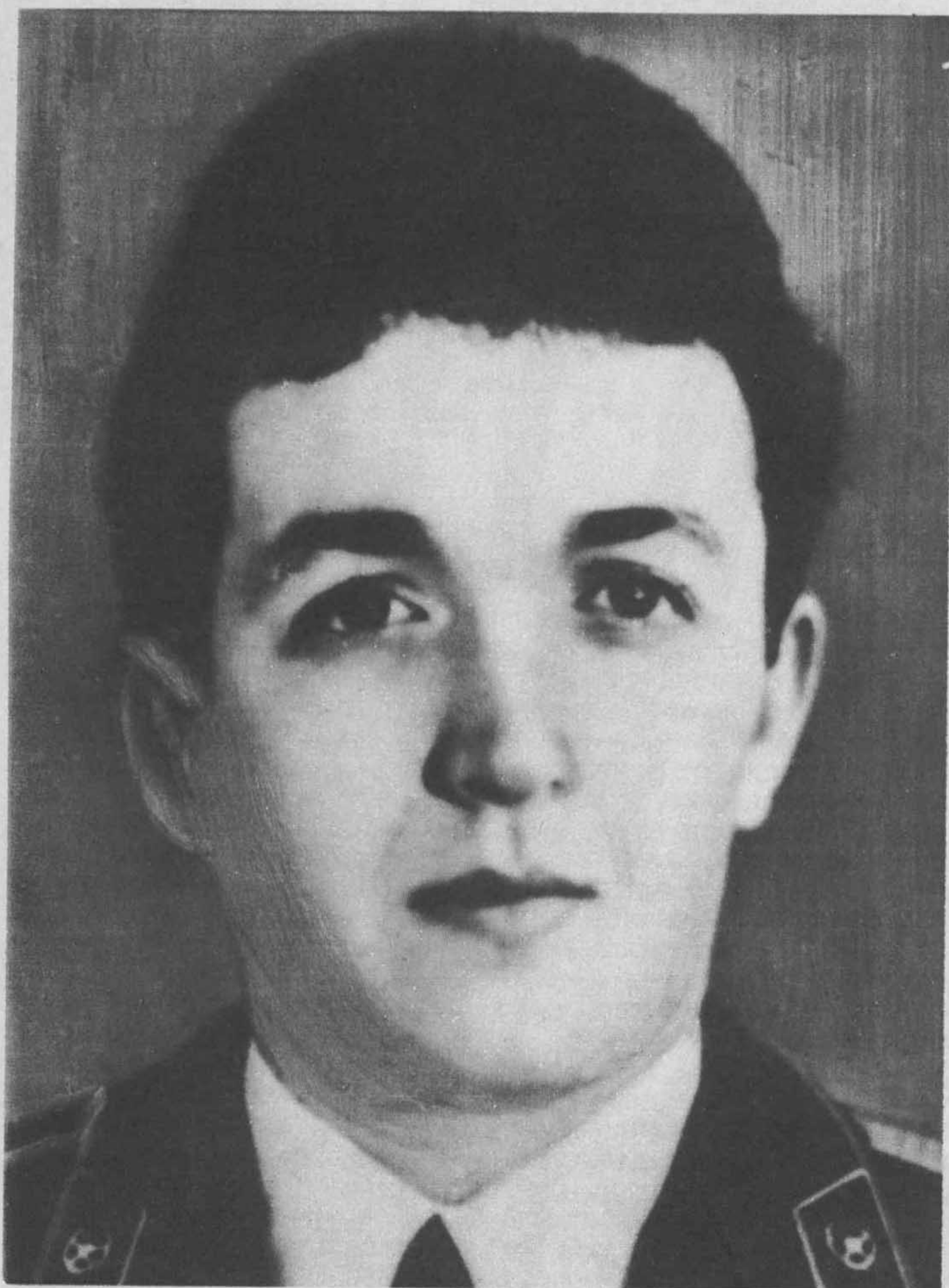

В 112-й московской школе первый взнос на счет № 904 был от этих девятиклассников.

Фото Д. Дебабова

...Госбанк СССР. Управление по кассовому исполнению Государственного бюджета СССР. Сюда и хлынули переводы от миллионов советских граждан, буквально хлынули потоком.

— В настоящее время сумма поступлений на счет № 904 — в фонд помощи пострадавшим и ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС — превысила 500 миллионов рублей, — рассказывает начальник управления Дмитрий Алексеевич Рогулин. — Все денежные средства мы сразу переводим по назначению. Что же касается документов, то часть из них передана в Центральный музей Революции СССР. Мы предоставили работникам музея возможность подробно ознакомиться с огромным архивом, собранным по Чернобылю. Документам этим цены нет. Ярko отражают они особенности советского образа жизни, жизненную позицию советских людей, их самоотверженность. Вот хотя бы такие примеры.

Виктор Кибенок.

Владимир Правик.

как говорится, «ворочающий миллионами», вспоминая об этих детских рублях. Может быть, вспомнилось собственное голодное детство? Приют? Годы послевоенной разрухи, трудного восстановления народного хозяйства? Они заставили и его принять боль Чернобыля как свою? Ну, а остальные служащие управления: Вера Васильевна Сухорукова, Раиса Ивановна Солдатовна, Таисия Ивановна Лелека, Юлия Викторовна Балашова, Людмила Исаевна Руднева... У них за плечами обычные судьбы новых поколений советских людей, выросших в мире. А ведь чтобы вовремя оприходовать, снабдить всеми сопроводительными документами каждый перевод, быстрее отправить его по назначению, каждой из них пришлось в горячие летние месяцы просиживать на работе и до глубокой ночи. Сегодня на стеллажах архива 121 том документов о переводах на счет № 904. Вера Васильевна Сухорукова достает одну из этих огромных книг, с трудом удерживая обеими руками. Вместе читаем взволнованные строки, не укладывающиеся в привычные рамки заявления отправителя, строки, написанные людьми неравнодушными:

«Я, Жигadlo Антонина Иосифовна, приняла боль Чернобыля как свою. Когда началась Великая Отечественная война, я шестнадцатилетней девчонкой пошла работать в колхоз и всю жизнь работала в колхозе, пришлось перенести всякие трудности. Воспитала пятерых детей и десять внучат — хороших, честных, трудолюбивых. Сейчас на пенсии. Когда узнала о чернобыльской аварии, решила перечислить на счет № 904 всю свою месячную пенсию». Гомельская область, Ельский район, деревня Роза Люксембург.

«Пусть наш скромный вклад станет символом единения советского народа, негнбимой воли и высокого патриотизма советских людей», — пишет Куандык Байтимирович Турдали из города Чимкент, воспитавший после смерти жены десятерых детей.

«Дорогие дети, мы, пионеры 6 «А» и 5 «Г», посылаем вам наш небольшой вклад (заработанные летом деньги) на организацию досуга, покупку лекарств. Знайте, что вы не одиноки. Как все советские люди, мы вместе с вами! Здоровья вам! Успехов во всем. Учащиеся средней школы № 128 г. Еревана».

...У всех, кто столкнулся с этими беспримерными свидетельствами душевной щедрости советских людей, откликнувшихся на боль Чернобыля, была твердая уверенность: не ради благодарности совершены поступки. И все же надо ответить, поблагодарить.

Так родилась идея памятных свидетельств, или, как называют их между собой работники Госбанка, «благодарственных писем». Красиво оформленные твердые бланки, похожие на почетные грамоты. Официальные свидетельства с неофициальным текстом: «Государственный Банк СССР с благодарностью свидетельствует...» Тираж уже направлен в сберегательные кассы страны. Такое свидетельство может получить каждый, кто протянул пострадавшим жителям Киевской и Гомельской областей руку помощи.

— Иногда так хочется увидеть этих людей! — признается Вера Васильевна, возвращая на полку стеллажа толстый том, за каждой страницей которого так ярко вспыхивали вдруг судьбы людские.

А почему бы и нет! Вот мы и вызвались несколько памятных

свидетельств — первым вкладчикам — доставить лично по обозначенным на бланках денежных переводов адресам. Выбрали людей, живущих неподалеку друг от друга, в одном районе гигантского города — Краснопресненском районе Москвы. Мы остановились на нем, так как здесь, в переулке Павлика Морозова, живет Саша Заболотный — помните: один из двух пареньков, чьи заявления на листках ученических тетрадей теперь хранятся в Музее Революции.

При каждой новой встрече поражаало, насколько последовательно помощь пострадавшим в общенародной беде оказывалась продолжением привычной линии поведения, раз и навсегда избранной жизненной позиции. Первыми на помощь потерпевшим пришли именно те люди, которые всегда первыми откликаются на беду соседа.

«Первая мысль была: наш народ постигла беда. Ну, а как помочь можно, если ты от нее далеко? Только средствами», — вспоминает научный работник Марина Георгиевна Цюрупа, автор ряда трудов по истории аналитической химии в России и СССР. Впрочем, было время, когда в ее научной дея-

ГОСБАНК СССР БЛАГОДАРИТ

тельности произошел длительный перерыв. В годы Великой Отечественной войны Марина Георгиевна еще с несколькими женщинами в Чебоксарах работала в детском доме. Приходилось делать все: и мыть полы, и стирать, и готовить.

Все-таки жаль, что не принято у нас сегодня писать о генеалогическом древе, о семейных корнях. А ведь они существуют. Без крепких нравственных традиций, передающихся от поколения поколению, нормальная семья просто не может существовать. Не случайно ведь совпадение: первый же коротенький адрес на бланке перевода привел нас не к простой однофамилице — члену славной революционной семьи, продолжательнице ее традиций. Детство самой Марины Георгиевны прошло на строительстве Каширской ГРЭС, которым руководил отец Георгий Дмитриевич Цюрупа, главный инженер станции, родной брат ленинского наркома продовольствия Александра Дмитриевича Цюрупы. Девочкой видела Ленина. Разговоры в семье, воспоминания участников героических лет становления Советского государства формировали характеры ее поколения.

А вот обратный адрес целого жилого дома — № 26 по улице Алексея Толстого. Группа его жильцов сделала вклад совместно. Клич же о помощи бросила ныне пенсионерка Ева Абрамовна Подобрянская. И это опять не случайно. Снова разговор неминуемо приходит к тем нашим общим истокам.

Скромна обстановка небольшой комнаты. Главное в ней — на стене увеличенная фотография сына. Илья Борисович Ольховой на фронт ушел добровольцем. Был комсоргом взвода. Погиб в сорок втором. Его имя высечено в числе других на мемориальной доске в актовом зале МГУ.

Один из домов в переулке Павлика Морозова. Квартира Заболотных...

— Я рада, что удалось научить сына самому главному, — делится мать маленького Саши Нинель Александровна. — Мы с сыном встретились на улице. В тот день была зарплата, а накануне — сообщение о трагедии. У меня как-то не вызвало сомнений, что надо пойти и перевести деньги на счет № 904. Может быть, еще потому, что мы с мужем геофизики и оттого еще острее представляем, как трудно ликвидировать последствия такой аварии, как важно сделать это скорее. Ну вот, а когда возвращалась домой — навстречу Саша. Говорит, решил передать на счет № 904 свои сбережения — рубль двадцать копеек. И знаете, сначала я стала его отговаривать. Мол, я уже за всю семью деньги внесла. А потом подумала: а правильно ли мы поступаем, что вот так с самого детства стараемся все делать за них? Добавила ему еще восемьдесят копеек — вроде два рубля переводить удобнее. Отвела в сберкасса и показала, как документы надо оформить.

А Саша — самый обычный мальчик. Может, только чуть больше «средней нормы» сосредоточенный, мечтательный. Например, предпочитает рисовать, играть в шахматы, а не гонять мяч во дворе. Профессию еще себе не выбрал. Но одно знает твердо: когда случается беда, ее надо решать всем вместе.

Остановить ядерный оползень!

Рис. М. АБРАМОВА и А. АНДРЕЕВА

Более 100 тысяч человек — таково было число участников советского этапа международной «Эстафеты мира», проводимой под эгидой ЮНИСЕФ — Детского фонда ООН. Именно во имя будущего планеты, во имя детей ведется сегодня борьба против угрозы войны, за ликвидацию нищеты и голода, за осуществление всех самых светлых надежд.

На снимке: участники «Эстафеты мира» на Красной площади.

Фото А. Вулкани и Е. Успенского

СЕМЬ «ЕСЛИ»

И

ЧЕТЫРЕ «ПОЧЕМУ»

Мэлор СТУРУА

Я думаю, более того, уверен, что Уильям Фолкнер перевернулся бы в своей могиле, узнав, кто, как и почему взял его в свидетели и соавторы да еще перед лицом самого представительного международного форума — Организации Объединенных Наций. Завершая свое выступление в Генеральной Ассамблее ООН, президент США Рональд Рейган неожиданно вспомнил этого великого американского писателя. «Уильям Фолкнер когда-то сказал, — ораторствовал нынешний хозяин Белого дома, — что последним звуком на земле станет спор двух оставшихся людей о том, куда отправиться в построенном ими космическом корабле». Затем Рейган стал цитировать речь Фолкнера в Нобелевском комитете, произнесенную в 1950 году: «Фолкнер говорил о ядерном веке, о всеобщем и всеместном физическом страхе, порожденном этим веком, о страхе перед уничтожением, который стал почти невыносимым. Однако он сказал: «Я отказываюсь мириться с закатом человека. Я верю, что человек не просто выживет, но и восторжествует. Он бессмертен... ибо у него есть душа, дух, способный сострадать, идти на жертвы и выстоять».

Этот пассаж в речи президента был не только неожиданным. Он явно выглядел инородным, ибо весь пафос президентской риторики находился в вопиющем противоречии с чувствами и мыслями Уильяма Фолкнера. Впрочем, оно и неудивительно. Ведь, кроме вышеприведенной небольшой цитаты, речь Рейгана писалась не рукой гуманиста, а под диктовку военно-промышленного комплекса. «Разочаровывающая» — таков был всеобщий вердикт, вынесенный этой речи.

В своем выступлении на 41-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН министр иностранных дел СССР Э. А. Шеварднадзе не цитировал Фолкнера. Но именно советская позиция, основанная на новом мышлении, могла органически впитать в себя его чувства и помыслы. Политической вседозволенности противопоставлялась политическая ответственность; опасной игре с ядерным огнем — призыв к созданию всеобъемлющей системы международной безопасности; планам «звездных войн» — перспективы «звездного мира». Фолкнеровская идея выживания и торжества человека нашла свое образное выражение и в финале речи представителя Страны Советов: «Не надо настраивать политические телескопы так, словно кого-то только и интересует, есть ли жизнь на Марсе. Нам всем предстоит дать ответ на один, равно важный для каждого вопрос: будет ли жизнь на Земле. Очень хотелось бы уверенно ответить: будет!»

Две речи, два подхода, две философии.

В выступлении Рейгана, к сожалению, отсутствовали элементы нового мышления, которое диктуется реальностями ядерно-космической эпохи. Это не случайное упущение. Речь в ООН была произнесена им 22 сентября, а на следующий день, 23 сентября, он выступил в Рузвельтовском зале Белого дома перед своими единомышленниками. Фолкнер уже не цитировался. Вместо него Рейган изложил так называемые «четыре почему» — четыре причины, по которым США отказываются прекратить испытания ядерного оружия.

И вновь напрашивается сравнение. Я имею в виду знаменитые «семь если» в ответах М. С. Горбачева главному редактору газеты «Руде право». Их суть заключалась в том, что отношение ядерной державы к прекращению ядерных испытаний — это пробный камень ее политики в области разоружения, международной безопасности, в подходе к монументальной проблеме выживания человечества. Рейгановские «четыре почему» говорят о том, что администрация США стремится уйти от решения этой ключевой проблемы, стремится к новому, опаснейшему витку гонки вооружений в тщетной надежде заполучить военное превосходство над нами.

«Семь если» и «четыре почему»... Вновь два подхода, две философии. Если первый объясняет суть миролюбивой внешней политики Москвы, второй вскрывает, почему Вашингтон движется в противоположном направлении. Именно в вашингтонских «почему» следует искать причину того, что поезд советско-американских отношений, набравший было скорость после женевской встречи в верхах, сейчас забуксовал.

Тем не менее ростки нового мышления в мировой политике настойчиво пробиваются сквозь основательно промерзшую почву международных отношений. Убедительный пример тому — успешное завершение Конференции по мерам укрепления доверия и безопасности в Европе, которая почти три года заседала в столице Швеции, в Стокгольме. В своем заявлении по итогам этой конференции М. С. Горбачев подчеркнул: «Это победа здравого смысла, выигрыш всех тридцати пяти стран, участвовавших в конференции. Они сумели подняться над разногласиями и достичь договоренностей, которые важны не только сами по себе, но и улучшают перспективы создания стабильной обстановки в Европе. Успех в Стокгольме может послужить расширению атмосферы доверия и в международном масштабе».

Человечество стоит на распутье. Или новостройка разрядки, или развалины цивилизации; или мир без войн и оружия, или войны и оружие, которые покончат с этим миром. Как было сказано с высокой трибуны ООН: при существовании в мире пятидесяти тысяч ядерных зарядов нам всем отпущено время, взятое взаймы у случая, и никто не знает, каков срок этого кредита. Вот почему человечество не имеет права на ошибку, права на моральное и ядерное банкротство. Оно, говоря словами Уильяма Фолкнера, должно, обязано выжить и восторжествовать.

Американский журнал «Мазер Джоунз» в своем августовском номере назвал нынешний этап политической жизни США «эрой Рэмбо». Это означает, что методы Рэмбо, убийцы из разренламинированного в Америке одноименного шовинистического фильма, взяты на вооружение политиками Вашингтона. Рэмбо в политике — это подготовка к войне. Рэмбо в искусстве — нищета духа.

Ныне, когда, кажется, все человечество стремится заговорить на языке мира, в «политических окопах» Вашингтона без перемен и мыслей, и действуют. Более того, похоже, что своей главной задачей обитатели этих «окопов» считают отпор атаке советского моратория на ядерные испытания, поддержанного большинством жителей Земли. «Рэмбополитики» даже слышать не хотят взывающие к спасению жизни голоса народов, в том числе и своего собственного. Естественно, это тревожит всех честных американцев. Автор статьи, опубликованной в уже упомянутом американском журнале, Адам Хосчайлд, пишет: «За последние десять лет военный бюджет США вырос на 53 процента, наши улицы заполнились безработными, идут испытания по программе «звездных войн». Мог ли кто-либо десять лет тому назад поверить в то, что президент будет высмеивать проблему загрязнения атмосферы и игнорировать советский мораторий на ядерные испытания?.. Много подобных вопросов ныне закономерно задают люди самых разных убеждений. Их объединяют гнев и возмущение опасным упрямством тех, кто позволяет вести себя в духе «рэмбоморали».

«Хочу помиловать, хочу казнить» — великодержавное кредо, которому верен на практике официальный Вашингтон в отношении всего остального мира. Из дня в день нарастает эскалация угроз в адрес Ливии, Никарагуа и других суверенных стран, не желающих строить свою жизнь под диктовку американских стратегов. Администрация США неотступно требует от конгресса новых и новых миллиардов на оружие. В том же духе ею бесперебойно ведется «промыывание мозгов» американцев по классовым заказам военно-промышленного комплекса. При этом поклонники Рэмбо в Америке всячески изворачиваются и ловчат. Средства массовой информации США воспевают «платоническое миролюбие» своей администрации. Многие американцы, мягко говоря, недоумевают по поводу сообщений западной печати о якобы искренней готовности администрации США «поделиться с русскими технологией СОИ». Ведь не кто иной, как Белый дом, запрещает экспорт в СССР товаров, свободно продающихся в американских магазинах.

Одновременно с наведением глянца на милитаристский курс в Америке сгущаются ядовитые облака клеветы на Советский Союз, его союзников и всех тех, кто выступает против «мускульной политики». Американскому империализму явно не по душе наступившая у нас пора обновления и очищения, пора политической и духовной мобилизации советских людей на ускорение социально-экономического развития страны. Но, стремясь посеять здесь семена сомнения, заокеанские пропагандисты проявляют явное незнание нашего духовно-нравственного потенциала и экономических возможностей СССР.

Обращает, например, на себя внимание подача журналом «Тайм» недавнего пребывания в СССР «сверхстреба» Пентагона Ричарда Перла, впервые попавшего в советскую столицу. Журнал пишет, что этот «принц темноты», окрещенный столь нелестно за свой милитаристский экстремизм, возмущался даже московским морозом, не говоря уж обо всем остальном...

Небезызвестный из-за своей поистине патологической ненависти к нам советолог Ричард Пайпс вещает направо и налево: мир не может быть альтернативой свободе. Какой же свободой? Оказывается, смысл, вкладываемый этим махровым проповедником вражды, простой — силой заставить мир принять диктат «свободной» для безработицы и бесправия Америки.

С самых давних времен человечество твердо усвоило, что грубая сила — антипод разума. Тем более верно это сегодня, когда кулак стал ядерным и его удар может поставить точку на существовании самой жизни на Земле.

Б. ЯРИК

РЭМБО-ПОЛИТИКА, ИЛИ НИЩЕТА ДУХА

Их было пятеро, заслуженных изобретателей СССР: академики Б. Е. Патон и Л. Н. Кошкин, профессор из Кургана Г. А. Илизаров, хирург-окулист член-корреспондент АМН С. Н. Федоров, главный механик Череповецкого металлургического завода Л. Н. Данилов. Недавно это почетное звание получил и Андрей Никифорович Филиппов, инженер-механик. На оборотной стороне врученного ему знака выбиты цифры 006.

Наш корреспондент Елизавета ЛЕОНТЬЕВА встретила с А. Н. ФИЛИПОВЫМ.

ДИПЛОМ

006

— Какое качество характера вы считаете главным для изобретателя?

— Оптимизм. Правда, мой оптимизм нередко подвергается сильным испытаниям. Признаюсь вам, я даже чуть не угодил в «красную папку», которая чем-то сродни Красной книге. Во всяком случае, определенные ассоциации она у меня вызвала. Попади я туда, не знаю, смог ли остаться оптимистом. Показали нам эту папку на одном из совещаний в Государственном комитете СССР по делам изобретений и открытий. В ней, объяснили нам, — лежат изобретения (разумеется, далеко не все), так и не внедренные в нашем народном хозяйстве. А в другой папке, «синей» (нам показали и ее), — точно такие же технические решения, но запатентованные ведущими зарубежными фирмами и проданные нам.

— Тут впору руками развести... Когда есть аналогичное свое, зачем покупать чужое? Как допускается такое?

— К сожалению, допускается. Есть решения, висящие буквально на кончике пера, их ждут, предсказывают, в этом направлении работают. Одинаковые изобретения могут почти одновременно рождаться в разных странах. Но что обидно, за рубежом часто опережают не саму идею, а ее внедрение, массовое тиражирование в виде готовой продукции. Ведь у нас внедряется только третья часть сделанных изобретений. Поверьте мне, говорю со знанием дела: тридцать с лишним лет посвятил изобретательству. Уйдя в него с головой, может, многое и упустил в великом разнообразии жизни. Но так уж сложилось, я не жалею. И не отношусь к числу тех, чьи идеи не внедряются. Мои «работающие» изобретения приносят пользу, нередко позволяют отказаться от закупки лицензий и импорта гото-

вой продукции. Мне удалось добиться создания в Центральном научно-исследовательском автомобильном и автомоторном институте, где я работаю, единственной в отрасли межотраслевой лаборатории. Сейчас весь ее коллектив — лауреаты премии Совета Министров СССР. Короче, могу считать себя вполне удовлетворенным результатами своего труда. Но не считаю. Есть на то серьезная причина — цена, которой мне все это досталось. Взять хотя бы лабораторию, о которой я только что упомянул. (Всего-то штат — два инженера и два слесаря!) Так вот, для ее создания пришлось мне встретиться с восемью министрами, вдвое большим числом их заместителей, несколькими академиками, вице-президентом и президентом АН СССР. Я уже не говорю об ответственных рабочих Госплана СССР, ГКНТ, других ведомств.

А сколько приходится бегать, решая очередную внедренческую задачу? Скажу без преувеличения: на «пробивание» уходит девяносто процентов моего времени. Не расчётливость ли это? Не выступаю я постоянно в роли тарана, пробивного человека, немало мог бы еще новинок создать и разработать...

Недавно был у меня разговор с одним собратом по изобретательству. «Сколько у тебя изобретений?» — спросил он. «Тридцать», — говорю. — А у тебя? — У меня, — отвечает он, — уже больше ста, но я решил больше ничего не изобретать. Пожалеть свое здоровье, нервы...

Поговорили мы с ним крепко. Того, кто отказывается от борьбы, едва получив авторское свидетельство, я не уважаю. Сложнее чувство к тем, кто складывает оружие, уже познав, почем фунт лиха. Уставшему человеку так соблазнительно отказаться от идеи.

А дальше что? Загнанная в глубь души неудовлетворенность, обида? А то и озлобление? Убежден, творец с подрезанным крылом не может стать даже просто обывателем. Он рискует выродиться в свою противоположность — стать врагом более удачливых коллег, завистливым соперником, ставящим палки в колеса любому — не своему! — начинанию. Знаю немало изобретателей, под напором неудач утративших веру в успех, носящих теперь все и вся. Это ненормально с любой точки зрения: моральной, экономической, социальной.

...Первое свое изобретение Филиппов разработал в 1948 году, но тогда оно не увидело света. Внедряется только сейчас, спустя десятилетия...

Я знаком с Андреем Никифоровичем давно и не перестаю удивляться его работоспособности, быстрой реакции, гибкому уму, великодушному чувству юмора. А ведь жизнь у него трудная, за плечами — Великая Отечественная, госпитали, ранения...

Женился поздно — под сорок. Смеется по этому поводу: «Некогда было. Государственными делами занимался». «А как жена смотрит на то, что муж постоянно занят с раннего утра до позднего вечера?» «Привыкла, — говорит. — Да и что ей остается делать?»

— Андрей Никифорович, у вас тридцать изобретений. Какое из них вы считаете наиболее важным?

— Все они мне, конечно, дороги, но все же выделю одно. Кто-то из моих знакомых назвал его «золотым колечком». Ну, золотое не золотое, а выгоды оно принесло огромные.

Все началось с того, что при создании Волжского автозавода фирма «Фиат» по каким-то своим соображениям отказалась продать нам лицензию на уплотнительное кольцо для насоса охлаждения. Автомобиль есть, кольца нет. Ситуация. Нужно было срочно разработать кольцо и дать его на утверждение той же фирме. Критерий один: чтобы оно получилось не хуже их собственно-

го. Вызвал меня тогдашний министр автомобильной промышленности и сказал: «Докажи, что ты настоящий изобретатель. Даю тебе месяц на раздумье».

Испытания потом показали, что наше кольцо втрое лучше фирменного. Работы было, конечно, много. Организовали производство исходного порошка у химиков. У знаменитого изобретателя Кошкина «позаимствовали» роторный пресс да еще модернизировали его. (Эти прессы работают уже много лет, как часы, без ремонта.) Разработали безотходную технологию массового изготовления уплотнительных колец. Теперь обеспечиваем ими и ВАЗ, и КамАЗ, и все другие автозаводы страны. И еще судостроение в придачу. Такие же уплотнители ставятся и на сельскохозяйственную технику. Немало колец продаем за границу. А самое главное, в результате всей этой работы родилось новое направление в порошковой металлургии — так называемое низкотемпературное горячее прессование.

— Андрей Никифорович, а какие художественные произведения об изобретательском творчестве вы считаете интересными, правдивыми?

— Моя настольная книга — «Не хлебом единым» В. Дудинцева. Считаю ее своего рода руководством для себя еще с тех пор, как три десятилетия назад она была подвергнута уничтожающему «разбору». Сам был на таком, с позволения сказать, обсуждении книги, и до сих пор душа переворачивается, когда вспоминаю, как некоторые с пеной у рта кричали, что она порочит советскую действительность.

Так же, как и герой этого романа Дмитрий Лопаткин, я всю жизнь борюсь за свои изобретения. Полной мерой хватил все трудности, какие только могут выпасть на долю человека, идущего напро-

За чаем с супругой Любовью Федосеевной.

Фото Э. ЭТТИНГЕРА

лом, не задумываясь о сиюминутной околонулевой конъюнктуре. Был изгнан из института теми, кому мешал «спокойно заниматься серьезными делами». Числился ту-неяцем — мы жили на зарплату моей терпеливой и все понимающей жены.

Нет, не сравниваю себя с Дмитрием Лопаткиным — человеком огромного гражданского мужества, но всегда старался быть таким же твердым и бескомпромиссным. Как он после очередного отказа упорно писал письма в министерства, комитеты, комиссии!..

Хотел бы я прочитать и новый роман Дудинцева, этому автору я верю.

— Но ведь не всем же так туго приходится?

— Не всем. Но все равно изобретатель должен обладать сильным характером, потому что «пробивать» идеи приходится и сегодня.

Вспоминается мне угасший новосибирский «Факел» — фирма, которая была как бы посредником между наукой и производством. Делали эту посредническую работу за весьма скромное вознаграждение несколько тысяч студентов, аспирантов, молодых инженеров и ученых Новосибирска. За недолгое время своего существования «Факел» принес государству около пятидесяти миллионов рублей прибыли. Однако фирма, возглавляемая горьковским комсомолом, плохо вписывалась в межотраслевые ножницы, в рамки хозяйственного механизма и не сумела выжить.

У фирмы «Факел» появилась сейчас масса последователей: инициатива молодых то тут, то там берет верх над косностью. А все потому, что по-прежнему остра общественная потребность в промежуточном звене между наукой и заводом. Это «между» зияет как пропасть, через которую надо кому-то наводить мосты. И тут за

работу в первую очередь берутся молодые. По данным ЦК ВЛКСМ, в стране действует уже около 15 тысяч различных молодежных творческих объединений. Не имея ни солидных контор, ни штатного расписания, ни нормированного рабочего дня, они выполняют заказы в среднем раза в два быстрее, чем, скажем, профессиональные КБ. Студенческие конструкторские и технологические бюро действуют более чем в 500 вузах, они объединяют два с половиной миллиона будущих специалистов. В общей же сложности в научно-техническом творчестве участвуют свыше 20 миллионов юношей и девушек.

Вот сам я сейчас помогаю молодому изобретателю из Минска Виктору Жарнову, он придумал в общем-то простую вещь, которая позволит экономить 500 тысяч тонн горючего в год. Дело стоящее. Пытаюсь, помня свой опыт, провести новичка, менее поднатревшего в «таранных» делах, через многочисленные барьеры...

...Вечно Филиппов кому-то помогает. Вся его жизнь связана с двумя отраслями промышленности — авиационной и автомобильной. Первой он «изменил» ради того самого «золотого колечка», которое обернулось широко признанной революционной технологией. И вот уже много лет его судьба тесно переплелась с судьбой межотраслевой лаборатории, само существование которой внутри отраслевого института ново и нетрадиционно. Оно вызвано к жизни стараниями, долгими усилиями изобретателя.

Не знаю, чем он больше озабочен сейчас — своими делами или «чужими», но «чужие» проблемы всегда принимает близко к сердцу. И если уж взялся Филиппов за что-то, создается впечатление, что преград для него не существует. При этом он никогда не теряет чувства собственного достоинства, самоуважения и других умеет заставить уважать себя и дело, которым занимается.

— Что же, по-вашему, труднее всего преодолеть изобретателю?

— Особенно изнурительно действует, когда тебе противостоят

коллектив научно-исследовательского института, министерства и так далее. Эта ситуация повторяется в разных вариантах. «Самоучку» в кавычках, конечно, отталкивают, а он все напрашивается в коллеги, ищет союзников. Не может понять: почему от него все отрешиваются да еще априорно признают его изобретение негодным? Плюс к тому смотрят на тебя, мягко говоря, как на чудака. А иные не стесняются и пальцем у виска покрутить. Так и пребывают изобретатели-одиночки (название-то какое придумали!) в роли домашних умельцев, ищут детали на свалках, мастерят свои поделки в сарае, применяют их в собственном доме или в огороде. Велика от этого польза? Помним ли мы о том, что вместе с новатором наказываем и народное хозяйство?

Я за коллективное творчество и сам всячески его пропагандирую. Но против недооценки роли индивидуального изобретательства. Все мы поначалу остаемся наедине со своей идеей, она ведь не приходит в голову сразу всему коллективу ученых. И даже если потом новшество разрабатывается целой лабораторией, «генератор идей» все равно должен стоять особняком, ему нужны особые условия для творчества. Авторами наиболее выдающихся изобретений и открытий были «одиночки». Вспомните мировой известности имена Циолковского, Ползунова, Шухова. Нужны более современные примеры? Илизаров, Федоров... Конечно, в начале века «одиночки» выделялись заметней — мир ученых был более узок. Но это не значит, что сейчас, имея огромную армию исследователей и разработчиков, мы можем нивелировать роль человека, продуцирующего идеи. Более того, нынче нетрудно найти коллективы творчески бесплодные, занимающиеся мелочевкой. В таких обычно про-

цветают паразитические традиции соавторства (в соавторы чаще всего записываются руководители), пишутся дутые научные труды, а конечной целью всей деятельности становится получение степеней и должностей.

Стереотипному противопоставлению индивидуального и группового изобретательства помог укорениться механизм оценки деятельности НИИ: принимаются во внимание лишь «свои» разработки, рожденные в институте, а «чужие» на показатели не влияют. Точнее, влияют в худшую сторону: если ты помогаешь внедрить «чужие» новшества, то «свои» — плановые — стоят на месте. Разве не очевидно, что оценка должна вестись не по количеству институтских разработок, а по техническому уровню продукции, полученной в результате реализации всей совокупности подходящих для этой цели решений? Вот тогда не запирали бы ворота перед «одиночками», а, наоборот, искали бы умельцев по городам и весям.

— Вы правы. Получается, что изобретатель сегодня еще плохо вписывается в плановые дела научно-исследовательских и проектно-конструкторских организаций. А как он вписывается в хозяйственный механизм страны?

— Тоже плохо. Любое серьезное нововведение требует перестройки производства, специальной подготовки кадров; ломается ритм работы, возникает угроза невыполнения плана. Мало кто идет на это с энтузиазмом.

«Изобретение, конечно, важное, — рассуждает иной директор, — завтра оно откроет предприятию огромные возможности. Но сегодня-то мы завалим программу и премию не получим. Нет уж, лучше не рисковать...» Самое большее, на что может пойти такой руководитель, — реализовать несколько рационализаторских предложений, тут усилия минимальные. И эффект получаешь сразу, пусть и совсем незначительный. Приходится констатировать нерадостный факт: такую политику проводит большинство предприятий. Недаром из семи миллиардов рублей, получаемых ежегодно за счет внедрения новшеств, основная часть приходится именно на долю рацпредложений.

Спору нет, без рацпредложений не обойтись — надо решать и сиюминутные задачи производства. Но ведь это та самая ползучая эволюция, не дающая абсолютно никаких коренных сдвигов, не обеспечивающая перспективу. Значит, соотношение надо резко менять в пользу изобретений, чтоб не попадали они в «красную папку». А для этого необходимы новые экономические рычаги, изменения в планировании, необходим Закон об изобретательстве, который сейчас разрабатывается. Изобретатели ждут и надеются, что в законе будут восстановлены ленинские принципы оценки технического творчества, что оно будет достойно оцениваться как морально, так и материально, по формуле — «от каждого по способностям, каждому по труду».

Что же касается Комитета по делам изобретений и открытий, то, думается, он должен превратиться в истинный штаб прогресса, обладать правом воздействия на предприятия, чтобы те прислушались к его рекомендациям. И изобретателю тогда не надо быть обязательно «пробивным человеком», достаточно оставаться творческой личностью.

Палитра эры Октября

Октябрьская революция волею народа свергла в России старый мир. Началась эпоха созидания социализма... Перед художниками Страны Советов открылась благородная цель — отразить время.

Процесс творчества — проблема непростая. Пути поисков нови сложны. Но тем интереснее понять, как развивалось и крепло советское изобразительное искусство — явление доселе небывалое.

Редакция журнала «Огонек» поставила своей задачей развернуть перед читателями широкий обзор нашей живописи за семь десятилетий. Вы увидите многонациональную палитру Октября.

Начиная с этого номера журнала перед читателями пройдут картины десятков мастеров. В их произведениях будет рассказано о замечательных людях, о романтической поре, полной кипения строек, трудностей и исторических побед.

Борис УГАРОВ,
президент Академии художеств СССР

«Новая планета». 1921 год. Художник Константин Федорович Юон. На тревожном, пронзенном яркими лучами темном небе возшла над горизонтом огромная алая планета. Ее свет озаряет холодную, синеватую землю. Люди восторженно приветствуют новое светило. Силуэты человеческих фигур выражают полярные состояния. Ликование, счастье, смутение, страх. Так афористично, языком символов передает мастер свершившееся.

К тем годам признанный живописец, создатель «Весеннего солнечного дня», «В Сергиевом посаде», «Мартовского солнца», Юон всем сердцем принял революцию.

Ранее Константин Юон входил в круг признанных живописцев — Андрея Рябушкина, Апполинария Васнецова, Сергея Иванова, Абрама Архипова... Его холсты экспонировались на крупнейших выставках.

«Целью живописи, — писал Юон, — является не заменить собою живую жизнь и природу, а выражать ее поэтическим языком искусства».

...Октябрь 1917 года всколыхнул душу художника. Юон вдумчиво учится «видеть то, что задумано, слушать ту музыку, которой гремит разорванный ветром воздух». Он всем нутром принимает призыв поэта Александра Блока. Создает «Новую планету».

Этот холст поражает своей поэтикой, лирической напряженностью. Возникает вопрос: откуда такая декоративная насыщенность у опередившегося представителя «московской школы»?

Ответ прост. Юон еще в 1907 году начал работать как сценограф. Он сотрудничал с художниками А. Головиным и А. Бенуа. Писал декорации для дягилевской антрепризы.

Позже Константин Юон самостоятельно создает оформление «Бориса Годунова» Мусоргского. В этих декорациях художник глубоко проникает в историю Руси.

Луначарский писал об этой постановке «Бориса Годунова» из Парижа: «Борис... предстает на этот раз перед парижской публикой, внешне в небывало прекрасной оболочке. Сильны и изящны декорации Юона».

Более темпераментно развивает ту же мысль Федор Шаляпин, исполнявший роль Бориса. «Экая прелесть, ей-богу, талантливый парень, черт его заласкай», — говорит он Горькому.

...Проходит треть века, полного труда в искусстве.

1941 год. Занесенная снегом прифронтовая Москва. В выстуженной мастерской Константин Юон создает свой шедевр: «Парад на Красной площади 7 ноября 1941 года». Он оканчивает маленький холст лишь в 1942 году. Это подлинная веха в истории советской живописи. В полотно звучит само суровое время. Великая история.

К. Ф. Юон — народный художник СССР, академик живописи, лауреат Государственной премии СССР. Он оставил после себя огромное художественное, бесценное наследие. Поистине вклад в золотой фонд отечественного искусства. Он был живописец-патриот, гражданин.

Памятен крупный успех выставки произведений Бориса Михайловича Кустодиева. Очередь за билетами не прекращалась ни на миг. Зрители приходили загодя, чтобы обязательно успеть попасть в залы Академии художеств на Кропоткинской улице в Москве.

Вернисаж экспозиции был на редкость многолюден. Праздничен. Яркие, сочные картины. Искусство мажорное вызывало радость любителей живописи.

И вот в суете вернисажа известный искусствовед Илья Самойлович Зильберштейн любезно представил небольшого роста, седеющую женщину с юными сияющими глазами. Ирина Борисовна Кустодиева — дочь художника.

На другой день мы встретились на выставке. Около двух часов мне посчастливилось записывать истории создания некоторых шедевров мастера.

«27 февраля 1917 года»... Этот холст создан уже в 1918 году по ранее написанному этюду.

— Помню морозный день, — задумчиво промолвила Ирина Борисовна, — дым из труб тянулся прямо к небу. Из большого окна мастерской на Введенской видна была заснеженная улица. Сугробы с синими тенями. Зимнее солнце озаряло толпы народа с красными флагами. Прямо у нашего дома остановился грузовик с солдатами. У многих на винтовках — алые флажки.

Отец попросил меня придвинуть к окну колясочку, к которой его уже не первый год приковал тяжкий недуг. Ведь с 1912 года из-за злокачественной опухоли он не мог ходить. Однако именно в эти годы он написал свои наиболее выдающиеся картины. Полные радости жизни, задорные, веселые.

Итак, я подкатила коляску. Подставила мольберт. В мастерской была тишина, а за окном кипела жизнь. Кто-то кричал. Бурлила толпа. Но звуки не проникали в студию. Отец писал около трех часов. Пока не ушло солнце.

Когда я увидела его глаза, они были влажны. Подумав, что у него начались боли, я принесла лекарство.

— Ирочка, ты не понимаешь, что это за счастье, что у нас в Петербурге я вижу красные флаги свободы!

В истории отечественного советского изобразительного искусства Борис Кустодиев — один из первых выдающихся мастеров — создал этапонное, классическое произведение «Большевик». Оно написано в 1920 году. Картина небольшого размера, но необычайно монументально решена. Гигантская фигура рабочего с багровым стягом шагает по сташему городу. Он будто вырастает из бесчисленных масс народа, заполнивших тесные улочки. Кустодиев по-своему, масштабно видел революцию. Он ждал ее.

Ирина Борисовна в конце нашей встречи на выставке рассказала мне, как отец частенько говорил ей и брату Кириллу:

«Счастливые вы, доживете и увидите всю красоту предстоящей жизни. А в жизни самое главное — труд. И право на отдых после труда. Это и завоевано самим народом. Раньше этого не было. Жить было трудно, унижительно, мерзко».

Кустодиев не прожил и полвека. Он ушел из жизни в 1927 году. Ему было всего сорок девять лет.

Семнадцатилетний Николай Терпсихоров приходит учиться в студию Юона. Это был 1907 год. Потом поступает по конкурсу в Московское училище живописи, ваяния и зодчества. И опять мы слышим знакомые имена его учителей — соратников Юона: А. Васнецов, К. Коровин, Н. Касаткин. Николай Терпсихоров был прилежный, трудолюбивый студент.

В 1917 году художник уходит в Красную Армию. Он участвует в гражданской войне.

В историю советского искусства Николай Борисович Терпсихоров вошел как художник одной картины.

«Первый лозунг». 1924 год. Успех холста в его автобиографичности. В этом сокровенная доверительность картины.

Терпсихоров в те годы работал в «Окнах РОСТА». На картине он стоит спиной к нам. Одетый в пальто, озябший. Старательно выводит на кумачовом полотнище «Вся власть Советам».

В мансарде холодно. Краски, клей стынут. Сквозь разбитое окно дует ледяной ветер. На столе одинокий чайник. Хлеба не видно. В мастерской полумрак. Только мерцают белые гипсовые слепки с античных шедевров... Не гудит «буржуйка». Нет дров. Неуютно, запущенно в просторном чердачном помещении.

См. стр. 25

К. Юон. 1875—1958. НОВАЯ ПЛАНЕТА. 1921.

Б. Кустодиев. 1878—1927. 27 ФЕВРАЛЯ 1917 ГОДА. 1918.

В становлении меня как поэта немалую роль сыграли мои литературные наставники — Борис Пастернак, Михаил Пришвин, Андрей Платонов. Это были совершенно непохожие личности, и каждый обладал несметным богатством образов, чувств и мыслей.

При встречах Пастернак завораживал меня неудержимым потоком метафор, которыми он постигал действительность и все происходящее вокруг. Об одном своем современнике, лирическом поэте, он выразился так: «Сердечко на ладони! Бьется — и всем видно!» К слову «сердечко» он прибавлял эпитет «официальное».

Пришвин, как сказочный Берендей, речью, какую

можно было слышать на Орловщине из уст мужиков, рассказывал сказки и поэмы о лесах, птицах и зверях и при этом не обходил человека, которого считал «самой близкой природой». Он не писал стихов, но был поэтом. Вот его фраза: «Я прицелился в летящего вальдшнепа, и все лужицы закрыли глаза!»

Я очень дружил с Андреем Платоновым. Не однажды проводил с ним долгие зимние ночи в разговорах о литературе. Он был отважным искателем правды и истины.

Теперь это уже классики русской литературы. Они завещали беречь литературную честь и достоинство.

Августовский стук плодоношения,
Перекличку вызревших плодов
Принимаю я, как приглашение
В шалаш вращенных мной садов.

Прививал я саженцы глазками,
Ограждал, растил и удобрял.
И они, как дети, вырастали,
Больше сам давал я им, чем брал.

Белого налива нынче много,
Как хорош старинный сорт анис.
Заходи, прохожий, рви и пробуй,
Вся и плата — саду поклонись!

Как-то припожаловал усатый,
Беспокойный, яблоневый дед.
Пожевал, потом спросил:
— А сам ты
Яблоки даешь или пустоцвет?

Деду ничего я не ответил,
Что хвалиться, должен видеть сам.
Садовод-старик был сердцем
светел,
Свежий сок катился по усам!

ВЕТЕРАН

Говорят твои награды:
Храбро ты в бою ходил.
Воевал под Сталинградом
И под Прохоровкой был.

Ордена твои сияют
На груди, где шрам-рубец.
Только нынче не стреляют,
И войне давно конец.

Почему же смотрят очи
Так тревожно, ветеран?
Почему кричишь ты ночью,
Будто снова город сдан?

— Это верно! Я, товарищ,
В беспокойствии всю ночь,
Враг сегодняшний коварен,
На того похож точь-в-точь.

Я-то что? Отвоевался!
Не на призыве мой год,
Беспокоюсь, внук мой Вася
На позицию пойдет.

По добру да по здорову
Жить бы всем в родном краю.
— Подоил бы, дед, корову,
— Ладно, бабка, подою!

И в подойнике жестяном
Звон парного молока.
И, как песня, всем крестьянам
Звон парного молока!

ЛЮДИ! Я К ВАМ!

Вижу Иваново, вижу Владимир,
Вижу Струнино, вижу Загорск!
Недалеко и меня здесь родили,
Людью повесили в доме на гвоздь.

Вырос! Шагнул за межу
с клеверами,
Вымахал, силушку взял от земли.
Буйные ветры меня пеленали,
Брали на крылья свои журавли.

Люди! Я к вам! Мне без вас
не поется,
Как снегирю, что попал в западню.
Если с народом поэт расстается,
Камнем идет он к печальному дню.

Вижу родную Россию подробно,
Мне как спасенье — хождение
в народ.
Сердце ребеночком бьется
под ребра,
Посох пожизненный мне подает.

Люди! Мой „ТУ“ над хребтами
Урала,
Вижу Тюмень, где я часто бывал.
Скважины с буровиками буравил,
Черное золото там добывал.

Люди! Я к вам! Над широкою
Обью
Стонут лебедки, кричат поезда.
Бьет по палатке
обкатанной дробью
Дождик, и дышит в степи борозда.

Колются руки о колкие ости,
Чудо-колосья наливом прямы.
Эй, сибирячка! Зови меня в гости.
Новую песню в подарок прими!

Люди! Родные мои человеки,
Жить бы да жить, обрастая детьми,
Только бы не было войн вовеки,
Только бы зло не окутало мир.

С болью в сердце
Я вопрошаю:
Что нас держит?
Что нам мешает?

Держит пьянство
И разгильдяйство,
Держит мещанство,
Держит зазнайство.

Держит стремленье
К наживе, корысти,
Мало ль пороков,
Если порыться?!

Если взглядеться
Придирчиво-строго,
Прочих изъянов
Достаточно много.

Что же делать?
Надо бороться
За родниковую
Воду колодца.

За чистоту
Трудового начала,
Чтобы ничто нас
Не омрачало,

Чтобы двигались
Мы семимильно,
Мудро минуя
Опасные мины.

Время требует
Новых свершений,
Если хотите,
Даже лишений!

ВЕЛИЧАЛЬНАЯ СУЗДАЛЮ

Суздальские иконы,
Суздальские поля,
Суздальская исконная,
Древняя наша земля.
Как ты талантлива зодчими,
Жившими не за морями,
Как ты талантлива прочими
Русскими мастерами.
Пахарями и сеятелями,
Любящими сыновне.
Суздаль! Великое семя твоё
Сеется и сегодня!

Откуда сила и целебность
В обыкновенном роднике?
Откуда и моя потребность
Быть с родником накоротке?

Я думаю, что это солнце
Приказывает и велит.
Кто это там, на самом донце,
Песочек белый шевелит?

Энергетикой рек,
Энергетикой атомных станций
Овладел человек,
Чтобы с тьмою расстаться.

Но земля все никак
Не накопит себе плодородья.
Космос в наших руках,
Сложность вырастить лук
в огороде.

Сложность вырастить хлеб,
Мяса дать, сколько надо,
В том постыдного нет,
Это тоже награда.

Всем земля теперь мать,
Все мы пахари в поле,
К сердцу всем принимать
Наши сельские беды и боли.

Рыбы на морских глубинах,
Пес у самой конуры.
Кольца на руках любимых,
Снег на выступах горы.

Все решительно, как надо,
Ничему не вопреки.
Я стою у водопада,
Жду рождения строки.

Когда поздним вечером идешь по темному переулку, меньше всего думаешь об экономии электричества. И даже шевельнется порой мысль: не заэкономились ли мы чрезмерно!

В 1974 году Минэлектротехпром СССР решил заменить тусклые и к тому же прожорливые лампы накаливания и не очень надежные люминесцентные принципиально новыми — натриевыми источниками света. Был отдан по министерству приказ № 251 — вот он, передо мной. Им предписывалось Главэлектросвету, а также Полтавскому заводу газоразрядных ламп и Всесоюзному научно-исследовательскому, проектно-конструкторскому и технологическому институту источников света «обеспечить выпуск натриевых ламп высокого давления мощностью 400 ватт». В 1976 году предполагалось сделать 20 тысяч таких ламп, через год — уже сто, а в 1978-м — сто пятьдесят тысяч светильников.

Задумана лампа была славно: и климату нашему соответствует, и свет имеет приятный, розовато-золотистый, не капризна, светит ровно. Предполагалось, и расчеты это подтверждали, что она будет потреблять электроэнергию в шесть — восемь раз меньше лампы накаливания при том же световом потоке, а по надежности превзойдет ее в пятнадцать раз!

Закрытая от непогоды (и от шалостей) прозрачным колпаком, лампа не требовала особых забот и обещала служить минимум четыре года. Нужно лишь смахивать пыль с плафона.

Так предполагали. И всем казалось, что поставленная задача вполне реальна...

— Расход электроэнергии на освещение московских улиц не увеличивается, — сказал мне главный инженер электросетевого предприятия столицы Ю. Лебедев. — Казалось бы: город растет, нормы освещенности некоторых улиц возросли — откуда взяться экономии? Все от тех же натриевых ламп! Они стоят сейчас в каждом десятом светильнике.

...Но не спешите с поздравлениями. Полтавские натриевые лампы оказались очень низкого качества. Треть тех, что были сделаны в 1984-м, вышла из строя к концу года выпуска; та же участь постигла каждую пятую лампу выпуска 1985 года. Одна за другой лампы гаснут, не проработав и десятой доли положенного им срока. Дорогостоящее сырье, сложное оборудование и технология отправляются на свалку.

Отчего так? Я решил справиться у сведущего человека. Обратился к А. Захарову, начальнику производственного отдела Главэлектросвета Министерства электротехнической промышленности СССР. Алексей Михайлович не был расположен к беседе и часто ссылаясь на неосведомленность.

— Сравнимы ли новые лампы с образцами, которые были на выставке «Энергия-86»?

— Не знаю о такой выставке, — ответил специалист.

— Когда начат выпуск натриевых ламп?

— Кажется, лет десять назад.

— Почему время работы лампы не доходит хотя бы до нижнего норматива — до шести тысяч часов?

— У меня нет таких данных.

Разговор о качестве, похоже, был неприятен А. Захарову. Тогда я спросил его о количестве и получил ответ:

— Производственные мощности используются полностью. Сколько именно будет выпущено натриевых ламп в этом году? Не помню. Документов нужно поднимать...

Последняя фраза прозвучала так, будто речь шла о подъеме 24-этажного здания, в котором находится Главэлектросвет. Но все же вес был взят:

— Около трехсот пятидесяти тысяч.

Тут нужна справка. По данным Союзглавэлектро при Госнабсе СССР, потребность в натриевых лампах только в этом году составляет по меньшей мере вдвое больше. Это при том,

если лампы не будут выходить из строя одна за другой, если они отработают расчетный срок. Новой лампой надо бы оснастить более 17 миллионов уличных фонарей. И это позволит сэкономить энергии столько, сколько дает за год крупная ГЭС.

В чем же дело? Может, получу ответ во Всесоюзном научно-исследовательском, проектно-конструкторском и технологическом институте источников света?

Звоню в Саранск. Заместителя директора института Л. Петровского вопрос, почему плоха лампа, врасплох не застал. Он рассказал о трудностях разработки и внедрения новой лампы, не утаил проблемы, а недоработки разложил по всем заводам, министерствам и ведомствам, которые имеют отношение к этой лампе — от поставщиков сырья до монтеров-эксплуатационников.

— Впрочем, — неожиданно строго и многозначительно прервал нашу беседу Лев Евгеньевич, — не следует такие вопросы обсуждать по телефону. Я напишу.

Читали мы это письмо и завидовали находчивости автора. Заместитель директора сравнивал по цене свою лампу с одними аналогами, а по качеству — с другими. И тем самым подводил нас к выводу о том, что за рубежом лампы бывают и хуже, и дороже.

Это вселяло надежды. Но я все вчитывался, надеясь найти объяснение причин затянувшихся на двенадцатилетний срок творческих мук сотрудников института. Однако этот вопрос был обойден молчанием...

Листаю документы:

Из протокола Госплана СССР: задание государственного плана по выпуску ламп в 1981 году Минэлектротехпромом СССР не выполнено из-за отсутствия сырья — окиси алюминия необходимого качества. Задание 1982 года по выпуску 150 тысяч натриевых ламп также не обеспечено сырьевой базой. Еще один документ — он появился после технического совещания на Донецком заводе химреактивов: «Учитывая отсутствие мощностей и свободных площадей, расширение производства... окиси алюминия на заводе не может быть организовано». В справке Полтавского завода газоразрядных ламп говорится: ...в четвертом квартале 1981 года разработана и передана на Черкасский завод химреактивов проектная документация на строительство цеха по производству окиси алюминия. Однако в план строительства на 11-ю пятилетку цех не включен из-за отсутствия поставок термического оборудования...

И далее в таком же духе. Мы бы, дескать, рады, но что-то кто-то не сделал, не включил, не выполнил. И появляется ощущение, что кто-то ждет добросовестной работы от других — от поставщиков и смежников, от эксплуатационников. А задаться бы вопросом: что зависит от нашего завода (института, лаборатории), от меня лично что зависит? На Донецком заводе химреактивов строительство цеха будет закончено в 1989 году. Кадошкинский, Лидский электротехнические заводы, производственное объединение «Ватра» в Тернополе никак не приведут производимую ими пуско-регулирующую аппаратуру в соответствие с требованиями стандарта. И необходимое производство сырья начнут выпускать едва к концу нынешней пятилетки. Не слишком ли медленно спешаем?

Ведь каждый час промедления — это перерасход многих тысяч киловатт-часов государственной электроэнергии.

Золотыми становятся фонари.

**ВЫДВИГАЕМ
НА ПРИЗ
«ОГОНЬКА»**

Мы, отдыхающие из Черниговской области, 24 дня провели в молдавском объединении пансионатов «Коблево», в пансионате «Нептун». Когда нас вместе с детьми направили в пансионат (в связи с событиями в Чернобыле), мы с большой душевной тревогой отправлялись в дорогу, беспокоились, как нам будет на новом месте. Но тревоги оказались напрасными.

В детской комнате, где воспитателями были учащиеся Сорочинского педучилища Татьяна Ифтори и Вера Богач, никто из малышей не скучал.

Сотрудники пансионата во главе с директором Валентиной Мартыновой Квитко, которая была душой всех начинаний, постарались организовать нам интересный до-

суг. Большую работу проводила и Галина Васильевна Слуцкая, культурно-просветительная. Она учительница из Киева, сама отдыхала в пансионате, а потом осталась тут на работу. Это благодаря ей, всегда приветливой, ласковой и энергичной, самостоятельности стала здесь массовой. А неизменным нашим аккомпаниатором была Людмила Синицына.

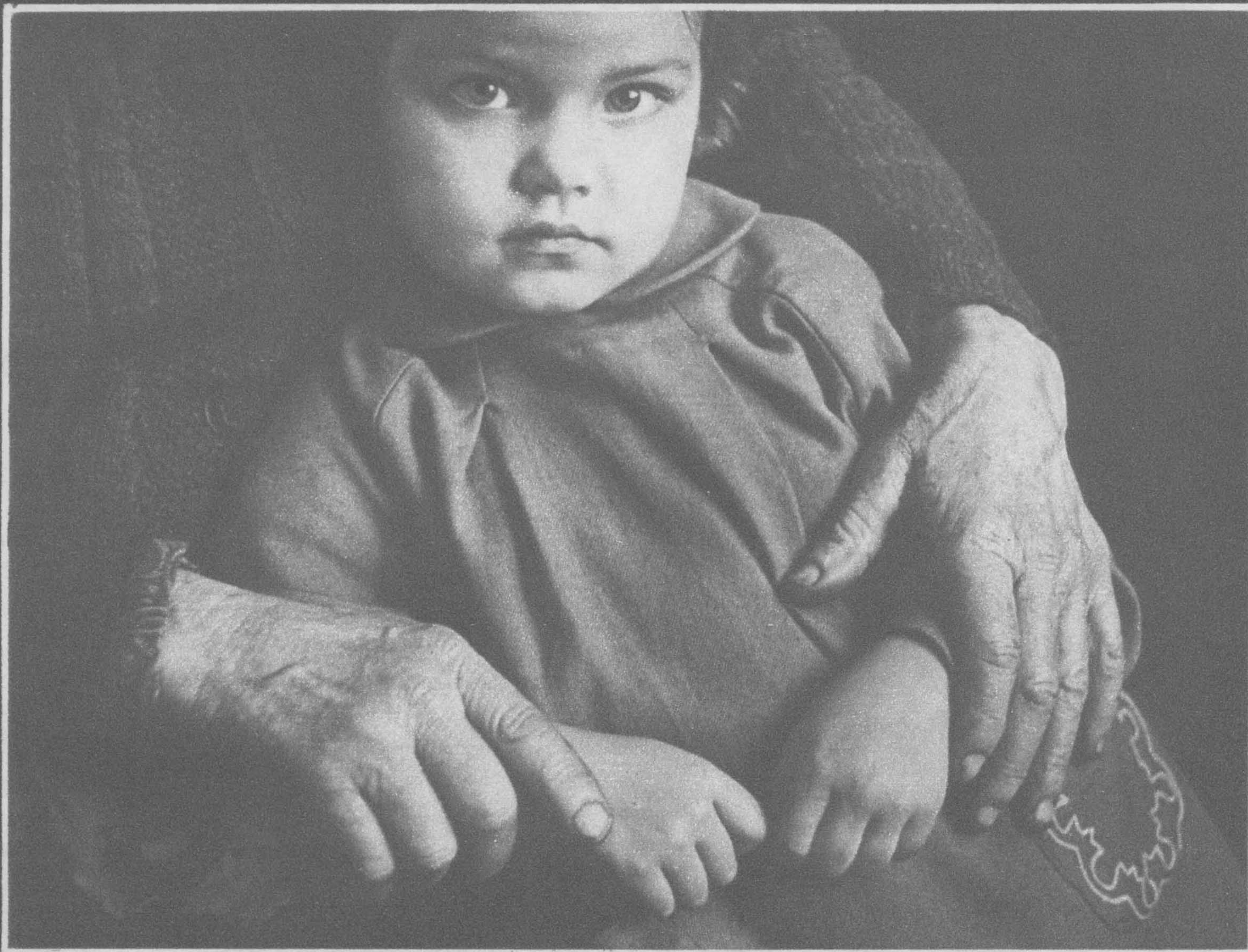
Наибольший успех выпал на долю семейного дуэта Яценко, участников Великой Отечественной войны и ветеранов труда. Приехавшие из Читинской области, они покоряли всех забайкальскими частушками и песнями о строителях.

А какая у нас необыкновенная была выставка цветов, проходившая под девизом «Только б небо

было чистое и на земле росли цветы!» Каждый стремился проявить свою изобретательность. Много радости доставил маленьким нашим дегустаторам конкурс кондитерских изделий.

За наш прекрасно организованный отдых, за то, что мы весело, содержательно провели время, — большое спасибо всем, о ком мы здесь написали. Считаем, что «Нептун» достоин призового места в соревновании под девизом «Мама, папа и я», объявленном журналом «Огонек» и ВЦСПС среди здравниц семейного отдыха.

В. ЗАВАДСКИЙ, М. СУСЛО,
Т. ЖУРАВЕЛЬ, Т. МАЛАШЕНКО
(всего 21 подпись)

Руки.

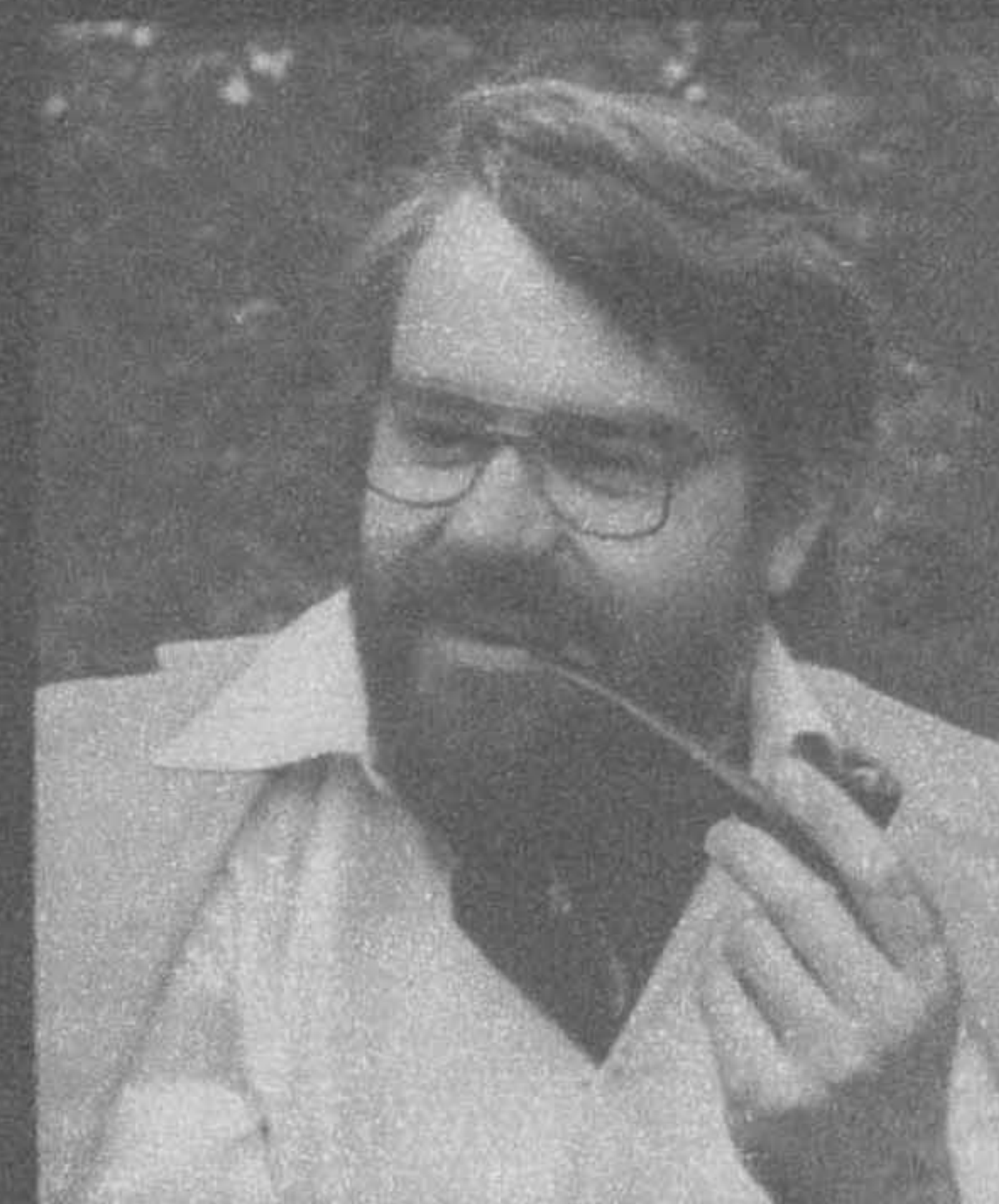
АНТАНАС СУТКУС

Первое сентября.

...Один из главных циклов великолепного фотомастера Антанаса Суткуса назван «Люди Литвы» — в нем есть черты социально-психологической панорамы и есть отчетливая проработка типичности. Но видя все это, вы одновременно чувствуете, что видите лишь верхнюю часть айсберга. Это знает автор снимка о своем герое, это знает о себе и герой: между ними ощущение нераскрытой тайны.

Суткус и человек, которого он снимает, вглядываются друг в друга, словно нащупывая этот ускользающий остаток и зная, что он все равно ускользнет. Суткус поразительно чуток к тому психологическому перепаду, когда люди, стоящие рядом, думают каждый о своем. Как бы храня независимость. Даже мать и дитя. Или отец и дочь... Парный портрет: Эдуардас Межелайтис с дочерью Дайной. Соприкосно-

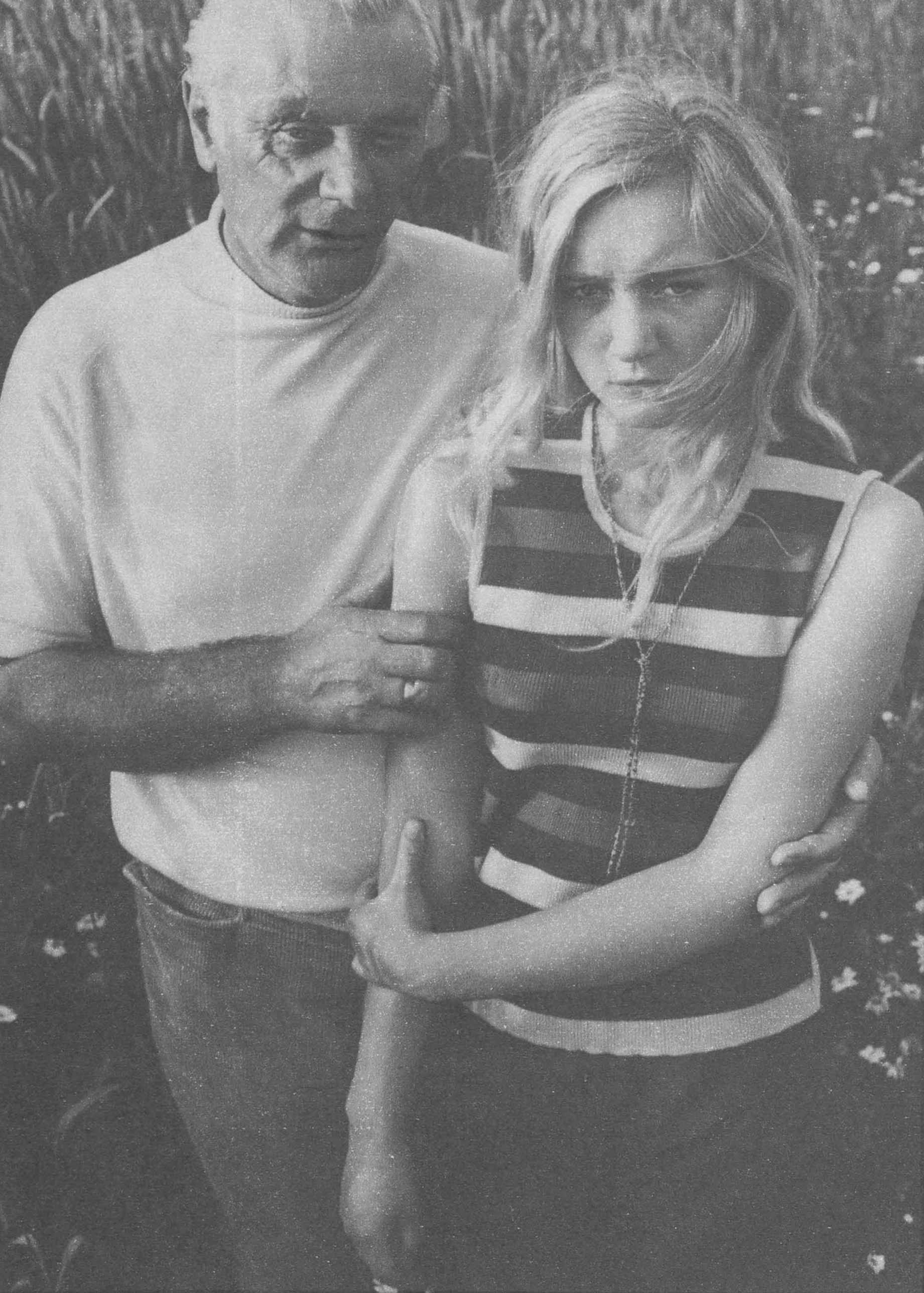

вление рук, душевный контакт и... едва уловимый психологический паритет сторон: каждый углублен в себя. Суткус ищет в человеке духовную автономию.

Чем больше Суткус знает о человеке, тем ему яснее, что его нельзя исчерпать. Это загадка Суткуса.

Лев АННИНСКИЙ

вернисаж «огонька»

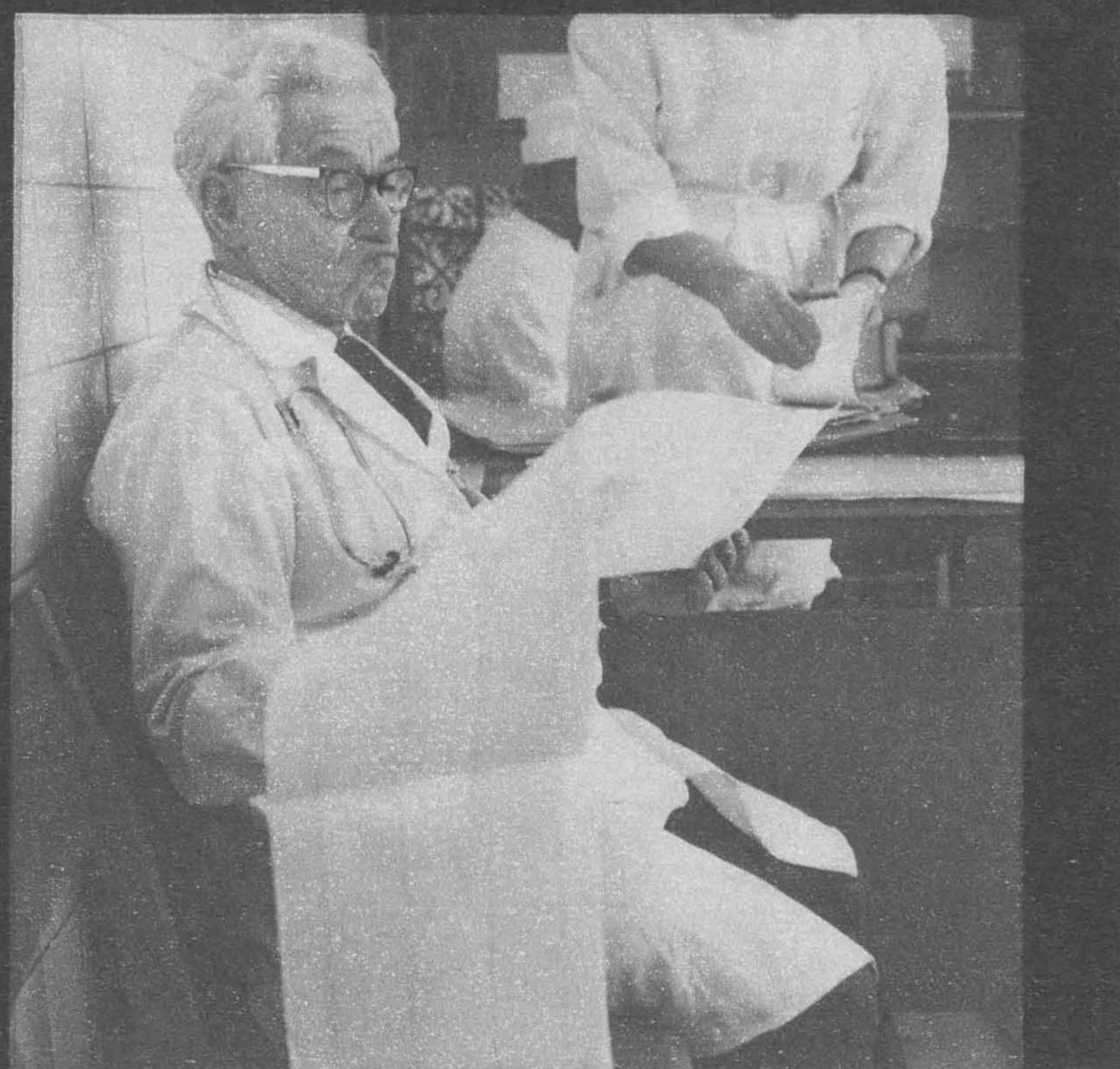
Поэт Эдуардас Межелайтис с дочерью.

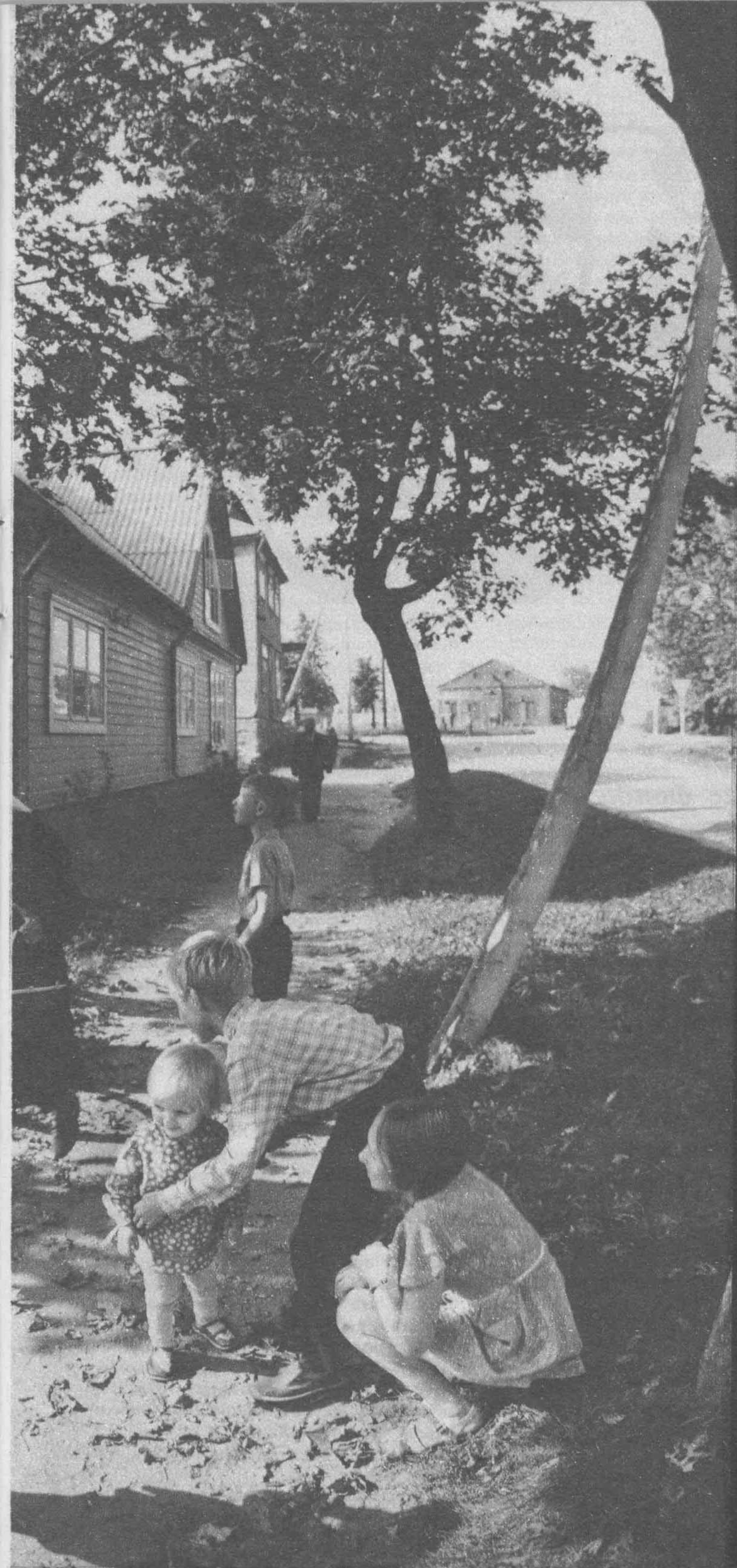

Профессор Х. Кибарскис.

Фестиваль.

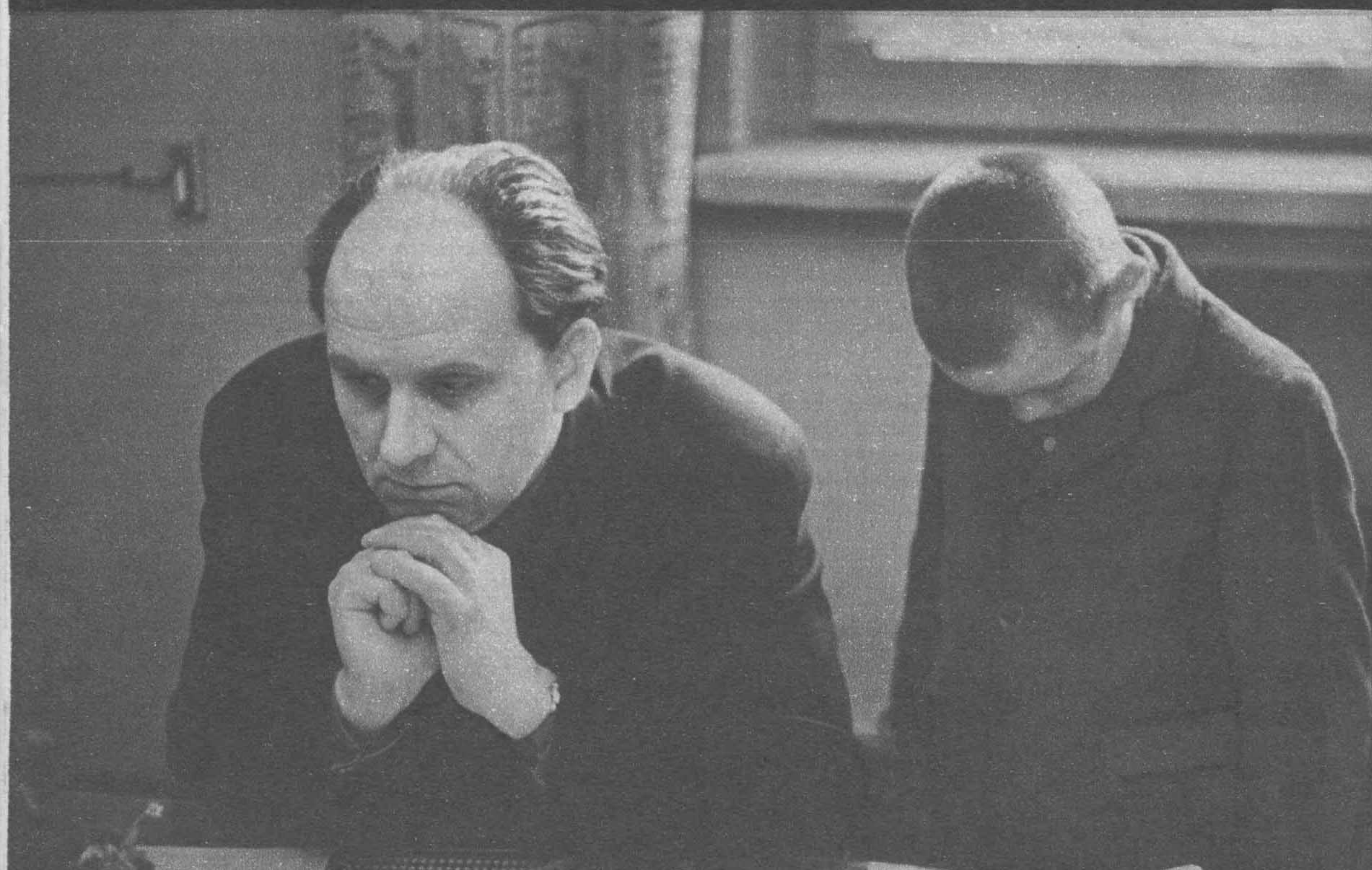

Лето в деревне.

Эмигрант на родине.

Учитель.

Расставание с матерью.

ХРАНИТЬ КУЛЬТУРУ

ОБСУЖДАЕМ УСТАВ СОВЕТСКОГО ФОНДА КУЛЬТУРЫ

Д. С. ЛИХАЧЕВ:

«Я»

уже говорил, и не однажды, об экологии нашей национальной культуры, о защите ее, о сохранении культурного наследия, которое теперь зачастую нуждается в защите. И тут, мне кажется, главная задача Советского фонда культуры — активизация личной инициативы граждан СССР и других стран в собирании культурных ценностей, исторически связанных с нашей страной. Для этого Фонду нужны пожертвования не только самих ценностей (произведений искусства, архивов, документов), но и денежных средств в советских деньгах и в валюте — последнее особенно важно для закупок за границей.

При этом деятельность Фонда не должна смешиваться с деятельностью Общества охраны памятников истории и культуры, то есть Фонду не следует специально заниматься реставрацией, установкой памятников, если только не будет на этот счет специальных целевых пожертвований.

А ближайшая, думается, задача — это сбор сведений о ценностях, хранящихся за рубежом и которые могут в недалеком будущем оказаться в руках случайных людей. Очень нужно было бы, например, послать во Францию и Бельгию специалиста для того, чтобы, в частности, вернуть на родину многие документы по истории донского казачества в места, где ныне организовываются народные музеи истории края.

Если же говорить не только о ближайшей задаче, но и о самых важных, то важнейшими являются, как мне кажется, сбор рукописей и писем русских писателей за границей и создание в Москве и Ленинграде зданий (не обязательно новых; в Ленинграде, например, есть десятки дворцов, используемых не по назначению), в которых могли бы разместиться жертвуемые или только выставляющиеся частные коллекции.

Решение о создании Советского фонда культуры явилось выражением общественной инициативы, многочисленных предложений видных деятелей искусства и науки. В Москве под председательством кандидата в члены Политбюро ЦК КПСС, первого заместителя Председателя Президиума Верховного Совета СССР П. Н. Демичева состоялось заседание оргкомитета Советского фонда культуры, на котором были рассмотрены проект устава вновь создаваемой организации и многочисленные творческие вопросы. В этой связи «Огонек» обратился к заместителю председателя оргкомитета Фонда академику Д. С. Лихачеву, членам оргкомитета — второму секретарю Пензенского обкома КПСС Г. В. Мясникову, академику И. В. Петрянову-Соколову, а также профессору, заслуженному деятелю искусств ГССР Э. Н. Гугушвили с вопросом: «В чем основная и ближайшая задачи Фонда?»

Г. В. МЯСНИКОВ:

«В»

начале хочу сказать, что в нашей, Пензенской, области самыми широкими слоями общественности с большим интересом воспринят и обсуждается проект устава Советского фонда культуры.

Теперь о главной задаче деятельности Фонда. Она, как мне думается, в повышении культуры народа и потому должна базироваться на подлинном демократизме, исключая любые попытки превратить общественную организацию в очередную контору по изданию циркуляров и составлению отчетов, проведению совещаний и заседаний, отстаивающую свои ведомственные интересы, подкрепляемые, как правило, канцелярскими методами управле-

ния. Фонду должны быть одинаково интересны все направления развития культуры вне зависимости от иногда возникающих групповых интересов, вкусовщины и пристрастности.

И еще — опора на гласность, которая позволит привлечь к деятельности Фонда самые широкие слои народа, всех, кому дорого наше национальное культурное наследие. Ни одно решение, ни один ответственный шаг Фонда не могут и не должны приниматься без учета мнения общественности, без широкого обсуждения, позволяющего найти выражение интересов всех, кому дороги те или иные начинания.

В этой связи, видимо, наряду с использованием средств массовой информации необходим Фонду свой печатный орган — журнал или альманах. Если конкретно, то скажу опять же на примере нашей области, по опыту Пензенской ученой архивной комиссии. Так вот, в журнале Фонда можно было бы в публикациях внимательно изучить опыт деятельности на рубеже XIX и XX веков во

многих губерниях России ученых архивных комиссий, которые немало сделали в собирании ценнейших документов прошлого своего края, нередко выступали с инициативой создания музеев, открытия на собранные у народа средства памятников и т. п. До сих пор тем, кто обращается к истории России и своего края, удается многое черпать из ученых записок, которые издавались этими архивными комиссиями.

Но деятельность Фонда не может и не должна сводиться к благотворительности и прекрасодушию. Иногда надо и «власть употребить» по отношению к тем, кто по своему небрежению, беспечности, расхлябанности, попирая законы, без зазрения совести разрушает или позволяет разрушать памятники, составляющие национальное богатство народа. Закон об охране памятников существует, но, к сожалению, мало примеров, чтобы кто-то понес ответственность за их разрушение. Это и понятно, так как объясняется ведомственностью. На самом деле, как привлечет сам себя к ответственности тот, кто нарушил этот закон?

Ближайшая же задача в переходе от слов к делу. Накопилось немало проблем, связанных с охраной памятников и сохранением культурного наследия, о которых сейчас остро и открыто пишет наша пресса (я бы выделил острые выступления «Советской культуры», «Советской России», «Огонька», обвинения звучат и по телевидению, радио). Названа проблема, есть адреса, обозначены болевые точки. Конечно, адреса названы не все. Но и то, о чем пишется, вызывает в душе каждого, кому дорого наше национальное культурное достояние, чувство тревоги. Надо решительно и настойчиво переходить от слов к делу, от общих призывов к конкретным действиям. Памятники ветшают скорее, чем мы о них вспоминаем. И примеров этому немало. Возьмите нашу область. С 1945 года существует музей А. Н. Радищева. Трудно рассчитывать, что он может удовлетворить интересы людей до тех пор, пока не будет восстановлен дом родителей первого русского революционера-демократа. Более десят-

ка лет в объединении «Росреставрация» составляются, обсуждаются и пересматриваются всякого рода проекты восстановления этого дома. Время идет, а дело стоит на месте. И первым шагом Фонда культуры применительно к нашей области, может быть, было бы восстановление дома родителей А. Радищева.

Трудно идти со своим уставом в чужой монастырь. Но, честно говоря, не могу понять, почему более пятнадцати лет идут разговоры о восстановлении одноэтажного, деревянного, кажется, в пять комнат, дома А. Блока в Шахматове. Хорошей бригаде квалифицированных плотников, если при этом не очень скупиться на оплату, работы на один год. И таких примеров немало.

Не братья сразу за все, не утопать в многомиллионных сметах, которые нередко составляют с десятикратными запасами расходов, а найти более оптимальные варианты и немедленно приступить к делу. Вот в чем я вижу смысл первых шагов Фонда культуры.

И. В. ПЕТРЯНОВ-СОКОЛОВ:

В

се решают люди. В проекте устава Советского фонда культуры мне видится воистину всенародная общественная организация, призванная нести бремя заботы о сбережении и приумножении культурного достояния Отечества.

Создание Фонда очень своевременно, ибо все более и более в народе растет интерес к освоению национальных богатств, созданных на протяжении веков. Проявление такого интереса ощущается повсеместно, во всех уголках нашей необъятной страны. Это

и растущая сеть общественных музеев, рождение и деятельность безвозмездных реставрационных отрядов, это широкое движение за сохранение исторического своеобразия наших городов, сел и деревень.

Думаю, будущему Фонду в своей деятельности следует опереться на это живущее в народе живое чувство патриотизма, его истинный энтузиазм и любовь к родному духовному достоянию. И, конечно же, чтобы такая опора стала постоянной, с первых шагов деятельности Фонду нужны гласность, действенность и даже зримость. Скажем, москвичи давно мечтают превратить Старый Арбат в историко-культурный центр столицы. Что-то здесь уже сделано, но пока полного завершения это предложение общественности не получило. Мне кажется, было бы замечательно передать Фонду на баланс или в аренду не только дома-памятники архитектуры, но и историческую застройку, формирующую Арбат, предвительно отселив оттуда многочисленные конторы и организации, которых расплодилось там великое множество. В отреставрированных, реконструированных, отремонтированных домах могли бы разместиться небольшие выставочные залы, букинистические магазинчики и небольшие личные коллекции, музеи. Убежден, что наряду с расположенными неподалеку крупнейшими музеями это придаст Старому Арбату тот историко-культурный колорит, о котором так тоскуют москвичи. С другой стороны, это будет наглядная и конкретная работа Фонда культуры.

И еще хотелось бы остановиться на одном, на мой взгляд, важном вопросе. По опыту своей работы в альманахе «Памятники Отечества» я не мыслю становление Фонда культуры без печатного органа. Ведь общеизвестно: пока не стал выходить наш альманах, Всероссийское общество охраны памятников истории и культуры, органом которого он является, было немо и, эффективность его пропагандистской работы была ничтожна.

Предложения о создании журнала Фонда культуры сейчас вносятся многие, и он, очевидно, будет. Уже слышались разговоры о его материальной и полиграфической базе, о его помещении. Все это, несомненно, важно, но мне кажется, что в первую очередь следует подумать о людях, которые в нем будут работать.

Почему так полюбился читателям альманах «Памятники Отечества»? Мне говорят: «У вас прекрасная полиграфическая база, хорошая организация дела и так далее...» И говорят неправильно. Дело не только в базе и организации издания. Дело прежде всего в людях, которые работают в этом альманахе. Для них сбережение и сохранение культурного наследия не просто тема и не просто работа, это их жизнь.

Вот мне и думается, что в печатном органе Фонда должны работать люди, уже проявившие себя действием на ниве заботы о культурном наследии Отечества. В этом успех дела!

Э. Н. ГУГУШВИЛИ:

Н

а новом этапе развития нашего общества сама идея бережного отношения к наследию обретает особое смысловое определение. Оно заключается в самом факте «упорядочивания» огромного национального богатства, возведения его в ранг «оформленности», системности, если угодно, научности, при этом оформленности, системности и научности на добровольных началах. А фактор добровольности всегда неизбежно связан с человеческим энтузиазмом, душевным подъемом, искренностью, неподдельностью чувств, порывами добра, творческого озарения, со всем тем, что

присуще лучшим человеческим чувствам, подчас заложенным глубоко внутри и ждущим своего естественного проявления.

Так уж повелось в моей жизни, когда в мире свершаются события чрезвычайной важности, я думаю прежде всего о нашей молодежи, о ее причастности к этим событиям, о том, как отзовутся они в их сознании и сердце, какую лепту внесут в формирование личности каждого из тех, кому предстоит строить завтрашний день.

И вот он, проект устава. Я внимательно прочла его. Там черным по белому сказано о молодежи, о том, что одной из задач Фонда является ее воспитание, формирование у нее чувства ответственности за приумножение национального дохода, о необходимости оказания «помощи одаренной молодежи в творческом росте, в реализации перспективных художественных замыслов и проектов, связанных с деятельностью Фонда». (Это уже про нашу, творческую молодежь!) И необычайно радостно сознавать, что у молодежи появилась еще одна возможность приобщения своих сил и талантов к делам огромной государственной важности, реализации своих патриотических чувств, преданности родной культуре.

Мне хорошо знакомы их чувства на примере Грузинского государственного театрального института, в котором я работаю. Студенты нашего вуза с необычайной горячностью буквально рвутся «в бой» на реставрацию памятников культуры, выполняя эту работу преданно, одержимо, безвозмездно. И смотрю я сегодня на их радостные лица, думаю, как же много им предстоит еще интересного и неизведанного в жизни! Какое широкое поле деятельности открывается им в связи с прекрасным новым начинанием.

От редакции. Создание Советского фонда культуры — важное общенародное дело. Публикуя мнения о будущей деятельности Фонда, принадлежащие людям, много сделавшим для сохранения и развития отечественной культуры, редакция надеется, что в обсуждении целей и задач Фонда примут участие наши читатели.

«Огонек» предлагает в отреставрированных и переоборудованных домах старого Арбата открыть музеи личных коллекций, выставки, экспозиции подаренных государству шедевров, архивов, библиотек...

Фото С. ШЕРСТЕННИКОВА

И

Ираклий Чинчараули. 28 лет. Комсомолец. Председатель сельского Совета народных депутатов. Мы приехали к нему в гости — так случилось, — не оповестив его об этом. Два раза в день Ираклий выходит на связь по радиации со своим районным центром Душети. А тут вдруг налетел короткий злобный ураган, именно в это село, прервал связь, нарушил электроснабжение, словом, набедокурил. И весь свой служилый люд (раз, два и обчелся!) председатель отправил с поручениями в разные концы. Что же касается тех, кто создает материальные ценности, те тоже находились далеко, кто на стрижке овец, кто на косьбе.

Над сельсоветом развевается флаг Грузинской ССР. Перед сельсоветом, через речку Аргун — громада скалы. А на скале, слегка выпученной полукружием, нечто такое, от чего нельзя глаз оторвать: высокие, сплоченно стоящие, суровые башни с бойницами и еще какие-то строения, замысловатые переходы между ними,

нескольких километрах от Чечено-Ингушетии, гнездится на скале древнейшее поселение хевсуров — Шатили.

Не то чтобы до него далеко — всего 160 километров от Тбилиси. Но шестьдесят километров делаешь за час, а на остальные сто уходит почти пять часов скачки по камням. И то огромное благо! Лет десять назад Медвежий Крест не седлала даже примитивная дорога.

Несколько фактов из сообщений Ираклия:

Территория Шатильского сельсовета 41 тысяча горных гектаров. Из них 12 тысяч — сенокосные угодья.

В сельсовет входят десять сел, шесть не имеют ни дорог, ни электроснабжения.

Основное занятие людей — животноводство: крупный рогатый скот и овцы. Способ хозяйствования — семейный подряд.

Население Шатили — 289 человек. В самом Шатили всего 46 человек (12 семейств).

Не знаю, есть ли еще в нашей стране сельсовет, население которого составляло бы менее трех сотен человек и то разбросанных по разным ущельям?

Ираклий не без гордости сообщает, что за последний год к ним в Шатили вернулись переселившиеся ранее отсюда 18 человек. Такими немногочисленными цифрами оперирует пока что шатильский председатель. И когда Ирак-

насыпей тоже не видно. Воткнутые вертикально плоские камни говорят о том, что здесь захоронен человек. И вместе с тем над отдельными захоронениями высятся фигурные какие-то, сложенные из черного сланца и похожие на пагоды, высокие могилы. Первая мысль, конечно, что под этими пышными надгробиями покоится знатный, а там — простой люд. Нет, не так. И никогда не догадаетесь как. Шатильцы считают, что если у человека есть продолжение рода, его и так будут помнить и почитать потомки. Но вот умерший человек, не имевший потомства (мы иной раз пренебрежительно говорим: «старый холостяк», «старая дева»). Именно он и заслуживает того, чтобы община позаботилась о его памяти, причем долговечной. Вот так-то.

Я не решилась спросить: а сейчас так же? Ведь институт старейшин уже не существует, а как бы новым старейшиной, первым лицом в шатильской округе стал комсомолец Ираклий Чинчараули. Да, я не решилась спросить, но знаю, что многое, самое ценное, нравственное, здесь сохранили, отбросив лишь то, что сейчас выглядит дико. Достаточно сказать, что последним старейшиной в Шатили был отец Ираклия.

Бадзиа считали старейшиной тоже смолodu. Он был почитаем как народный хирург, умел делать много сложнейших операций вплоть до трепанации черепа. К

дома, а башни отдают под реставрацию, я тут же подал заявление, чтоб меня направили на строительство. Правда, не прошло и года, как меня избрали председателем сельсовета. Но мастером на стройке я продолжаю работать и сегодня.

Мы уже обошли все горное плато и приблизились к шатильским «Черемушкам». Нет, здесь нельзя строить казенно, строить безвкусно. Отделанные тем же сланцем, что и башни, украшенные резными деревянными балконами, стоят на скале и глядят на быстротекущий Аргун одиннадцать (пока что одиннадцать!) трех-, четырех- и пятиквартирных каменных домов со всеми удобствами, что необходимы цивилизованному человеку. Наводится последняя косметика, и к зиме из разбросанных по поселку деревянных времянков будет «великое переселение народов».

Характерно, что новые дома стоят так же сплоченно, как и башни в старом Шатили, плечом к плечу. И так же сплоченно за домами стоят большие просторные хозяйственные постройки. Каждому свое, но плечо соседа рядом. А недалеко поднимаются стены средней школы-интерната.

Ираклий говорит:

— Я считаю, что мы только разворачиваемся, только начинаем выравнивать условия жизни нашего населения, чему, как сказано в новой редакции Програм-

ТЯНЕТ ЖИТЬ И

узкие, почти вертикальные улочки — целый башенный городок! И оттуда доносится перестук молотков по камню, мелькают на темном фоне человеческие фигурки. Но это другое племя, племя архитекторов-реставраторов.

Мы стоим с Ираклием на крыльце домика с красным стягом, и он показывает, в какой башне родились одна дочь и пять сыновей (Ираклий самый младший!) Мзикалы и Бадзиа Чинчараули.

— Вот в той, крайней левой и верхней...

В башнях жили до самого недавнего времени, в башнях рождались и умирали.

Пора объяснить, что речь идет о хевсурах, грузинах-горцах, издревле облюбовавших себе участок Главного Кавказского хребта в бассейне Хевсурской Арагвы (Посюсторонняя, Нижняя Хевсуретия) и в верховьях Аргуна и Ассы (Потусторонняя, Верхняя Хевсуретия). Между Нижней и Верхней высокими (около трех тысяч метров) перевалами через Медвежий Крест. Он наглухо закрывается снегами на семь месяцев из одиннадцати. И за этим перевалом, в

лий говорит «человек», то кажется, что он берет на ладонь и взвешивает каждого: человек — ни с чем не сравнимая ценность. Его надо беречь, уважать.

Показывая шатильскую крепость, Ираклий завел нас в небольшое, открытое одной стеной к реке помещение. Называется оно «сапехно», то есть место, где сидел старейшина общины, окруженный уважаемыми стариками, а остальные должны были стоять на ногах. Здесь принимались важные решения и творился над провинившимися суд. Если молодой человек нагрубил своим родителям, судом старейшин ему тут же отрезали углом полу верхней одежды, чохи. И не было большего позора, чем ходить в ней всем на посмешище.

Из крепости, где реставраторы уже превратили в шикарные стилизованные гостиницы четыре башни, мы поднялись еще выше на горное плато и увидели там кладбище. Оно было без церкви (в Хевсуретии нет церквей, хоть и сюда дошло христианство), только колокол в приземистой часовенке, над самой землей. Могил-

нему со своими травмами шли вся Верхняя, Потусторонняя Хевсуретия, а также ингуши, из тех, кто поближе к Шатили. Его старший сын, Самука, покинул родительское гнездо, получил высшее инженерно-строительное образование, осел в городе Рустави (недавно погиб в автомобильной катастрофе). Второй сын, Михаил, пошел по стопам отца, окончил медицинский институт, стал хирургом. Третий, Алекс, юрист, работает старшим следователем прокуратуры в Южной Осетии. Шота, как неженатый, остался пока при матери (или мать при нем). И вот младший, Ираклий, окончил в 1981 году Тбилисский государственный университет, со знаниями экономики строительства. Диплом с отличием. По распределению оставлен тут же, в Тбилиси, в исследовательском учреждении младшим научным сотрудником. Начал работать, должен был уже квартиру в Тбилиси получить. А Шатили снилось каждую ночь.

— Когда я узнал, — говорит Ираклий, — что решением ЦК партии и Совмина республики в Шатили будут строить современные

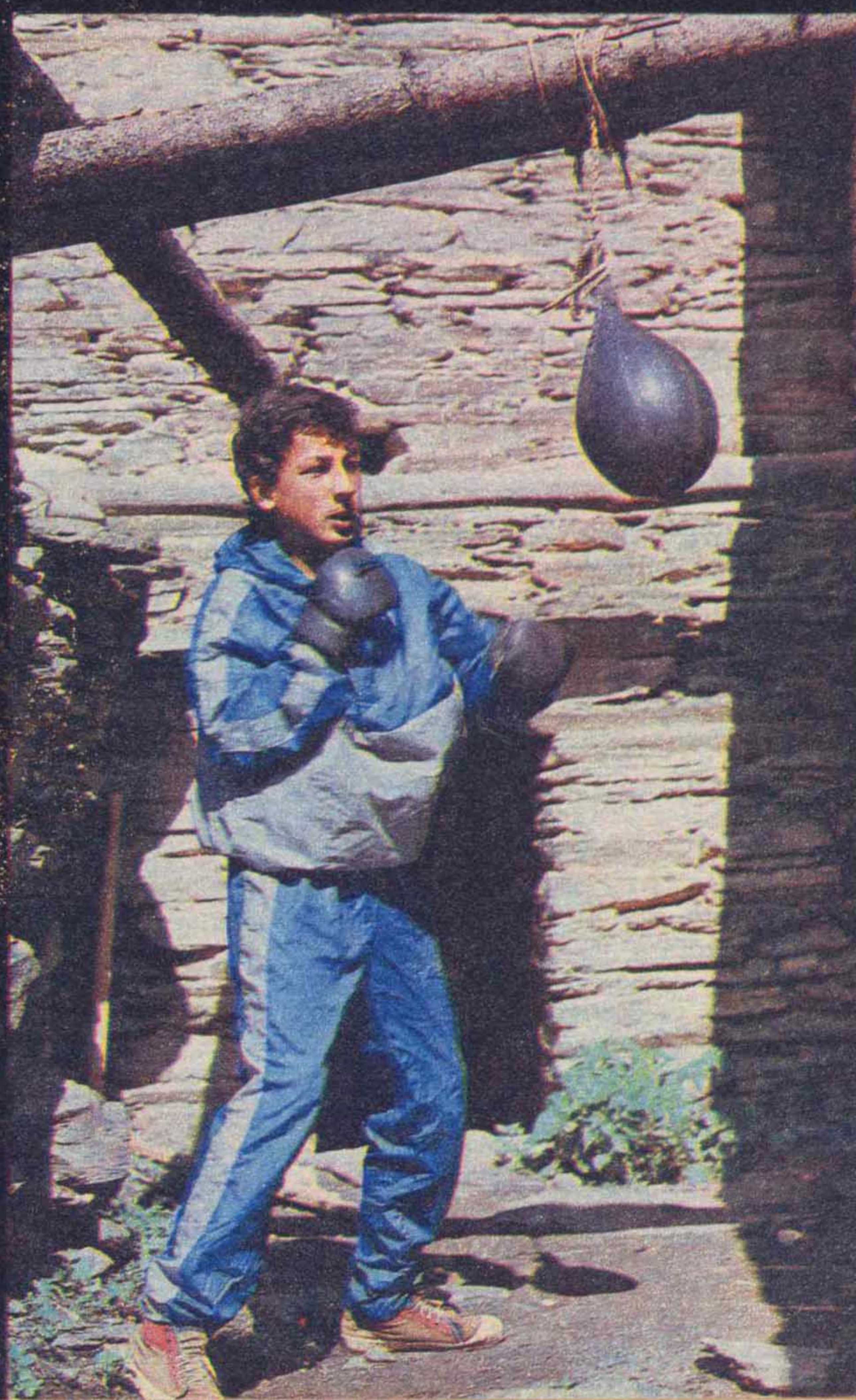
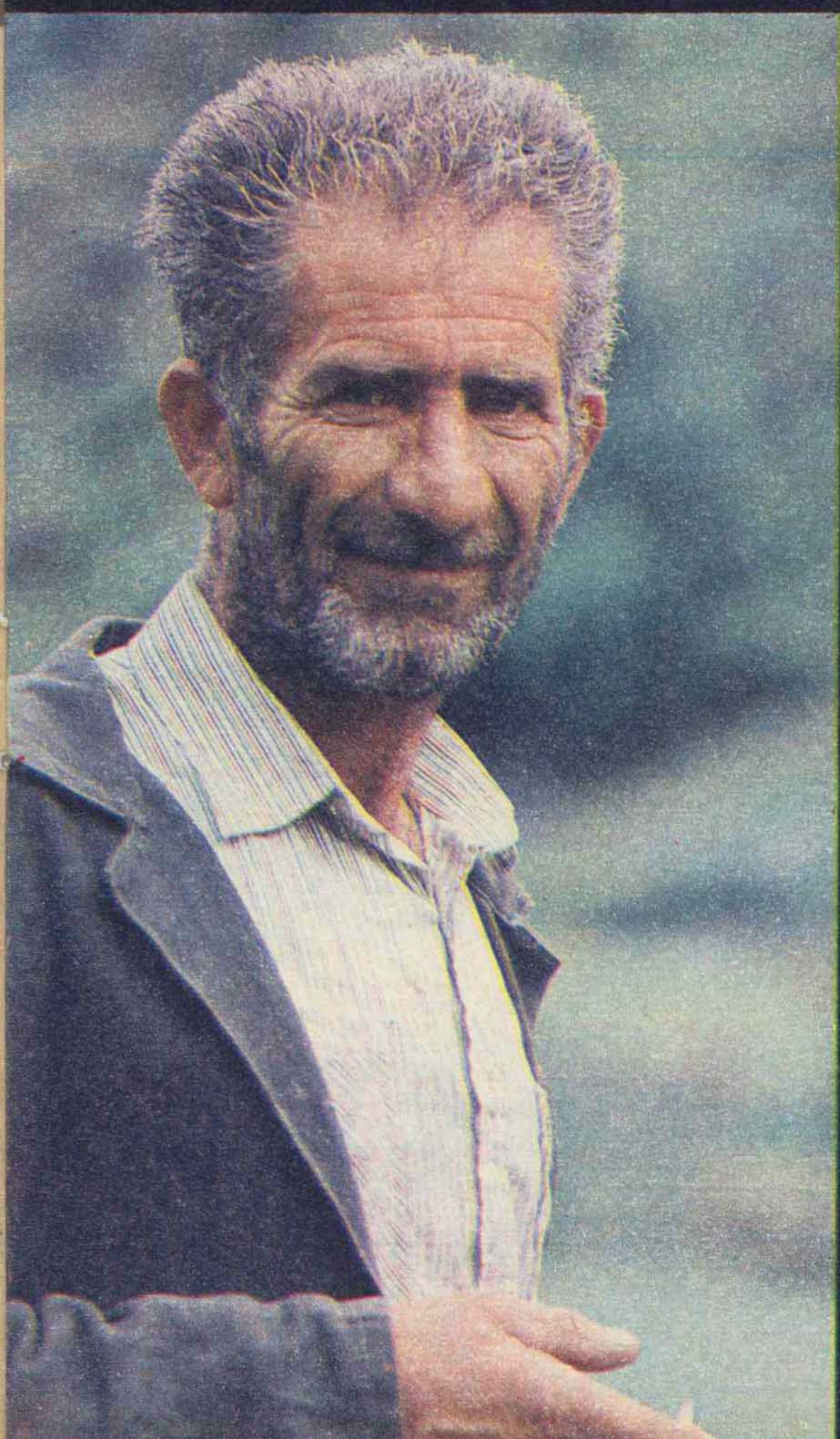
- «Черемушки» в поднебесье.
- Пастух Георгий Шетекаури.
- Старые камни в новую кладку.
- Бой без победы.

НА РАЗВОРОТЕ В КЛАДКИ:

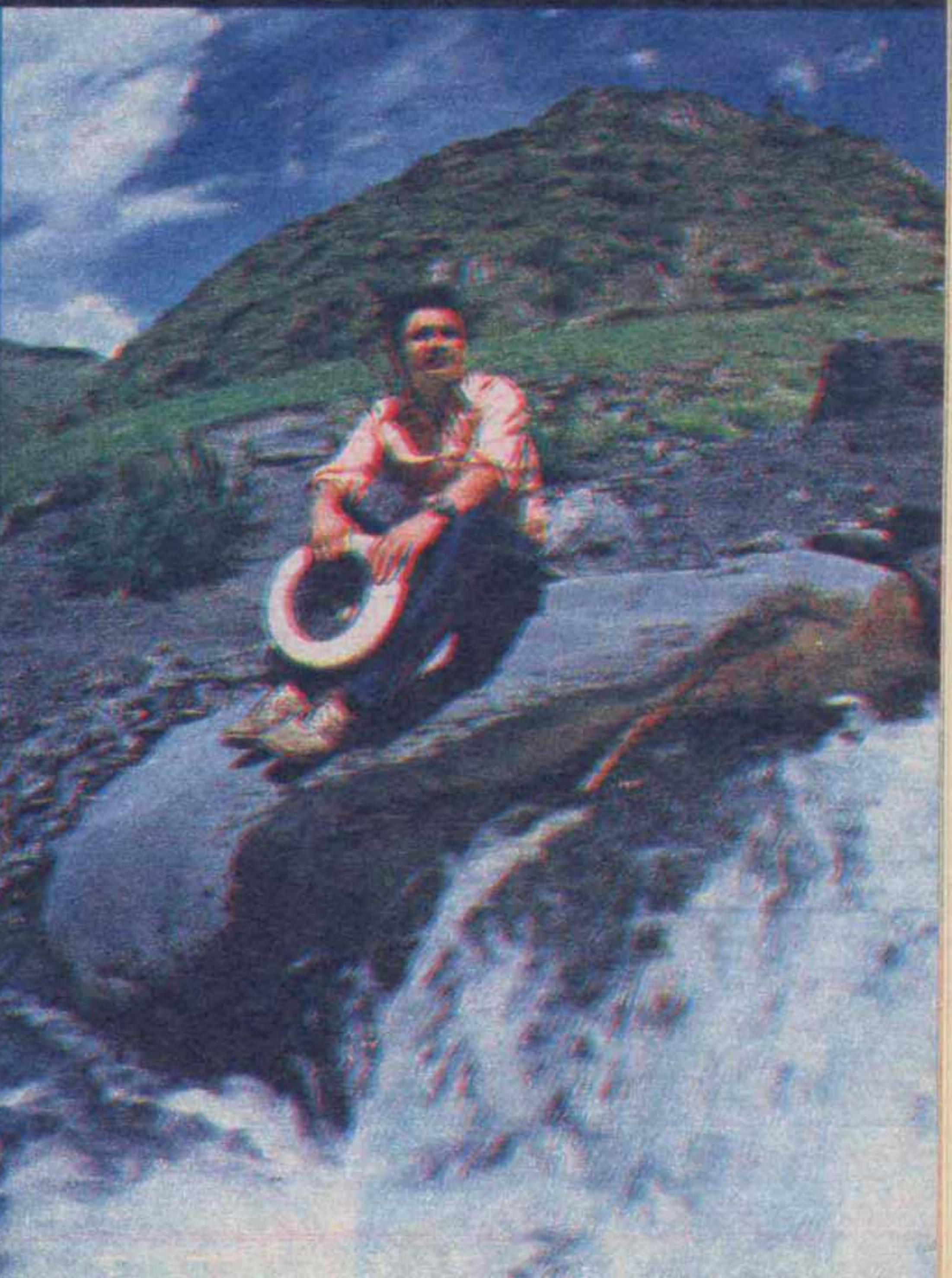
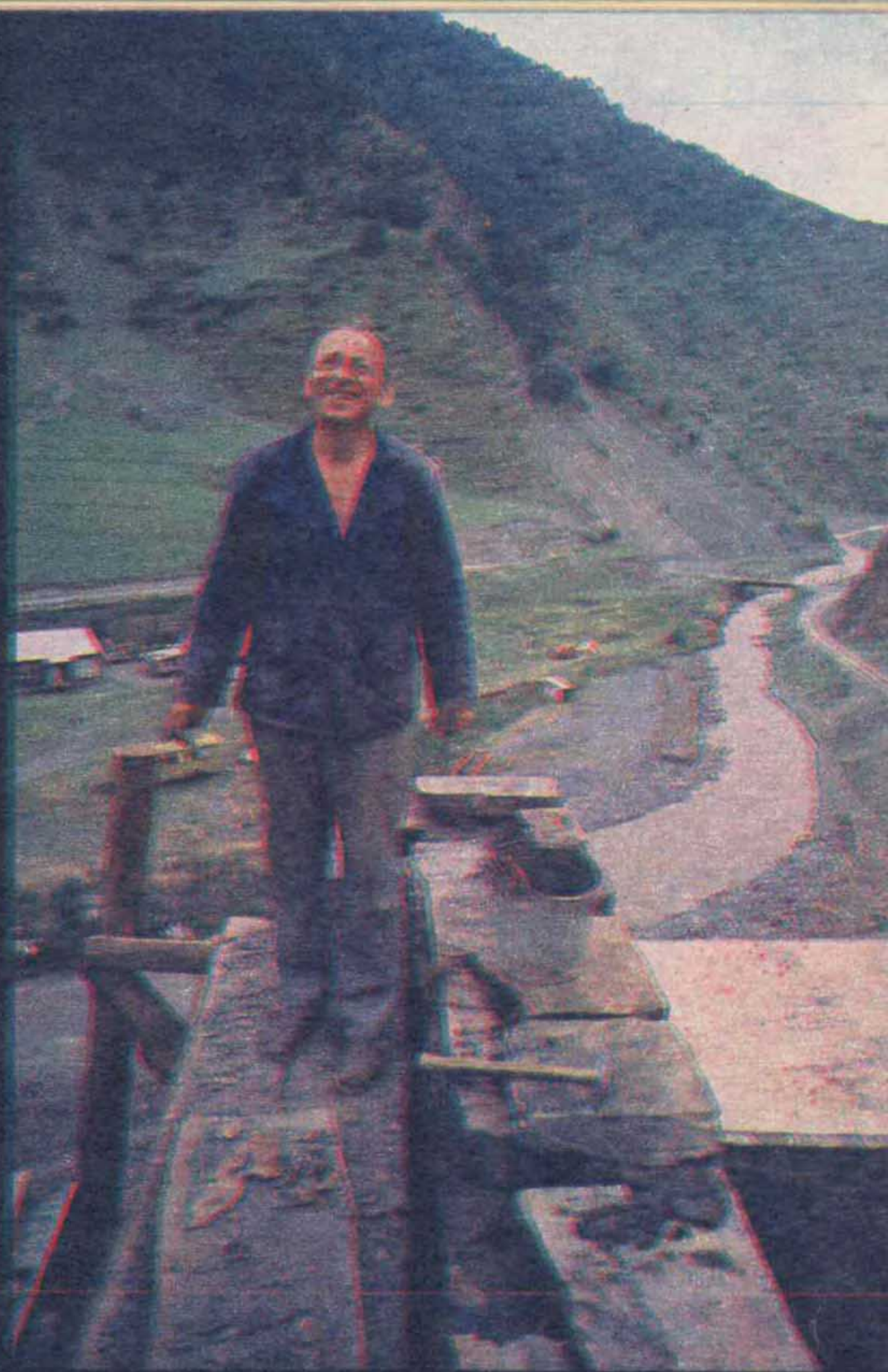
- Бумага на подпись председателю сельсовета.
- Первый проспект Шатили.
- Башня сменила профессию.
- Старая крепость.
- Олег Кобахидзе — реставратор на все руки.
- Перед дальней дорогой.
- Роет горы быстрая речка.

МЕННО ЗДЕСЬ...

ТРИ. НАД. ЩАТАЯ СТУПЕНЬ,

Мы решили отойти от традиционной формы рассказа о популярном певце, лауреате премии Ленинского комсомола Валерии Леонтьеве. Облик эстрадного исполнителя особенно трудно передать в статье или интервью. Сегодня телевидение вошло в каждый дом, и именно через телевидение приходит к артисту известность. Поэтому мы надеемся, что форма теле- (или видео-) фильма будет понятна читателю. Итак...

рампа

Юрий МИХАЛЬЦЕВ,
Владимир ШАХИДЖАНИАН

ИЛИ КАК СДЕЛАТЬ ФИЛЬМ
О ВАЛЕРИИ ЛЕОНТЬЕВЕ

ВСТУПЛЕНИЕ

К

адры хроники. Идут съемки знаменитого новогоднего аттракциона режиссера Евгения Гинзбурга. Валерий Леонтьев поднимается под купол цирка.

А вот он на скачущей лошади. Он же на дельтаплане. На водных лыжах.

Эффектные кадры. Тут важно заметить, что Валерий Леонтьев работает без дублеров. И при этом поет...

Государственный концертный зал «Россия». Очередь. Август 1986 года. Через неделю у артиста первый сольный концерт в столице.

Очередь в кассу собиралась с восьми утра.

Мы берем интервью: «Что привлекает вас в этом певце? Что вы можете о нем сказать?»

— Мне Леонтьев резко не нравится, — говорит рослый парень, слесарь пятого разряда на одном из заводов столицы, — но моя жена от него просто без ума. К дню рождения я обещал ей достать билет, вот и стою, будь он не ладен.

— Это уникальный артист, — сказала нам Таня, студентка МГУ. — Я слежу за ним уже семь лет. Я вижу, как он растет, совершенствуется. Для меня побыть на его концерте — праздник.

— Хочу попасть на концерт, потому что все хотят попасть, а чем я хуже? Нужно видеть то, о чем все говорят...

— Ни разу не была в зале «Россия», поэтому стою в очереди.

Интервью могло быть значительно больше: десять, сто, триста, — но мы выбрали наиболее типичные, характерные.

ВНИМАНИЕ, ИДЕТ ПЕРЕДАЧА!

Фрагменты из прошлых телепередач. Поет Леонтьев. «Гиподинамия», которую он впервые исполнил на закрытии Игр доброй воли, и она тут же была всеми подхвачена; «Ангел мой крылатый» — сонет на слова Петрарки, размышление о любви, преклонение перед женщиной; «Продавец цветов» — чуть ироничные мечты каждому встречному подарить радость...

Каждый отрывок помогает понять какую-то черту артиста, широту диапазона, умение почувствовать в песне второй план, оставить для слушателя хоть небольшую, но загадку... Сегодня у него успех. Одно слово — кумир публики. По телевидению и на радио его записи звучат чуть ли не ежедневно, а то и по два раза — явный перебор!

— Видимо, телевидение отдает свои долги, — скажет в нашем фильме композитор Давид Тухманов. — Помню время, когда путь Леонтьеву в эфир был практически закрыт. Любопытная история его первой записи на телевидении.

В 1979 году для «Новогоднего огонька» записывали две мои новые песни, среди которых «Кружатся диски», теперь ее многие знают. Вроде хорошо записали, и я сказал Валере, чтобы он в новогоднюю ночь не выключал телевизор. Около двенадцати он мне позвонил и спросил: «Передача идет, а песен нет, будут?» Я за-

мчался и уклончиво начал объяснять, что за два часа до эфира песню «вырезали» — перестраховались. Валерий тогда так расстроился, что ушел от новогоднего стола и лег спать. Я, правда, и тогда, и потом не раз говорил ему: «Ты пойми: их дело — вырезать, а наше — работать». Так прошел дебют Леонтьева на телевидении.

РЕПЕТИЦИЯ

Мы увидим кадры, снятые во время репетиции в концертном зале «Россия». Леонтьев, нервный, о чем-то договаривается с осветителями, спорит с режиссером, в очередной раз ругает звуковиков, обращается к сидящему в первом ряду фотографу с просьбой не снимать его: «Все вы так говорите: только для себя. Зачем? Я сейчас небритый, неодетый. Потом будут смотреть: и волосы не так, и ухо не там. Я очень прошу не снимать, вы поняли? Артист имеет право быть красивым...»

Пустынный, огромный, темный зал. Человек пятнадцать — помощники Леонтьева — критически слушают, смотрят, оценивают и вмешиваются. Идет работа. Репетицию всегда интересно смотреть. И когда пойдут эти кадры, мы попросим прокомментировать их самого Валерия Леонтьева.

— Я репетировать не люблю, как и ненавижу петь под фонограмму. Песня рождается на публике, но технически все надо пройти, и не один раз, иначе будут накладки. Свет, звук, мизансцены, композицию — все надо найти, чтобы появился автоматизм.

Вот уже много лет я работаю с ансамблем «Эхо» под руководством Людмилы Исакович. Она прекрасный организатор, я ей многим

обязан. Она завела такой порядок: если выезд в шестьдесят ноль-ноль, в автобусе работает приемник — с последним сигналом «Маяка» двери закрываются, кто опоздал — добирается на концерт на такси. Жесткая дисциплина.

Коллектив у нас хороший. Вот только что мы были с концертами в районе Чернобыля, там нас ждали, и выступить там был наш гражданский долг. А недавно прошли концерты в Афганистане, прямо в частях. Знаете, что меня поразило? Девятнадцатилетние парни, а сколько силы, сдержанности! Какая у них дружба, взаимопонимание, мужественность, дух товарищества. Они все рискуют жизнью и знают об этом. Нас, кстати, никто в Афганистан, как и в Чернобыль, не посылал, это была наша инициатива. Но там трудно, невероятно трудно, и если мы смогли дать нашим ребятам несколько часов мирной жизни — ну как это выразить словами?

РАЗГОВОР С ОДНОКЛАССНИЦЕЙ

Городок в Ивановской области. Баня. За кассой полноватая женщина лет сорока.

— Меня Анной зовут. Я с Валерой училась с шестого по десятый класс. Он писал фантастические повести, интересные повести, а я делала к ним рисунки. Художницей мечтала быть. Он же у нас был школьная знаменитость. Мы все были в него влюблены. Он и сам рисовал, фотографировал. После десятилетки хотел поступать в ГИТИС на артиста, не поступил почему-то. Работал у нас здесь же, в Юрьевце, на кирпичном заводе. Потом уехал.

И вдруг по радио слышу: поет Леонтьев. Не поверила, что наш

Валерий Леонтьев.

Фото И. ГРАНКОВСКОГО

Валера. Как по телевидению увидела, так поняла — он.

В прошлом году он приезжал в Иваново, выступал там. Мы встретились. Он увидел меня и удивился. «Аня, — сказал, — смотри ты, какая стала». Конечно, я постарела, а он мало изменился, такой же быстрый, легкий. Что ж, спрашивает, ты художницей не стала? Что я могла ему ответить, только про себя подумала: добился он всего, добился, и горит у него что-то внутри. Ну что ответить, почему я билетами в бане торгую, что ответить?.. Судьба? Я в судьбу верю.

У КОНЦЕРТНОГО ЗАЛА «РОССИЯ»

Толпа осаждает окошко администратора.

Пожилой человек с орденскими планками, протягивая удостоверение участника войны, с трудом протискивается вперед. И наконец получает два билета. Все завистливо на него смотрят. Он отходит в сторону, и к нему подбегает девушка.

— Дед, спасибо тебе! — Она протягивает руку за билетами.

— Э-э, нет, — говорит он, — мне билеты слишком тяжело достались, я сам пойду. Хочешь — иди со мной, а хочешь — гуляй с Петей, а я себе спутницу найду, видишь, сколько здесь мне в пару.

И верно, у кассы есть женщины средних лет и пожилые. Все хотят попасть на концерт.

У внучки мы взяли короткое интервью.

— Понимаете, — говорит она, — мы не «пугачистки», мы совсем другие. Мы знаем о Валере все. Но мы же не устраиваем демонстраций или не дежури у гостиницы. Как жалко, что он в Москве редко выступает. Он удивительный человек, интеллигентный невероятно. Ему так трудно. Ведь он сначала работал от Сыктывкарской филармонии, потом от Горьковской, теперь в Ворошиловграде с мамой живет...

О СЫНЕ

Разложены фотографии. Дошкольник Валера. Вот он пионер. Старшеклассник. Екатерина Иванова рассказывает:

— Он поздний ребенок. У меня были две девочки от первого брака, сестры Валеры. А потом вышла замуж за ветеринарного врача. Он работал на Крайнем Севере. Все время с оленями стадами. Больше полугода мы редко где жили на одном месте. Весь Север объездили.

Что сказать про его детство? Когда совсем маленький был, страшно боялся козы, она его преследовала. А потом привязалась к нему одна корова, затем собака кусала часто. Коза пугала, корова бодала, собака кусала...

В пять лет он пошел со взрослыми купаться и чуть не утонул. Как упустили? До сих пор жутко...

До шестого класса отличником был. А потом математику не любил.

Я не верила, что он станет певцом. Все считали, лучше бы ему чем-нибудь серьезным заняться. Он вот океанологом хотел быть. Путешественником. А сейчас все равно постоянно в дороге. Когда Яков, отец его, умер, мы тогда в Анапе жили, телеграмма Валеру целую неделю искала, а он совсем рядом был, в Ялте, на кон курсе. Стал тогда лауреатом...

И мы увидим этот первый успех

певца. 1979 год. Год, который должен был открыть дорогу к известности. Валерию исполнилось тридцать...

«ЛЮБЛЮ МАРЫЛЮ»

— Пожалуй, из многих советских эстрадных артистов, — скажет польская певица Марыля Родович, — мне ближе всего Леонтьев. Он пришел однажды ко мне за кулисы и объяснился в любви. Оказывается, он мальчиком, девятнадцать лет назад, слушал меня по радио и... влюбился.

Несколько раз мы еще встречались, а однажды в Минске работали одновременно, я прибегала на его концерты, а он ко мне. Тогда я впервые спела новую песню «Бал», она ему понравилась. Нот у меня не было, я дала кассету с записью. И вот на фестивале в Зелёна-Гуре он спел «Бал» прямо перед моим выходом — это было так эффектно, так трогательно...

Я много раз его слушала и до сих пор не понимаю, как можно так работать. Я понимаю: самоотдача, круглые сутки думать о песне. Мы все такие. Но я за час до концерта всех выгоняю: извините, я должна быть одна, а он... За две минуты до начала к нему подходят с вопросами! Это же концерт!

ТОЛЬКО ОТВЕТЫ

Откуда он берет силы? Казалось, что после многочасовой репетиции, накануне концерта в «России» он не будет в состоянии ответить ни на один вопрос. Мы зашли к нему с единственной целью — условиться о возможном интервью.

— А давайте сейчас... Что я ощущаю накануне концерта? Усталость. Я слишком долго пробыл в Юрмале. Их сразу показали всей стране. А я сколько лет выступал в залах и зальчиках от тридцати до трехсот мест. Трудно было. Но я закалился. Знаю цену успеха.

Я признателен Петру Михайловичу Шаболтаю — он меня пригласил в «Россию». Прежний директор зала говорил: «Пока здесь я, этого клоуна здесь не будет». Хотя что плохого в слове «клоун»? Я лично люблю клоунов и вообще артистов цирка, они удивительные труженики.

С кем из режиссеров хотелось бы работать? Простите, но это наивный вопрос или провокационный. Кто из режиссеров согласится работать на эстраде! Я бы с удовольствием поработал с Марком Захаровым, Борисом Морозовым, Роланом Быковым, Евгением Гинзбургом...

Как говорится, мечтать не вредно.

Репертуар... У меня записано около трехсот песен, но трудно отобрать лучшее. Хорошо живописцам, скульпторам — картины и скульптуры не стареют, можно к юбилею прекрасную выставку сделать. А песня эстрадная — она рождается сегодня и нужна именно сегодня. Мои требования к песне — современность, злободневность. Я сейчас пою про роботов, о компьютерах, и пусть говорят, что Леонтьев «откликается». Да, откликаюсь, хочу откликаться. Сейчас записал песню о «звездных войнах», которые приносились человеку, как страшный сон. Ведь меня это волнует, как всех не может не волновать.

Конечно, пою о любви, о том, что мы не замечаем друг друга, мало стали встречаться, говорить по душам...

Ощущение легкости на сцене? Да нет, скорее страха. Когда выхожу, я всегда об этом говорю, кажется, будто влетаю в пылающий дом, а на голову того гляди повалятся горящие балки. Хорошенькая легкость!

Что люблю в искусстве? Так сразу ответить? В театре, в кино бываю редко, времени нет. Читаю фантастику, люблю Булгакова, Лема, Маркеса. Музыка? Пожалуй, Вивальди, я прямо оттаиваю, когда его слушаю. Живопись? Чюрленис и — вы удивитесь, может быть — Дейнека: у него такой здоровый, гармоничный, светлый мир. Уверенный.

Любимый цвет зеленый. Про странство с огромными зелеными холмами.

Очень люблю Владивосток — океан, простор.

КОНЦЕРТ

Интересно наблюдать за артистом перед выходом на сцену. На экране это будет коротко — несколько кадров.

Вот он отрешенно стоит в кулисах, уже загримированный, сосредоточенный. Прикрыл глаза и замер.

Мгновенный переход из одного состояния в другое.

Сцена. Восторженные аплодисменты зала...

И здесь же мы услышим несколько песен в его исполнении: озорное «Кабаре», лиричное «Ночное метро». И чуть подробнее остановимся на исполнении рондо Моцарта. Здесь Валерий Леонтьев легкий, изящный. Кажется, что он и композитор, и дирижер, и весь оркестр. Музыка словно рождается на наших глазах.

Когда он включил этот номер в концерт, многие скептически замечали: «На святое замахнулся». Но... победителей не судят.

Снимая Валерию Леонтьева после концерта, мы видим человека перевозбужденного. Если измерить пульс — как у спортсмена, пробежавшего в рекордный срок короткую дистанцию. Казалось бы, надо срочно попросить что-то успокоительное, а он пьет чашку обжигающего черного кофе.

И смотрит на своих друзей, пришедших в гримерную, словно спрашивая: ну, как концерт? Вот же видел — полнейший успех, а все равно спрашивает. Успеха, признания никогда не бывает достаточно, все время хочется больше, еще...

— Ощущаю ли я себя «звездой»? Пожалуй, да. Наступает в жизни исполнителя такой момент, когда «на него идут». Сольные концерты, престижные площадки. Но сразу появляется большая категория публики, которой, в сущности, все равно, что я буду петь. Им нужно сказать: «Я вчера был на концерте». А другие приходят, как в зоопарк, — поглазеть. Когда есть популярность, особенно трудно петь для своего слушателя, для того, кто действительно пришел ко мне. И все равно, надо всех в свою веру обратить. Знаете, как приятно, когда после концерта пробьется к тебе человек и скажет: «Я вас терпеть не мог, а теперь полностью изменился». Мне хотелось бы за два часа выступления показать свою «хрустальную мечту» о мире и уй-

ти. А зрители выйдут из зала, на улице дождь, но они этого не замечают...

ЧЕМ ПОМОЧЬ?

Телевидение может многое. Например, устроить встречу двум заинтересованным лицам и ее записать, стараясь многие вопросы решить в ходе самой беседы. И мы вместе с Валерием Леонтьевым пойдем к одному из руководителей, отвечающему за развитие эстрады в системе Министерства культуры СССР.

Пусть этот товарищ спросит певца (как об этом многие мечтают!): «Чем вам можно помочь?»

— О чем попросить? — И Валерий Леонтьев иронично улыбнулся. — Сознаться, я хотел бы жить в Москве, ибо здесь мне приходится решать большинство своих дел. На оплату моих командировочных государство теряет больше. Хотелось бы иметь студию, пусть даже на паях с несколькими другими актерами. Я знаю, одна такая студия для артистов сделана — в Олимпийской деревне. Фирме «Мелодия» обеспечить всех записями очень сложно.

И ведь средства можно найти. В Ворошиловградской филармонии меня называют «маленький заводик». Наш коллектив дает в год по триста концертов, приносит огромную прибыль — больше миллиона. И никаких отчислений для нас. Не можем даже пошить костюмы. Нужны хорошие администраторы, а не дельцы при артистах. Нужна хорошая реклама, это лицо коллектива: плакаты, буклеты, афиши. Необходимо до зарезу хороший свет — ведь есть такая аппаратура!

Я хотел бы, чтобы нам добавили артистов балета, усилили вокальную группу, помогли в осуществлении давней мечты — сделать театр песни и открыть его спектаклем о Джордано Бруно, о силе человеческой мысли, о верности идеалам...

ЭПИЛОГ

Мы закончим наш фильм так, как и заканчивается концерт.

Море цветов. Занавес закрыли. Леонтьев, с трудом удерживая охапки букетов, поднимается по лестнице, которая установлена прямо на сцене.

Аплодисменты продолжают. Занавес открывается снова. И мы видим артиста, сидящего на середине лестницы: усталый, чуть печальный — и очень признательный зрителям за их любовь. Это было удивительно красиво — естественная эмоциональная точка концерта, которая станет финалом нашего телефильма.

Пустая сцена. Широкая лестница. И где-то на тринадцатой ступени — Валерий Леонтьев. А впереди еще много ступенек. Много...

Вот такой может быть фильм. Впрочем, давайте фантазировать дальше. Представим себе, что сценарий готов. Его одобряют, начнут съемки... Только вдруг выяснится, что на главную роль утвердили другого исполнителя. «Со мной всегда так, — скажет Валерий Леонтьев. — Да я уже привык».

Нет, все же это вчерашние фантазии. Верится, что действительность будет справедливее. Ведь это нужно не певцу. Нужно эстраде, нужно зрителям.

мы КПСС, должно и будет уделяться большое внимание. И оно уделяется. И эти дома, и средняя школа, которой в Шатили никогда не было, и своя электростанция на пятьсот киловатт, и вертодром — все это сделано за последние четыре года. Появилась штатная врачебная единица, и я, конечно, уговорил брата Михаила вернуться в Шатили. А потом телевизоры в каждом доме. Смотрим даже четвертую программу с помощью спутника!

Телевизор работал отлично. Мы видели это вечером, сидя за чаем в доме Ираклия. Дом подарили ему на комсомольскую свадьбу. Жена Мзия, поглощенная трехнедельным голосистым шатильцем, не смогла беседовать с нами. Ираклий рассказал, что именно она является хозяйкой (оператором!) шатильской телестанции. А нашел он свою половину в Кахетии. Мзия успела окончить машиностроительный техникум. Она не противилась ехать в горы, потому что, как оказалось, это и ее горы, горы ее предков из той же Потусторонней Хевсуретии, из села, совершенно покинутого людьми.

Хевсуры возвращаются в горы. Они уходили вниз потому, что тянулись к новой жизни, к образованию (семья Бадзия Чинчараули не исключение). Они уходили вниз потому, что в годы войны и после нее, в течение почти десяти лет, здесь хозяйничали банды выродков, врагов Советской власти, с одинаковой жестокостью убивавшие как в «своей» Чечено-Ингушетии, так и в Хевсуретии, других горных районах Грузии. От рук последней банды, Ахмеда Хучбарова, в одном только Шатили погибли десять мужчин. Эту банду ликвидировали лишь за тринадцать лет до рождения Ираклия...

Хевсуры уходили вниз потому, что их манили выгодой работать на кахетинских виноградниках и жить в достатке. Горы обезлюдели, животноводство захирело.

У Ираклия благороднейшая миссия, он собирает людей. У него в сельсовете висит на стене генплан развития Шатили. То, что сделано, мы уже видели. Теперь будет строиться центр села: здание сельсовета, клуб, пекарня, комбинат бытового обслуживания, магазины... В сельсовете обращают на себя внимание три стенные газеты: одна обычная «Новый Шатили», другая называется «Зеркало» и смотрит на вещи только с критической улыбкой, а третья собирает поэзию, ее название «Стих! Ты не потеряешься!». Хевсуры удивительно поэтичны. Они говорят стихами, сочиняя их просто, без мук, как река течет. И лучшие из них попадают в шатильскую «Литературку».

Едешь по Потусторонней дороге, лишенной всяческих дорожных указателей, и время от времени на глаза попадаются транспаранты с короткой поэтической строкой. Что и говорить — приятно. Но еще нужнее в этих местах безопасная, культурная автомобильная дорога, по которой можно было бы пустить общественный тран-

спорт. Ираклий говорит, что он хлопотал, но ему объяснили, что экономиста этого края не позволяет делать больших затрат на улучшение дороги. Однако ведь именно хорошая дорога послужит экономикой! Заколдованный круг, который надо когда-то разорвать. И неужели везде и во всем только экономика? Может быть, где-то могут перевесить и нравственные начала?

Я думаю о личности молодого шатильского председателя. Откуда такой общественный темперамент? Утром пьет чашечку черного кофе и, как заведенный, прыгает по камням на своем служебном железном коне — «газике». Куда проедет — проедет, непроходимо — оставляет «газик» и идет пешком. Людей будто бы немного, но это такая семья (другого слова не сыщешь), где надо входить в мельчайшие коллизии. Помогают пятнадцать депутатов.

В студенческую пору он жил в университетском общежитии, где было не триста, а несколько тысяч человек. И, представьте себе, тихого, скромного юношу-хевсура (до университета он окончил сельскую школу-интернат в Нижней Хевсуретии) с первого же курса избрали председателем Совета студгородка. Так и нес эту общественную нагрузку все годы учебы. Его знали, уважали. Захотел бы — и сделал себе «комсомольскую карьеру». Но ему снился Шатили. Ему снились вершины, по которым тонкими серебряными нитями струятся чистые родниковые воды, скалы то причудливо готические, то словно нарезанные из одинаковых кубиков, то зелено-замшевые склоны, то сиреневые в один гигантский камень пропасти. Это надо увидеть. Тогда поймешь, почему бывшие хевсуры, живущие ныне в Кахетии в достатке, все равно чувствуют себя не в своей тарелке. И почему рожденного здесь человека, «отравленного» этой красотой, тянет жить именно здесь.

У Ираклия дома много книг: грузинских и русских. Говорит, что много читает зимой, все время делится с кем-нибудь прочитанным. Я беру книгу великого певца этих гор Важи Пшавела «Избранная проза». Первый же рассказ начинается словами: «Стоят и ждут. Беспредельно ожидание гор...»

Не так уж беспредельно. Начинается великая стройка века — Кавказская Перевальная Железная Дорога. В Нижней Хевсуретии, недалеко от села Барисахо, уже стоит первый рабочий поселок. Уже ободран склон горы, в которую врежется портал главного многокилометрового тоннеля. Правда, он пронзит не знакомый нам Медвежий Крест, а пройдет под Архотским перевалом. И дальше рельсы пойдут не по долине Аргуна, а по долине Ассы. Но это ведь, по хевсурским, по горским понятиям, совсем рядом! Так что люди здесь понадобятся очень. И те, которые будут строить, и те, кто будет их кормить молоком, маслом, сыром, мясом...

среди книг

ГЕРОИЧЕСКИЙ ЭПОС

Русский историк В. О. Ключевский заметил некоторую цикличность в росте и спаде популярности истории как науки и истории как источника литературного творчества. Он считал, что рывок в общественной жизни, в ритме социальной активности сопряжен с ростом интереса к собственной истории и культуре.

Одним из ярких свидетельств сказанному может служить «Дастан о каракалпаках» Т. Каипбергена. Автор избрал наиболее малозвестный период в истории каракалпаков начиная с середины XVIII века, когда родоплеменная вражда среди этого народа завершилась национальной трагедией — рядом набегов джунгар и наступившим к концу века игом хивинских властителей.

Трилогия простирается вплоть до периода Крымской войны и присоединения к России Восточной Каракалпакии. Ее первая часть озаглавлена: «Сказание о Маман-бие». Здесь автор описывает деятельность Маман-бия, которая полностью была посвящена сближению с Россией. Историческим фактом остается посещение Маманом Петербурга и получение грамоты на протекторат. Трагедия этого человека, непонимание, интриги соседей — все, живо сохраненное народной памятью, художественно передано в дастане. Вторая часть, «Неприкаянные», воспроизводит этапы борьбы за национальное возрождение в условиях хивинского владычества, насильственное переселение северных племен каракалпаков в низовья Амударьи. Заключительная книга, «Непонятные», вводит читателя в сферу широких региональных взаимоотношений, в которых каракалпаки занимают самостоятельное место.

«Дастан о каракалпаках» — не повесть и не роман в европейском понимании. Дастан как форма передачи историко-патриотической информации непременно содержит в себе элементы эпической традиции богатейшего эпоса и в данном случае — тюркоязычной средневековой «народной книги».

Форма дастана требует включения в повествование обязательных эпизодов и мотивов, например, освобождения героев из заточения, сражения женщины с ордами иноземцев, изображения мудрости и мужества вдов, под-

черкивания благородных черт героев, спасения обиженных, награждения обездоленных...

Важны для повествования и развития идей дастана Каипбергена образы стремящихся великих предводителей — это люди, вышедшие из народа, ранее униженные и оскорбленные, выдвинувшиеся благодаря военным и интеллектуальным достоинствам. Таковыми предстают перед читателем стремящиеся главных героев трилогии Мамана, Айдоса и Алакоза — их верные соратники и единомышленники.

Т. Каипберген прекрасно знаком с русскими исследованиями по Средней Азии XVIII века — записками купца Д. У. Белова «О киргизах по Сыр-Дарье», «Топография Оренбургской губернии. Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащих», П. Рычкова «Поездка из Орск в Хиву и обратно, совершенная в 1740 и 1741 годах поручиком Гладышевым и геодезистом Муравьиным» и другими. Писатель тактично, умело, в рамках поэтической традиции оперирует письменными источниками, эффективно сочетая их с преданиями. Это тоже одна из особенностей дастана. Очень убедительно подчеркнуто в «Дастане» исторически оправданное стремление каракалпаков к сближению с Россией, с большой силой выведены противники такого сближения.

Обывательские представления о том, что народы Приаралья, Хивы, западных областей Казахстана (Малый жуз) были слабо осведомлены о событиях в мире, автор справедливо опровергает. Он исторически достоверен, когда рассказывает о том, как обсуждают на местах вторжение иранцев в Афганистан и захват Герата, английский вторжение в Кабул, захват ими пуштунских земель в районах нынешней пакистанской Северо-Западной и Пограничной провинции. Нельзя не отметить актуальность дастана Каипбергена. Воспроизводя события прошлого, каракалпакский писатель помогает лучше уяснить происходящее сейчас — например, действие контрреволюции в Афганистане.

Эпико-героическая форма, избранная автором, на мой взгляд, как нельзя лучше отвечает поставленной им цели.

Т. Каипберген. Дастан о каракалпаках. М., «Советский писатель».

С. И. КОРОЛЕВ,
доктор исторических наук

ТЯНЕТ ЖИТЬ

ИМЕННО ЗДЕСЬ...

НЕНАВИЖУ СВОЮ ПРОФЕССИЮ...

Раньше я все решала сама. А сейчас не могу: мне нужно либо принять решение, которое круто изменит мою жизнь, либо оставить все как есть...

Я учусь на четвертом курсе университета, будущая специальность — филолог. Считаюсь хорошей студенткой, троек нет. Но в душе ненавижу свою будущую профессию. Меня коробит при одной мысли о ней. Вы вправе спросить: о чем думала раньше? А я вообще не думала. Мне было все равно. В школе очень любила биологию, посещала кружки и секции. Но на биофак МГУ провалилась. Мама была даже рада и посоветовала: филфак. К несчастью, я поступила. Поначалу было даже интересно. Но чем дальше, тем хуже. Когда заикнулась, что уйду из университета, мама ответила: «Не дури. Начнешь работать — полюбишь...» Понимаю мать тоже. Цель ее жизни — дать нам с сестрой образование. Отца у нас нет, погиб в автокатастрофе. Сестра через год кончает институт, через два должна кончить я. Но на вопрос, кем же ты будешь, до сих пор отвечаю: «Не знаю...» А самое главное, я не чувствую сил все бросить и начать сначала.

Таня М.

Москва.

* * *

Если откровенно, то главным в человеке я считаю совесть, чувство долга, ответственность за свое поведение перед родителями, обществом, Родиной, потомками. Как и большинство моих друзей, уверен, что если человек лишен бескорыстной доброты и честности, то он как личность не состоялся.

Ю. Федоров,
научный сотрудник

Ленинград.

БРОСИТЬ ЕГО?

Пишу и волнуюсь, потому что пишу, о чем стыдно писать.

Мне шестнадцать лет, учусь в десятом классе. Два месяца назад познакомилась с Олегом. Потом познакомилась с другом Олега свою подружку. Вот так вчетвером мы проходили два месяца. Однажды ребята вызвали нас в подъезд и сказали, что нам лучше не встречаться, а если мы хотим, то с одним условием...

И тогда в прокуренном подъезде Олег сказал, что просто так ходить неинтересно, что надоели «вздохи на скамейке», что мы уже взрослые... Он дал нам на решение один день. Мы с подружкой выскочили из подъезда, бежали непонятно куда, кричали. На нас ог-

В материале «Если говорить, то бесстрашно и о главном» кандидата философских наук А. П. Мидлера, опубликованном в № 30 «Огонька», нашим молодым читателям были заданы три вопроса:

— Какова самая острая проблема вашей жизни?

— Что является наибольшим вашим счастьем?

— Что является самым большим несчастьем вашей жизни?

Напомним, что мы решили «говорить друг с другом откровенно» о самом тревожащем, о том, что поразило, взволновало, о том, что «не всегда напишешь».

Сегодня мы публикуем первые отклики. Ждем продолжения разговора.

лядывались. И все-таки Олег был мне дорог, я боялась остаться одна и приняла его условие. В тот день, когда все случилось, я напилась каких-то таблеток, потому что не могла смотреть родителям в глаза. У нас хорошая семья, мама с папой просиживали все ночи у меня в больнице.

Теперь, когда все уже позади, я поняла, что не люблю его. Парень, который любит по-настоящему, не будет ставить таких гадких условий. Но он говорит, что меня любит, познакомил с родителями. Чем же измеряется любовь? Уважением? Помощью? Нежностью? Как она возникает? Что мне делать? Бросить его?

Наташа К.

Тула.

* * *

Самая острая проблема у меня — отсутствие верного человека-единомышленника, с которым можно советоваться, спорить, сомневаться, которого бы волновало то, что волнует меня. Меня тревожит судьба моего поколения. Вижу, как многое, очень многое молодежь переложила на плечи родителей. Самое большое счастье? То, что я люблю свою работу, учу детей в начальных классах. И все-таки мне уже 19 лет, а ничего важного еще не сделано.

С. Ващук

Минск.

Я СЧАСТЛИВА

Работаю маляром на стройке, хотя эта работа не предел моих мечтаний. Обыкновенная молодая женщина, мне 21 год. Может быть, отличаюсь от подруг тем, что сегодня я самая счастливая. А счастье в том, что вышла замуж за любимого человека.

Живу ради того, чтобы сделать жизнь интересной, не бесцельной. Хочу научить своих будущих детей (мечтаю, чтобы их было трое) видеть мир не серым, а радостным. Ближайшие планы — поступить в институт культуры. Я счастлива, что Виктор поддерживает мои мечты. Он моя надежда.

Т. Короткова

Пенза.

* * *

Пишу впервые в редакцию, но мое волнение не может быть сильнее того душевного подъема, который переживаю сейчас.

Когда мне было 18 лет, я был влюблен. Любовь, как говорят, проверяется временем. Настала пора служить в армии. Письма писали друг другу самые нежные. Кончилась служба. Вернувшись, едва обняв родителей, поспешил к ней, самой дорогой. Наденька жила в Горьком. Я, простой деревенский парень, торопился на свидание за 50 километров. И не мог я представить, что ждет меня горе. Вхожу в дом, а там — свадьба. Надя выходит замуж за другого.

Сейчас все мои сверстники давно женаты, имеют детей. Мне казалось, что рана останется на всю жизнь. Но вот познакомился с Лидой. Она медсестра в госпитале. Я туда попал после аварии. Учила меня ходить, словно ребенка, — один шаг, второй, третий... Благодаря ей я здоров. Лидка сделала невозможное — вернула мне веру в людей, в любовь.

П. Данилюк

Горьковская область.

ЕСЛИ ГОВОРИТЬ ОТКРОВЕННО

Фото И. ГАВРИЛОВА

ПАТЮ ВЕРОЯТИ

Бывший журналист-международник Ростислав Знаменский прилетел в Ашхабад по вызову Захара Чижова — своего друга и однокашника по институту международных отношений. При встрече Знаменский рассказал, что, будучи за границей, проиграл в рулетку деньги, выданные ему на покупку автомашины. Когда его стали шантажировать, пытаясь склонить к предательству, завербовать для шпионской работы, Знаменский сразу же обратился в наше консульство и признался во всем. Он был отозван из-за границы, исключен из партии. И вот теперь здесь, в Туркмении, на новом месте работы, ему придется завоевывать потерянное доверие.

Лазарь КАРЕЛИН

РОМАН

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА

З

Захар Васильевич Чижов жил неподалеку от гостиницы, тут все было неподалеку, особенно если ехать на машине. Квартиру Захар унаследовал от своего предшественника, уехавшего на другую работу, так сказать, с концами, то есть с семьей и без брони на служебную квартиру. Повезло Захару Чижову, поскольку его предшественник жил тут долго, дом свой обиходил. Да что дом, эти три комнаты, половина одноэтажного особняка, главное было не в нем, а в небольшом, но сказочно возделанном участке, отгороженном высоким дувалом, как тут и полагалось, в этом воистину рае, прильнувшем к террасе и окнам, где росли, уже желтея плодами, абрикосовые деревья, старая черешня, жаль, уже обобранная, но еще набирали цвет в синеву два сливовых дерева, но всюду — и на опорах, и на шпалерах — зеленел, желтел, розовел, натекал в матовую багровость виноград. И журчал крошечный фонтанчик, убегаая струей в тень деревьев, где можно было укрыться от зноя, там сама тень казалась прохладной. Солнце и здесь, конечно, царствовало, но здесь оно царствовало благожелательно.

На раскладных парусиновых стульях вокруг укрытого ломкой, крахмальной скатертью стола, на котором сейчас воцарилась на синем блюде дыня и, кажется, зрим был, струился в воздухе ее аромат волшебный, сидели они — институтские друзья, два «мгимошника» — Ростик Знаменский и Захар Чижов, и его жена Ниночка, «торезовка», то есть в прошлом студентка института иностранных языков, с которым у «мгимошников» была давняя дружба: породненные это были учебные заведения. Ниночка, почти такая же, как и на первом

курсе, разве что чуть пополневшая, но это только еще больше красило ее, их Ниночку-блондиночку.

Сидели, молчали. Отвоскливались уже, проинформировали друг друга обо всем и даже о мелкой мелочи, ни разу не коснувшись главного в их жизни, той муки, той печали, того, что случилось или не случилось у них, для них, а было мужчинам почти тридцать три годика, они были ровесниками, с одного курса, вместе начинали завоевывать судьбу. А не случилось и случилось многое. Вот не удалось Нине — она была года на четыре моложе своего Захара — сберечь ребенка, их мальчик умер трех лет в распрямленном для русского человека климате той страны, куда Захара Чижова с женой послали работать. МГИМО — это не только престиж и заграничные шмотки. Это тропические лихорадки, это яростные москиты, это бездорожье, безводье, безлюдье, а подчас пагубное многолюдье или, точнее, нелюдь. «Мгимошники», пижоны, форсуны, с проносами и сленгами — они солдаты, да, да, они солдаты и часто самого что ни на есть переднего края. И вот тогда... А вот тогда и становится ясным, кто среди них есть кто. Не случилось Ростик Знаменскому, не сумел быть солдатом.

Молчали, вспоминали молча. Трое — это уже мирок, их мирок.

Но может быть, Захар Чижов был среди них счастливец? Он ехал, куда посылали. Он не выспрашивал, какой там климат, какое там будет ему бунгало, какой марки будет машина, какой ранг ему установят, велико ли представительство, сколько дадут в валюте, сколько пойдет на книжку. Он ехал, вернее, летел. Он был солдатом, это уж точно. Опоздал родиться, а то был бы одним из тех, кто крестьянскими своими руками, широкой костью отстоял Москву. Солдат, да, солдат. Но Ниночка вышла за него замуж не любя, с отчаяния, что ли. У юных женщин такое случается. И не у юных тоже. Вот кого она любила: этого дуралея несчастного, Ростика, таясь, чтобы никто не знал. Так ли, не знали? И когда он женился на их главной у «торезовцев» царевне, на их Елене Прекрасной, из-за которой шла у «мгимошников» форменная Троянская война, — не он женился, а она его на себе женила, объявив всем, откровенная была всегда: «Мне нужен элитный мальчик!» — вот тогда Нина и вышла за своего Чижку, объявив тоже всем: «А мне нужен надежный!» Не ошиблась: Захар Чижов был надежным человеком, этого уж не отнять. И он любил ее, как только может такой человек, однолюбый кряжистый. Не ошиблась, это Ленка ошиблась. Вот сидит ее «элита», ее «шляхтич княжеских кровей», убитый, нет, побитый и виноватый. Но как же душа востребовалась, когда вошел он к ним! Как же нелегко ей не смотреть на него! А что в нем, ну, что в нем?! Все такой же, нарцисс проклятый! А Захар!.. Что Захар?!

Сидели, молчали «мгимошники» вот тут, на краю грозной пустыни, в райском садике у фонтанчика.

И тут, в глубине этого садика, кто-то квакающе вздыхал, какая-то квакушка завелась.

— Ну и кем ты у нас в Ашхабаде будешь работать? — прервала наконец молчание Нина. — Меня зарыли в бумажках. Визы, визы, визы. Сбегать собираюсь. Зовут и туда, и сю-

да, и даже в университет преподавать английский. Нет, учить — это не для меня. Сбегу к геологам. Вот увидишь, Захар, сбегу. У нас тут, Ростик, везде все время что-то ищут. Нефть, газ, золото, серу. Все время что-то прокладывают. Каракумский канал за тысячу километров ступил, нефтепроводы тянут, дороги, по трубам провели воду в Небит-Даг, а сейчас ведут в Кара-Калу, в сухие субтропики. Представляешь, что там будет, когда туда придет вода? Я побывала там разок. Рай земной! Гранатовые деревья, грецкие орехи прямо над головой. Виноградники, где выращивают двести сортов, и горы, горы. Ты теперь свободный, Ростик, рвани туда.

— Приграничный, кажется, район? — спросил Знаменский и свел плечи.

— Да, — сказал Захар. Он осуждающе глянул на жену. — Я тебе сбегу! Визы, визы! Кому-то надо и на визах сидеть.

— О, ты человек долга! Вот дал себя загнать в это пекло!

— Кому-то надо и здесь работать. Здесь сейчас боевой участок. И разве нам плохо здесь, Нина?

— Нам неплохо здесь, Захар. — И она тоже свела плечи. — Так куда же его?

— С учетом всех обстоятельств... Прикидывали, прикидывали... И если учесть интересы дела...

— Да ты не тяни, дипломат! — рассердилась Нина. — Куда его?

— Я телеграфировал Ростик, он знает.

— Подошла работа? — быстро глянула на Знаменского Нина. — Я что-то краем уха слышала и ничего не поняла.

— С учетом всех обстоятельств... — сказал Знаменский, пытаясь улыбнуться.

Теперь ей можно было смотреть на него, она его о деле расспрашивала, и она смотрела, ловя всякий жест, вот улыбку эту жалкую, кляня его в душе и жалея — что с собой сделал, дуралей! — ну, вот улыбается жалкий-прежалкий, а все-таки и сейчас красивый, нет, не красивый, а просто смотреть на него приятно, — открытый он, синеглазый, улыбчивый и незащитный. Она многое о нем знала. Она догадывалась, что он из тех, которых ведут за ручку. Мама вела, жена повела, дружки тянули в разные стороны. Но до поры до времени жилось легко, празднично даже, и он не научился вырывать руку. А вот теперь...

— Куда же все-таки теперь-то тебя за ручку привели? — спросила она, не умея быть милосердной, так изныла душа, глядя на него.

— Он будет у нас референтом, — сказал Захар. — Точнее, переводчиком. И у нас, и в республиканском ССОДе, благо наши конторы в одном здании. Нам и им давно нужен был квалифицированный переводчик и именно мужчина, а не дамочки эти, чик-чирикающие. Восток все-таки сюда тяготеет, Азия здесь. Иной иностранец просто понять не может, как это в его номер входит женщина, а потом по стране с ним мотается.

— Словом, как я поняла, слуга двух господ?

— А что тут плохого? — Захар весело подмигнул приунывшему другу. — Ты смотрел, Ростик, по телеку пьесу Карло Гольдони «Слуга двух господ»?

— Мы еще в Москве с Леной эту пьесу вспомнили. — Знаменский ссутулился, отвечал, не поднимая головы. — Да, да... А все-таки до-

конало меня это виски. Прав ты был, нельзя пить в такую жару.

— Сейчас отвезу тебя в гостиницу. А хочешь, укладывайся прямо здесь, в саду. Через минуту будет тебе раскладушка.

— Нет, нет, я в гостиницу, там, кажется, неплохо. Знаменский поднялся, развел плечи.

— Веришь, глянул на жену Захар, едва администраторша его увидела, как тут же предоставила самый наилучший «люкс».

— А ты как думал? Ведь это же Ростислав Знаменский! Он у нас помечен знаком «элиты»!

У женщин всего важнее голос, каким они произносят свои слова, рождающие часто совсем пустынные, скользкие фразы.

— Нина, тихонько окликнул жену Захар Чижов.

— Что Нина? Трудно ему здесь будет, вот я о чем подумала. Зря ты его сюда вытаскил.

— Но здесь мы, его друзья. А где-то же надо ему работать.

— Трудно, трудно ему здесь будет, — сказала Нина, упрямясь и как-то вдруг постарев — вокруг губ, оказывается, у нее множество угнездились морщинок.

Знаменский слушал своих друзей, молчал. Он в отлетевший звук Нинино голоса все вслушивался, не понимая, отчего такая тоска на него навалилась, еще безысходнее, еще беспрощнее. Он вслушивался и в эти поставившие звуки, идущие из глубины сада, из самой земли. Тоскливые звуки.

— Поехали, Захар, — сказал он. — А то и сам доберусь, отвыкать надо от машины.

— Зачем же, пригони сюда свою, — сказала Нина.

— Не подойдет, пожалуй. У меня «мерседес».

— Да, пожалуй, не подойдет. И «люкс» тоже. Я подыщу тебе комнату на частной квартире. Поручаешь?

— С окном в сад?

— И даже на горы.

— Согласен, Ниночка.

— Ты только не горюй, не вешай нос.

— Согласен, не буду.

— А я сбегу. К геологам. Вот увидите!

Знаменский и Чижов вышли за калитку, направились к машине.

— Не может забыть нашего мальчика, — шепнул Захар, оглядываясь, рукой помахав жене.

И она от калитки махала, вдруг оживившаяся, вытянувшаяся, откуда-то взявшийся ветер подхватывал ее легкое платье. Она крикнула:

— Ростик, не исчезай! Эй, «слуга двух господ», приходи обедать!

— Да, да, — сказал Захар. — Хотя каждый день, Ростик. Так и проживем. Славно проживем. Верно?

— Верно.

— Что еще человеку надо, когда рядом друг институтский? Ничего больше не надо! Садись, поехали. Я отпустил Алексея.

— Можно, я сяду за баранку? Права у меня не отобрали.

— Садись. Ты, кажется, чуть ли не гонщик?

— Чуть ли.

Мягко тронулась машина, покатила.

И странное дело, чуть взялся за баранку, как отлегло, как разжалась тоска. Но словечко это в него вцепилось: «чуть ли... чуть ли...» Всю дорогу твердил про себя, прислушиваясь к указаниям Захара, куда свернуть. Вел машину осторожно, как пожилую женщину в танце. Ладони помнили другую машину — ладони, ноги, спина. На той бы рванул, повирал бы сейчас, с той был слит, продолжался в ней. А эта старушка все не туда норовила ступить, что-то тряслось в ней, похоже, она стеснялась гулко го стука своего затревожившегося сердца.

У гостиницы попрощались.

— Завалюсь сейчас спать. Да сейчас ведь чуть ли не вечер.

— У нас быстро темнеет. Солнце просто падает за горы — и сразу темно.

— Значит, оно у вас тут висит чуть ли не на ниточке?

— Пожалуй, что так. Завтра утром позвоню. Отдыхай.

— Чуть ли... чуть ли... Спасибо, Захар, ты настоящий друг.

— А может быть, чуть ли?

— Нет, ты настоящий.

Расстались.

Не пришлось загнать себя в сон, спрятаться от мыслей в безмыслие разных там кошмарных сновидений. Что кошмары? Он в них отдыхал теперь. Спал и радовался во сне, что совсем ему сейчас будет худо, что догонят, схватят, начнут убивать. Пустяками казались все эти ужасы, кинематографом Хичкока. Он спал, но он знал, что спит, что кошмары эти уводят, утаскивают его от мига пробуждения. Он спал, страшась лишь одного, что проснется. И тогда все вспомнит, и начнется для него кошмар той реальной жизни, в которую его заволокла судьба. Много стал пить, хотя и худо это помогало. Навык мешал. И раньше пил, долго не пьянея, даже слегка бахвалился своей стойкостью. Журналисту-международнику такая стойкость была необходима. Много чего было необходимо в его профессии. И он всем этим обладал с избытком.

Не пришлось уткнуться в сон: в холле на этаже, когда брал ключ у дежурной, поглядывая на мерцающий в углу цветной экран, где как раз шла программа «Сегодня в мире» и где так мило, так сдержанно, без всякого нажима вел свой рассказ Борис Калягин, так вот, в холле этом, в креслицах перед телевизором, углядел Знаменский сперва двух женщин, молодых, с задранными юбочками — жара ведь! — да и ноги такие грех скрывать, а потом лукавый глаз углядел, подмигивающий ему. Вскочил лукавоглазый и оказался Алексеем.

— А мы к вам! — подошел круглой походкой Алексей. — Заждались. Чуть-чуть не рассчитал. Ну, час на обед, ну, час на воспоминания, ну, проводы у калитки, ну, дорога... Короче, тридцать минут у вас там на что-то еще ушло. Мои дамы собрались было уходить.

Дамы тем временем поднялись. Молодые, хотя лица вот подбадривают косметикой в такую-то жару. Каждая на кого-то похожа, на одну из див эстрадных, а то сразу и на двух и трех — те ведь тоже с кого-то портрет берут. А выходит, что у всех у них одинаковые личики, полуоткрытые роты и растопыренные глазки, жаждущие великопленного какого-то счастья. Вполне милые дамы, что ни говори. Полноногие, стройноногие и почти все на виду, без обмана. Ай да бараночник Алексей!

— Не возражаете? Мы на минуточку. Знакомьтесь. — Алексей тараторил и сиял, поняв, что дамы понравились. — Представляете, как узнали, кто к нам прилетел, так просто повисли на мне: знакомь, и все! Это, Ростислав Юрьевич, наши знаменитые в городе манекенщицы. А как же, и у нас есть! Вот это вот Лара, а это вот Лана. Знакомьтесь, знакомьтесь. Ростислав Юрьевич, приглашаете?

— Разумеется... Буду рад...

У них были потные ладони, пот проступил и на их платьях, — простительно, такая жара!

Он разглядывал их, но ведь и они растопыренными от туши своими глазками приглядывались. Это были зоркие глазки, даром что простенькие личики. Знаменский знал, что на свой лад, для себя, если всерьез по жизни, женщины умны, зорки и уж всегда догадливы. Что какая-нибудь стюардесса, что какая-нибудь магнетесса, что эти вот ашхабадские манекенщицы. От их глаз мало что ускользнет — Знаменский многожды убеждался в этом. Ну-ка, чего они в нем сейчас углядели? При- творяйся не притворяйся...

Он ввел гостей в свой «люкс», где действительно было прохладно, ну, не по-настоящему, машинная это была прохлада, воздух тут чем-то пах, как в гараже, но зато прохладно же было.

Уходя с Чижовым, он не успел выложить из чемоданов вещи. Три чемодана стояли, будто готовые к отбытию. Подхватил — и прощай, город Ашхабад. А что, он теперь может, никому ведь теперь не нужен. Слуга двух господ!.. Из жалости позвали. Придумали какую-то работенку, в которой нет необходимости. Кооперировались даже, избрав ему дело. Спасибо, спасибо. А он вот подхватит свои чемоданы — и в аэропорт. Куда? А хоть на первый же рейс. Деньги у него были, денег пока хватает. Лети! Самолет приземлился — сходи. Куда залетел? А какая разница? Деньги есть, паспорт есть. Девушки такие, как эти, ну, похуже пусть, найдутся в любом городе. Ресторан, столик, потом пристанище на день-

два — и снова в путь. Свобода! Обрел свободу! Свобода за никому не надобностью?.. Так? Так!

— У вас неприятности? — спросила та, что была Ларой.

— Громадные.

— Вывернетесь, я за вас не страшусь, — сказала та, что была Ланой.

— Спасибо, на добром слове спасибо. Выпить хотите?

— В такую жару?! — хором отказались, соглашаясь, дамы.

Тот чемодан, откуда он добывал свежую рубашку, был не замкнут, крышка была откинута, — в том чемодане пестрела всяческая иностранная затейщина, ярлычки всякие высывались, и к ним откровенно тянулись глаза женщин.

— Господи, какими вещами человек упаковался! — вздохнула Лара.

— Говорил вам! — ликовал Алексей, гордясь новым другом.

— Так ведь международник, — сказала Лана.

— В прошлом, — сказал Знаменский и достал «Белую лошадь». — Я весь в прошлом, девочки. Так что...

— За битого двух небитых дают, — сказала одна.

— Вывернетесь, — сказала другая.

А все же то, что вот так запросто явились к нему, что шофер Алексей, водитель служебной машины его друга, посчитал возможным организовать эту встречу да и чувствовал себя сейчас легко и просто, а все же в этом был знак, горький знак его, Знаменского, падения. Он теперь был ближе к этим вот, а не к тем, кто бы еще с год назад мог проводить его в этом номере, очутись он вдруг по делам службы в Ашхабаде. Уловили, не столько разузнали, сколько почувствовали, что он теперь ихний. Упал. Провалился. Летел, летел и вот шмякнулся. И все-таки, а вдруг да и вывернется? Он и сам еще надеялся. Гнал от себя надежду, но все же... А женщины зорки, они все колдуньи, они далеко могут заглянуть. И эта Лана сказала, что не страшится за него, что он вывернется... Просто так сказала, для уюта? Такие женщины, с которыми за час всего можно пройти всю дорогу, от нуля до самых тайных тайн, до той близости, когда сердце на разрыв, такие женщины трагизм своей жизни в себе ощущают, не из баловства пришли к баловству, и они, такие, слов на ветер не бросают. Щебечут, чепуху вроде несут, руками размахивают, помогая словам, которые не всегда легко находят, но слова у них, если вслушаться, взвешивать и в них, и в звук самый, они не пустяковые, не от светской болтовни и сокрытости. Там, в верхних слоях атмосферы, ему уже порядочно наговорили утешительных слов, но, наговорив, смыслились — дружки и подружки, знакомцы и знакомицы, которых было так много. Они смыслились, размыслились. А ведь многие, очень многие были его повадок люди. И пили, и поигрывали, и с бараклом комбинировали, заступали, заступали черту. Он попался, они нет. В том лишь и разница? Но попался. И нечего себя оправдывать. Он отвинтил крышку початой бутылки, пошел к сверкающему буфету.

В этом номере были и хрустальные рюмки, и хрустальные бокалы, и они тоненько запели в тонких пальчиках женщин, будто истосковались по их прикосновениям, ибо в таких номерах редко бывают женщины — здесь царит чиновная нравственность. А ему теперь все было можно, или, наоборот, нельзя было ничего, потому что он пропал, опозорился, ушел в черноту.

— Я сейчас за чайком слетаю к дежурной, — сказал Алексей. — Ну, не на работе, а базно всухаря глотать. Запуган. Докторша у нас в гараже хуже кобры. Я мигом! — И исчез, деятельный, услужливый, просто милейший парень.

— Вы не подумайте, Ростислав Юрьевич, — сказала Лара, глядя, как светятся на хрустале ее красные ноготки, ухоженные, колючие, длинные, чем-то даже страшноватые, если представить, что ими тебя царапнут. — Нет, Алексей, конечно, милый парень, но это... — Пошевелились ноготки, ища нужное слово, свободной рукой покрутила, ища слово.

— Не вашего круга паренек? — подсказал Знаменский.

— Вот именно! Но он взялся нас познако-

мать с вами, и мы... Кстати, поразительной контактности экземпляр.

— Говорят, я тоже.

— Правда? А можно вас просто Ростиком звать?

— Вам?... Ну, что ж... Но тогда хоть выпейте со мной, с просто Ростиком.

— Идет! — Лара смело вскинула руку с бокалом, прошла по комнате — бедро туда, бедро сюда, — словно демонстрируя некий пляжный наряд, глянула победно на помалкивающую подругу и выпила. — Виват! — Задохнулась чуть, переждала, переждала, отдышалась. — А ты что же, Ланочка?

Помалкивающая Лана уже наметила свой стратегический план. Она замкнулась, слегка укрылась ресницами, явно отрешаясь от происходящего.

— Я подожду, когда Алексей принесет хоть чаю.

— Ну, а мы без ничего. Ростик, что же вы?! Нагоняйте!

Он выпил, глянув поверх кромки бокала на своих дам. Лара явно пережимала, а Лана вела себя поточней. И она наверняка догадалась уже, что больше нравится ему, чем подруга. А подруга гнала «картину».

— Спик инглиш? Парле ву франсе? Шпрехен зи дойч? — затараторила она, похаживая по номеру, как по демонстрационной площадке — бедро туда, бедро сюда, — незримые одежды на ней разлетались, и, что ни говори, фигура у нее была что надо.

А что тебе надо? Так низко падать не следует, хотя ты все равно на дне и тебе все можно из того, что там, на дне, обретается. Ты свободен! Какой с тебя нынче спрос?!

— Господи! — сказал Знаменский, заулыбавшись, страшась обидеть эту языкозлатицу хоть на волосок высокомерием. — Еще наговоримся на разных там языках, если пожелае-те. Но сейчас мне важно в родном попрактиковаться. Условились, сестрички? Давайте не будем спикать и парлекать. Я устал от этого всего. Верите?

Тут Лана сочла нужным молвить:

— Конечно, Ростислав Юрьевич. Это так понятно.

Но Лара не унималась:

— А я так хотела потренироваться в языках. Знаете, нужная штука в нашей профессии. Я даже беру уроки.

Она явно проигрывала по очкам. Знаменский глянул на Лану. Та снова загородилась ресницами, отрешилась. Сигнальщик на корабле не мог бы явственнее промахнуться своими флажками, чем она своими ресницами и этой отрешенностью. И что же за сигнал? «Вы мне нравитесь»? Так? «Жду ваши позывные...»? Позывные! В «люксе» сейчас просто буря разгулялась из этих позывных.

Примчался Алексей. Парок струился из носика большого чайника, который он нес в одной руке. А казалось, что это из самого Алексея исходят пары усердия. В другой руке у него была тарелка с ярчайшими помидорами, с синей гроздью винограда и коричневыми ломтями чурека.

— Айсолтан кланяется! — вскричал он. — Обаяли вы ее, Ростислав Юрьевич! Вцепилась: кто такой? Почему у нас? Кое-что рассказал, хотя сам ничего толком не знаю. Смотрю, глаза заволоклись, жалеет. А когда женщина жалеть начинает, то тут и до любви один поворот.

— А за что вас жалеть? — молвила Лана, издали молвила, из-под ресниц поглядела. — Вы не такой, чтобы вас жалеть.

И тут, прислушавшись к тихому голосу подруги, Лара поняла наконец, что сильно проигрывает по очкам.

— Ну, что ж, — помрачнев, сказала она, беря у Алексея чайник и тарелку. — Будем пить чай и закусывать дарами Айсолтан. Алексей, помоги мне добыть тарелки и как-то хоть накрыть на стол. Наша Лана что-то уснула. Ну и пусть. Нет, а я не согласна, что пожалеть мужчину все равно что полюбить. Вот уж нет и нет.

Сигнальщик на корабле не мог бы явственнее просигнализировать сигнал отступления.

Женщина подошла, иначе двигаясь, будто вдруг устала, утихомирились ее бойкие бедрашки, и чуть дотронулась своим бокалом до его, безазартный рождая звон. — Лана, а ты чего?

Теперь подошла и Лана, будто просыпаясь.

Тоже знала, как ступить. И звон, когда чокнулась, сумела извлечь победный. Сказала, повеселел:

— Вот теперь, когда виноград...

А Алексей, умнейший человек, уже ухватил за талию Лару. Распределились.

5

Он проснулся, изо всех сил цепляясь за сон, а снилось ему, что его вызывает к доске учитель-мучитель математики в их спецшколе, где главным был английский язык, затем шли история, литература, география, даже физкультура, а математика, алгебра и геометрия, как и физика, пребывали в полном неуважении. И он худо учился по этим предметам, хотя самолюбие и мама не позволяли хватать хоть на чем-то там тройку, и он все же вытягивал на четверку и эти предметы, а то и на пятерку, поскольку был одним из первых в классе учеников, но худо, «через не могу», осваивал все эти формулы, задачки и законы. И даже сон вдруг прилепился, когда уже окончил школу, с золотой, кстати, медалью. Прилепился сон, чем-то похуже кошмаров, что вот вызывает его учитель к доске, спрашивает, неважно о чем, он наперед знает, что ничего не знает. И эта мука, что сейчас опозорится перед классом, была похуже кошмара, где все грозит тебе смертью. Не часто, но этот сон прицепившийся повторялся, навещал, так сказать, пугая и предвещая. Обязательно потом, уже въяе, случалась с ним какая-нибудь неприятность. Он был, пожалуй, суеверен. Откуда и как входит в нас суеверность, никто не скажет, но страшок этот, боязнь примет и предвестий, сидит, угнездился во многих из нас. Но сейчас он просыпался, цепляясь за этот отвратительный сон, потому что с недавних пор знал, что спит, что во сне все страшное не страшно, а когда проснется, вот тогда станет страшно.

Но проснулся. Новое утро распалилось за двойной преградой окна, за занавеской и шторой. Только один луч пробился через эту преграду, но зато он был тоненькой струйкой раскаленного металла, проскользнувшего из изложницы, воздух вокруг него превратился в маревы.

Проснулся, все вспомнил. Сперва то, что было рядом. Это близкое его даже обрадовало. Вспомнил, что слишком далеко у него с этой Ланой вчера не зашло. Все было возможным, но не случилось. Прозевали, заболтали они какой-то миг легкомыслия, в серьезное стали вступать, веселясь, попивая, обнимаясь. А когда на таких вечеринках вступает женщина в серьезное, то серьезным все становится, обретает свое действительное место в жизни, весомость свою, и мимолетности тут отлетают. Женщины просто хватаются за эту серьезность в любом балдеже, им она драго-

ценной кажется, она им возвращает надежду, ибо любая и самая-рассамая продолжает жить надеждой. И тогда уж нет уж. Вчера эта Лана так ему и сказала: «Нетушки». Мигом раньше могла бы и подчиниться легко и просто. Но миг был упущен, простота отлетела. А Лара чуть было не ударила своего кавалера. «За кого вы нас принимаете?!»

Злые сидели по углам, по разным комнатам. А сейчас, вспомнив все, он просто был счастлив, что не переступил вчера черту. И вот потому-то, проснувшись, сперва обрадовался. Ну, что бы он сейчас стал делать, если бы не ее вчерашнее «нетушки»? Наверняка чувствовал бы себя отвратительно, стыдно. И новая бы тяжесть прибавилась к его сегодняшним невзгодам. А вот теперь все вспомнилось, себя в нынешнем вспомнил. Так было теперь каждое утро — просыпался, вспоминал и погружался в удрученность. Потому-то цеплялся за самые скверные сны, зная, что спит, страшась яви.

Раскаленная струйка луча, вокруг которого плавился воздух, о грозном зное извещала, который бушевал за шторой и занавеской. Гудел в соседней комнате, надсаживаясь, кондиционер. Но вот и пронзительный звонок телефона позвал из соседней комнаты. Наверное, Чижев. Все, все вспомнилось. И где он, и зачем он здесь, и кто он теперь.

Вскочил, подбежал к телефону, радуясь, что Алексей и дамы хоть прибрали тут все, ну, никакого следа от вчерашних игр не осталось. Водворенные в буфет хрустали, чинно выстроившись, вкрадчивым звоном поприветствовали его, когда пробежал мимо буфета.

— Ты, Захар? — спросил он в трубку.

Но в трубке забился женский голос, это была Лана.

— Милый, проснулся? Головка не раскаляется? Знаешь, а я нашла тебе комнату. Заехать? Посмотришь?

Начинались отношения. Раз женщина не переступила черту, она начинает переступать в серьезность, самоуважение рождает надежду. Ну что ж, а ему было сейчас несложно с ней, он не чувствовал себя подонком, как мог бы чувствовать, если бы... Ну что ж, а комната действительно ему была нужна, не жить же в этом «люксе» какому-то всего лишь слуге двух господ. Что за господа-то? С год назад и не встретились бы, в республиканские министерства иностранных дел, помнится, ему спускаться не доводилось.

— Заезжай, Ланочка, — улыбочиво сказал он в трубку. — Спасибо тебе, родная. Поднимешься?

В трубке долго тянулось молчание.

— Нетушки... Я ведь не каменная... Буду ждать тебя у подъезда.

Сложности начались, но это были несложные сложности, он не переступил вчера черту, он не чувствовал себя подонком.

— Через десять минут, хорошо? Как раз столько минут мне нужно, чтобы побриться, принять душ и нацепить на себя что-нибудь.

— Хорошо, — почему-то тихо, как-то раздумчиво отозвалась женщина. — А то хочешь, поднимусь, прихвачу пожевать?

— Нет, спасибо, позавтракаем в городе! — нагоняя в голос радость и вдруг став дураком дураком и недогадой, улыбнулся в трубку Знаменский и поскорей опустил ее на рычажки.

Да, отношения начались и стремительно развивались, но это все не тяготило, забавляло даже, потому что вчера не переступил черту.

И снова зазвонил телефон.

— Ты, Захар?

Да, это был Захар Чижев.

— Как спал на новом месте?

— Представь себе, все-таки спал.

— Чем занимаешься?

— Да вот собрался под душ.

— А у тебя было занято.

— Разве?

— Знаешь, сегодня так складывается день, что не смогу тебя представить работодателю. Один улетел в командировку срочной, другой отсиживается на даче в Фирюзе, сомлел слегка от жары. Но оно и к лучшему, акклиматизируешься пока.

— А что там, за окнами?

— Жара заметно спадает.

— Что-то не похоже. У меня тут разлива стали происходит из-за штор.

— Нет, полегчало. Сегодня обещают не больше сорока.

— А вчера сколько было?

— Все сорок два.

— Да, сильно похолодало. Захар, ты не огорчайся, что меня твои шефы отказались принять. Я уже начинаю привыкать.

— О чем ты? Действительно, один улетел, а другой сомлел.

— При явном-то похолодании? Не огорчайся, Захар. Но приезжай. Только по-быстрому. Познакомлю тебя с одной прелестной дамой.

— Господи, когда успел?! Нина, представляешь, он уже с какой-то дамой познакомился!

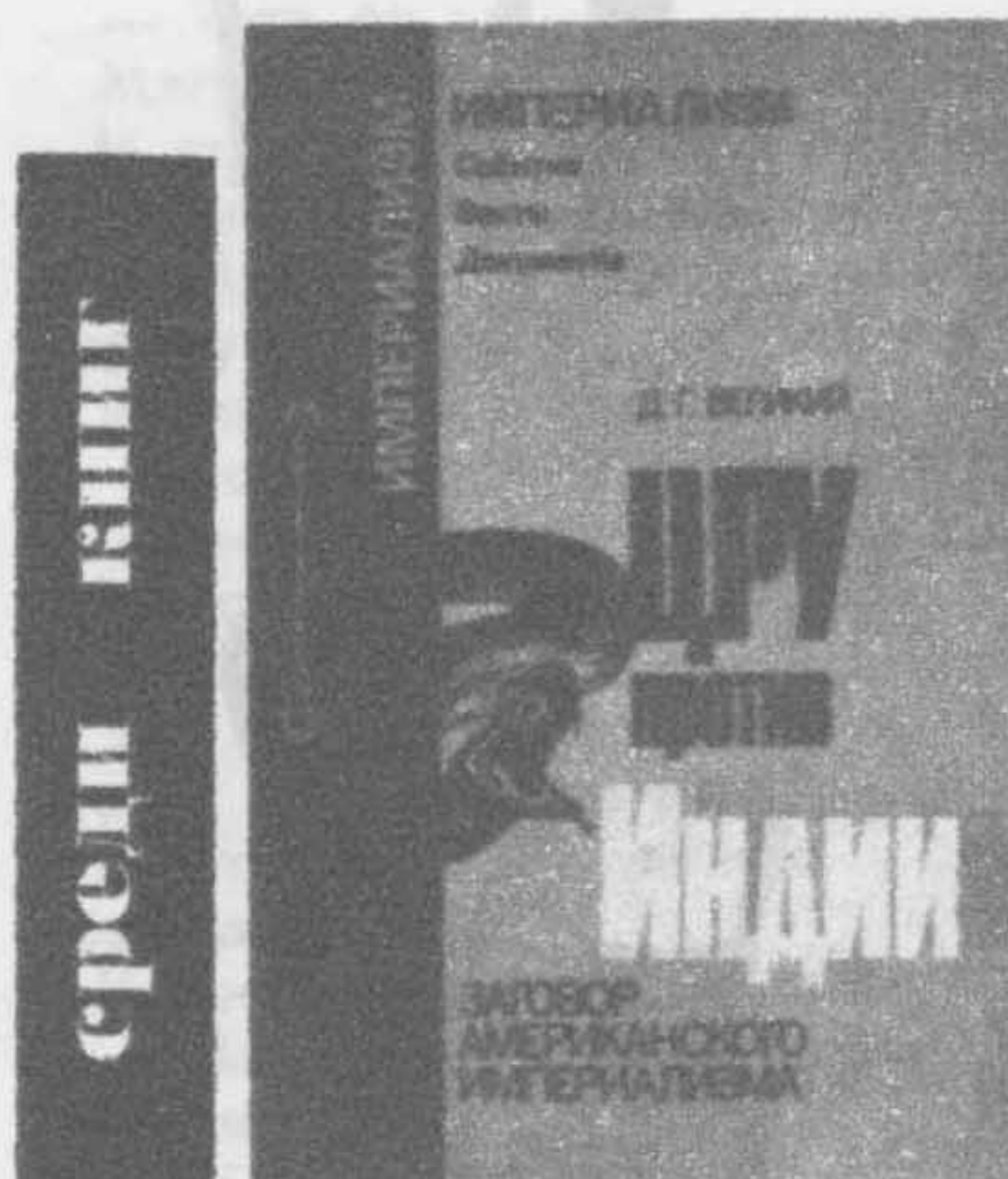
Смолкло в трубке, и Знаменский стал ждать, что сейчас с ним заговорит Нина, нашедшие какие-нибудь отыскав слова. Но Нина не подошла к телефону. Заговорил Захар:

— Не отзывается, спит еще. Так заехать?

— Обязательно! Через десять минут буду внизу.

Под душем, когда потихонечку стал сводить теплую воду к холодной и совсем холодной, когда просветлело в голове, ветерок будто просквозил, не захотелось вдруг, просто не захотелось жить, в такое нырнул отчаяние. Теперь это с ним случалось.

Продолжение следует.

ЦРУ ПРОТИВ ИНДИИ

В марте 1985 года в Дели был убит сотрудник советского посольства.

Убийц так и не нашли. О варварском террористическом акте несколько дней подряд шумели газеты, предлагая разные версии. Самым актуальным и верным был комментарий газеты «Патриот». Реакционные силы, которые разработали и осуществили план, метились не в определенного человека, — они метились в советско-индийское сотрудничество, всеми силами пытались сорвать предстоящее подписание крупномасштабных соглашений и затормозить нелегкий процесс развития индийской науки и техники.

О силах, возглавляющих борьбу против единой и независимой Индии, написана книга Д. Великого «ЦРУ против Индии». Она основана на фактах и документах, говорящих о неистовой ненависти к любому положительному явлению в жизни республики.

В книге речь идет об истории возникновения планов создания так называемого государства «Халистан» и проекта «Брахмапутра». Некоторое время назад мне довелось самому работать в Индии. О существовании этих планов мне

* Д. Г. Великий. ЦРУ против Индии. Заговор американского империализма. М. «Международные отношения», 1986.

было известно еще до того. Тем не менее только после поездки в штаты Пенджаб и Ассам я осознал, насколько серьезно угрожают они единству Индии, насколько тонно в этих планах учитываются социально-политическая обстановка и экономические трудности.

Роль религии в политике. Не случайно этой теме Д. Великий уделил особое внимание: сегодня во многих странах и прежде всего в Индии подрывные силы используют религию как мощное оружие. И в этом можно убедиться на примере синхизма, прикрываясь которым провоцируются межобщинные столкновения, совершаются кровавые преступления.

В городе Амритсар, в святыне синхской религии, «Золотом храме», мне представилась возможность встретиться и поговорить с одним из высших синхских священнослужителей. Пока я спрашивал о событиях двух-трехвековой давности, священнослужитель был словоохотлив, но о том, что происходит сегодня, он говорить не хотел. Я попытался узнать у него, почему синхская религия, на протяжении веков защищавшая с оружием в руках свое существование, вдруг превратилась в угрозу для всех жителей Индии несинхского происхождения?

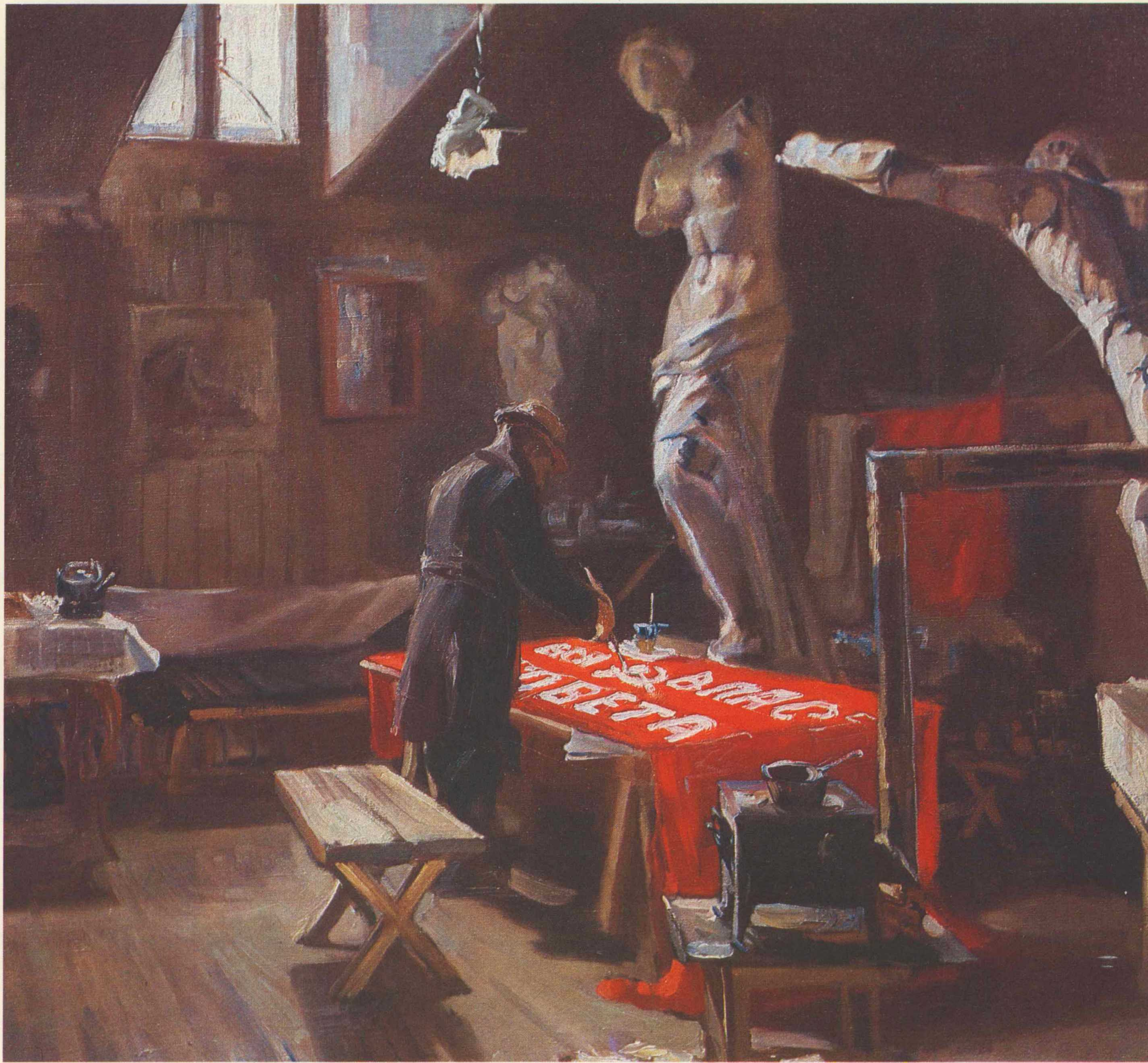
Священнослужитель сидел в окружении шести телохранителей и, не глядя в мою сторону, ждал, пока последний из переводчиков (а

их было трое, как того требует этикет при разговоре с неверным) переведет мои вопросы. Выслушав, быстро проговорил что-то и встал, давая понять, что разговор окончен. С ним поднялась и охрана, увешанная оружием, как новогодняя елка игрушками, и все остальные направились к выходу. Когда эта внушительная процессия исчезла из виду, начальник пресс-службы «Золотого храма» передал мне смысл ответа религиозного деятеля: «Это политические вопросы, а политикой он не занимается». Да нет, я задавал совсем не политические вопросы, просто сегодня синхизм из религии превращают в политику.

Автор, подробно рассказывая о предположениях, связанных с убийством Индиры Ганди, пытается выяснить, для чего, к примеру, за несколько недель до убийства премьер-министра Индии в госдепартаменте США рассматривался вопрос «о возможных политических премиях Индиры Ганди после ее смерти». Или кто отдал приказ расстрелять убийц Индиры буквально через несколько минут после покушения.

Редкие факты... Подлинные документы... Экстремальные события... Трудно пересказывать содержание этой книги — ее лучше прочитать. Прочитать и понять всю глубину опасности, которая угрожает Индии.

Д. БИРЮКОВ

Н. Терпсихоров. 1890—1960. ПЕРВЫЙ ЛОЗУНГ. 1924.

Г. Нисский. Род. 1903. ВОССТАНИЕ НА «ЖЮЛЕ ВЕРНЕ». 1932.

И РАБОЧИЙ ДЕНЬ, И ПРАЗДНИК

Фото А. Гостева

Б. СМЕРНОВ

Нет у нас такой профессии — пропагандист: это призвание, это долг говорить людям понятно — о сложном, доступно — о главном, коротко и конкретно — о всем многообразии жизни, столь насыщенной вопросами, проблемами, разноплановыми задачами... Да, не просто в наше время быть хорошим пропагандистом, а быть плохим просто нельзя! И это надо не только декларировать — надо и помогать пропагандистам пополнять багаж их знаний, держать их в курсе всего самого передового, что происходит в нашей стране...

И вот — эксперимент. Никогда прежде год в сети партийного просвещения москвичей не начинался с... праздника. И даже трудно сказать, чего больше — деловитости или радости узнавания нового — было в тот ненастный осенний день на ВДНХ СССР, куда собрались тысячи пропагандистов с различных столичных предприятий, из организаций и ведомств. Короткий митинг у главного входа; возложение цветов к памятнику В. И. Ленину. Еще несколько минут — и колонна пропагандистов растворилась, рассредоточилась по павильонам ВДНХ, где и приходило гостей уже давно велась тщательная подготовка.

Заходим в первый из попавшихся на пути — павильон «Советская печать». Печатное слово — одно из главных подспорий пропагандиста, у любого из них — уйма вопросов

и издателям тех брошюр, книг, пособий, которые уже вышли в свет и которые еще не напечатаны. Василий Савельевич Молдаван, главный редактор главной редакции общественно-политической литературы Госкомиздата СССР, прямо у стендов с новинками попадает под «перекрестный огонь»:

— Скажите, почему мало книг издается по теплотехнике? Для нас это очень важный вопрос!

— А вы откуда? — спрашивает Василий Савельевич.

— Из Мосэнерго, пропагандист Жарковский.

— Вот видите, вас интересует теплотехника, и мы действительно обязаны издавать материалы по этой теме. А недавно я говорил с нумизматами — они настаивают на выпуске своей литературы. Тоже правильно! Каждый ищет свое... Нам часто заявляют: мануфактуру издаете! А знаете, по статистике, лишь полторы книги из каждой сотни не находят покупателя, остальные так или иначе раскупаются! Читательский спрос очень многообразен, и мы, конечно, еще многое должны сделать, чтобы ориентироваться в нем быстро и точно...

— Будут ли изданы в полном объеме материалы XXVII съезда партии?

— Конечно, уже вышел трехтомник, в него вошли даже те выступления, которые были подготовлены, но по каким-то причинам докладчики не успели выступить...

— А где эти тома купить?

— Сегодня они есть на улице Горького, в Доме политической книги, — приходит на помощь главному редактору представитель «Москниги».

Вопросы, ответы, пожелания, предложения... Обмен мнениями — а именно так можно назвать встречу в этом павильоне — дал пропагандистам, несомненно, нужный материал: можно представить, с каким вниманием будут их слушать теперь в их коллективах...

— Интересно! Я как бы получил обобщенную сводку о запросах, пожеланиях, о недовольстве нашей издательской продукцией на сегодняшний день... Интересно и полезно! — считает В. С. Молдаван.

...В павильоне «Металлургия» встреча уже закончилась — впечатлениями о ней делилась старший методист раздела Тамара Николаевна Асс:

— Было очень много пропагандистов, все машиностроители — из Волгоградского, Пролетарского районов, еще уж и не помню. Да, с завода «Серп и молот» большая группа. Мы показали им на макетах технологию самого передового нашего предприятия — Новолипецкого металлургического завода, показали кинофильмы. Были такие вопросы, на которые методисты просто не в состоянии ответить, но мы пригласили на встречу заместителя начальника управления Минчермета СССР Николая Ивановича Савелова, разговор получился конкретным и нужным...

— Я, откровенно говоря, думал, что вопросы ко мне по поставкам металла, по его качеству будут острее: думал, загрызут меня потребители! — смеется Николай Иванович.

— Да, это наша недоработка, мы должны были бы заранее предупредить пропагандистов о харак-

тере встречи, дать им возможность подготовиться... Но ведь это первый опыт такой встречи! — добавляет Тамара Николаевна.

...Павильон «Земледелие». У стенда колхоза «Рассвет» Могилевской области стоял автор книги об этом хозяйстве писатель Александр Лобов и что-то говорил, часто называя фамилию Старовойтов. Герой его книги? Да, разговор шел о знаменитом председателе. Вернее, не только о нем — о роли лидера, сильной личности в современном хозяйстве, о том, что механизмы, технология, автоматика — все это хорошо, но главное пока — в самих людях... Позже я подошел к двум участникам разговора, стал расспрашивать, думал — земледельцы; оказалось — нет, оба конструкторы, зашли в павильон случайно, но задержались надолго.

— Все это так актуально — земля, люди на ней, сельские проблемы, которые нам, технарям, так же важны, как любому другому. А здесь все из первых рук, перед тобой академик ВАСХНИЛ на вопросы отвечает, — говорит Алексей Иванович Максимов.

— И на политзанятиях часто спрашивают нас по сельскохозяйственной тематике, теперь мы не только газетной информацией можем оперировать! — замечает Александр Михайлович Лайторук, показывая подаренную книгу о Старовойтове.

...Так что же было в тот день на ВДНХ: рабочий день? Праздник? Не так уж важно, как все это называть, главное — в тот день в сложном и ответственном деле политической учебы было найдено что-то новое, что, наверное, станет доброй традицией.

См. стр. 8

Картина — драгоценный документ, подкупающий достоверностью, созданный мастером, может быть, не обладавшим выдающимся дарованием, но отличающимся ценнейшим свойством — трепетным ощущением и принадлежностью своему времени. Поэтому сегодня полотно трогает зрителя. Хотя написано без всяких претензий — скромно, сдержанно. В нем превалирует неопределимая черта искусства — искренность.

Государственная Третьяковская галерея приобрела в 1930 году холст вовсе еще не известного живописца Георгия Григорьевича Нисского.

«Восстание на «Жюле Барте». Его подняли французские моряки-интернационалисты в Одессе в 1919 году. Полотно написано в 1929 году. Это была диплом студента ВХУТЕИНа.

Картина привлекла своей эмоциональностью, открытостью. Живописец отразил те минуты, когда матросы приветствуют моряков корабля «Протей».

Ученик Фалька, Нисский был личностью незаурядной. Сильный, мужественный, отличный спортсмен — он писал по-новому. Позже Нисский говорил, что в мастерской Роберта Рафаиловича Фалька он понял, что, «кроме нутра, есть глаза, рассудок и метод».

В молодые годы Нисский участвовал в «Обществе станковистов». Лидером был Александр Дейнека. Своей задачей художники ставили «революционную современность и ясность в выборе сюжета». И, конечно, станковую форму исполнения.

Всю свою дальнейшую творческую жизнь посвятил пейзажу. Хотя создавал и жанровые картины. Народный художник РСФСР, лауреат

Государственной премии СССР предстает как мастер-лирик, влюбленный, взволнованно отразивший приметы нового, которые внес наш век в жизнь и природу.

Вспоминается один эпизод — 1947 год.

Клязьминское водохранилище. Высокое, летучее небо.

Жора Нисский. Так звали художника всю жизнь до пожилых лет. В лихо заломленной капитанке с массивным крабом. Краснолицый, обветренный, Нисский сегодня вел свою яхту с особым тщанием и шиком. Нынче у него в гостях на корабле сам Александр Дейнека. Друг и учитель.

Александр Александрович был кряжистый, широкоплечий, коротко стриженный, с колючим острым взором и юморком, сильный человек. Великий художник — сын своего времени.

Вдруг Нисский как-то светло взглянул на Дейнеку и воскликнул:

— Александр Александрович, прости меня!

— За что?

— Я всю жизнь смотрю на мир через твои очки.

Дейнека улыбнулся:

— Жора, у меня нет очков. Возьми их у мудрого Игоря Грабаря и твори, как всегда.

Мы рассмеялись.

Кричали чайки.

Игорь ДОЛГОПОЛОВ,
заслуженный деятель искусств РСФСР

В № 34 «Огонька» за этот год был опубликован очерк о генеральном директоре недавно созданного межотраслевого научно-технического комплекса микрохирургии глаза профессоре С. Н. Федорове. В нем редакция обещала регулярно извещать читателей о ходе строительства комплекса. Наш корреспондент обратился к заместителю генерального директора по строительству Евсею Носифовичу ЛИВШИЦУ с просьбой рассказать, как сегодня идут дела на стройплощадках. Вот что он сообщил:

— Пятого сентября в торжественной обстановке был подписан контракт с финской фирмой «Полар» (она возводила такие, например, объекты, как аэропорт Шереметьево в Москве и гостиница «Пулковская» в Ленинграде), согласно которому финны должны построить в двенадцати городах РСФСР филиалы головного института и сдать их «под ключ». Начала воплощаться в жизнь давняя мечта Святослава Николаевича Федорова о широком тиражировании наиболее прогрессивных методов лечения. Ему же, кстати сказать, принадлежит и сама идея создания однотипных модулей-операционных в сочетании с диагностической цепочкой и пансионатом на 300 мест для размещения послеоперационных больных. Проект комплекса создан московским проектным институтом Минздрава РСФСР совместно с фирмой «Полар». Во всех филиалах, как сегодня в Московском НИИ микрохирургии глаза, операции будут производиться на конвейере (его у нас называют автоматизированная линия прозрения). Планируется, что каждые три минуты (при исправлении близорукости) и каждые пять-шесть минут (при глаукоме или катаракте) с конвейера будет «сходить» прооперированный больной. Ежедневно через конвейер смогут пройти более ста человек, причем оперировать их будут в день поступления, выписываться же иногородние больные смогут через день, два-три, а местные жители — в основном в тот же день.

Первые четыре объекта — в Ленинграде, Краснодаре, Чебоксарах и в Москве — должны быть сданы к осени 1987 года. Нулевые циклы, а их делают наши строители, во всех четырех городах уже завершены или близки к окончанию. В Краснодаре, где дело идет лучше всего, финские строители уже в середине октября смогут приступить к работам по возведению наземной части комплекса.

В Москве стройка немного задержалась, так как столичный вариант отличается от остальных: в

нем будет второй этаж над оперблоком, где разместятся учебный просмотровый зал и учебные комнаты. Нулевой цикл в Москве будет закончен к концу ноября. Столь уверенно говорить мне позволяет необычайно заинтересованное отношение к стройке начальника «Главмосстроя» П. С. Сурова и управляющего трестом «Мосстрой-17» Ю. Н. Некрасова, которые из всех своих многочисленных объектов наш считают сегодня стройкой № 1.

Ленинградцы на днях сообщили мне, что работы там идут полным ходом и к ноябрю фундамент будет сделан. Так же обстоят дела и в Чебоксарах. То есть, как мы и планировали, через три месяца после начала строительства подрядчик получит возможность работать на всех четырех объектах.

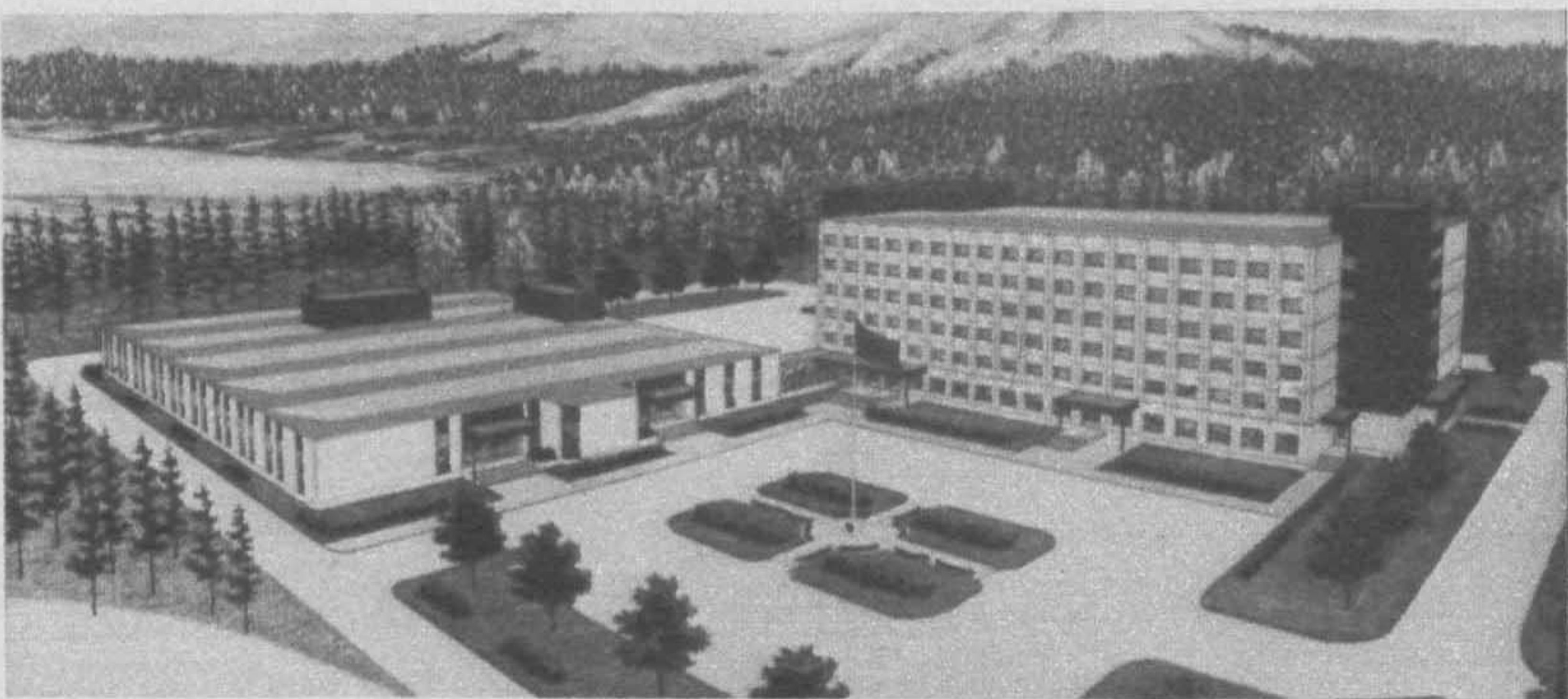
Оборудование для первых четырех конвейеров-операционных должно поступить из ФРГ, а для остальных обещали сделать специалисты Чебоксарского агрегатного завода. Правда, у них возникли некоторые технологические трудности, но думаю, что со временем их удастся все-таки решить.

В Ленинграде для конвейеров разрабатываются операционные микроскопы потолочного крепления, которые раньше в Союзе не изготавливались. Все комплексы будут оснащены самой современной медицинской техникой: компьютерами, ультразвуковыми, новейшими оптическими и другими диагностическими приборами.

Но построить оперблоку, лабораторию и пансионаты для больных — это еще далеко не все. Немало сложностей ждет нас при подготовке хирургов. В каждом филиале их должно быть не меньше двадцати. Им придется несколько месяцев учиться в головном институте, прежде чем они сядут у своего конвейера.

Все мы — от рабочего до генерального директора — понимаем, что стоим на пороге новой эры в медицине — эры промышленного производства хирургических операций. И это сознание вдохновляет, придает сил и оптимизма.

Проект хирургического модуля и пансионата на 300 мест.

На льду вечные соперники — армейцы и динамовцы.

Фото А. Бочинина

ЧТО С ХОККЕЕ

Взял старт 41-й чемпионат СССР по хоккею с шайбой. Бежит время, и хоккеисты зря его не расходовали. Сколько славных побед одержано за 40 лет! На счету нашего хоккея — двадцать побед на чемпионатах мира, двадцать четыре на первенствах Европы, шесть на Олимпийских играх.

В чемпионате СССР участвуют 12 команд, но вот претендовать на призовые медали, судя по прошлым играм, смогут всего три. Что же происходит в нашем хоккее? Чем вызвана такая последовательность в распределении призов? Об этом мы попросили рассказать тренеров двух ведущих хоккейных дружин — армейской — В. Тихонова и динамовской — Ю. Моисеева.

— Десятая победа ЦСКА подряд в чемпионате страны — успех или поражение для нашего хоккея?

В. Тихонов. Игроки, тренеры, руководители ЦСКА, конечно, рады такому постоянству и намерены его, не скрою, продолжать. Но если для команды это хорошо, то для зрителей, конечно, не очень. Ведь теряется напряжение борьбы, возникает скука, думается, что было бы хорошо, если бы появились хотя бы несколько новых команд высокого класса.

Ю. Моисеев. Десять рядовых побед одного клуба, конечно же, минус, а не плюс нашего хоккея. Это скучно для зрителей, и их становится все меньше.

— Не собираются ли столичные динамовцы поспорить с армейцами в предстоящем чемпионате или они смирились со вторым местом?

В. Тихонов. Вы знаете, такой сюрприз вполне возможен. Белоглазые укрепили свой состав, напряженно тренировались и, судя по многим признакам, в том числе по исходу борьбы за призы газеты «Советский спорт» в Ленинграде, полны решимости бороться с нами.

Ю. Моисеев. Оказывается, армейцы внимательно следят за подготовкой динамовцев к сезону. Со вторым местом мы не примирились, хотя должен заметить, что «серебро» тоже на блюдечке в предстоящем чемпионате нам никто не поднесет. У нас сейчас собралось немало классных, честолюбивых хоккеистов. Весь вопрос

в том, сумеем ли мы воплотить свою мечту в жизнь. Бороться с ЦСКА архитрудно. Это же лучший клуб мирового хоккея! Его отличает великолепный подбор игроков во всех линиях, у него лучшая в мире ударная «пятерка». В Ленинграде она забила нам четыре шайбы из пяти, но и мы не сплеховали, и первая встреча ЦСКА — «Динамо» в новом сезоне закончилась вничью со счетом 5:5.

Что мы собираемся противопоставить постоянным чемпионам страны? Секрета в этом нет: высокое индивидуальное мастерство, а на его основе лучшую технику и тактику игры. Над этим работали и будем работать, а как получится, покажут грядущие встречи.

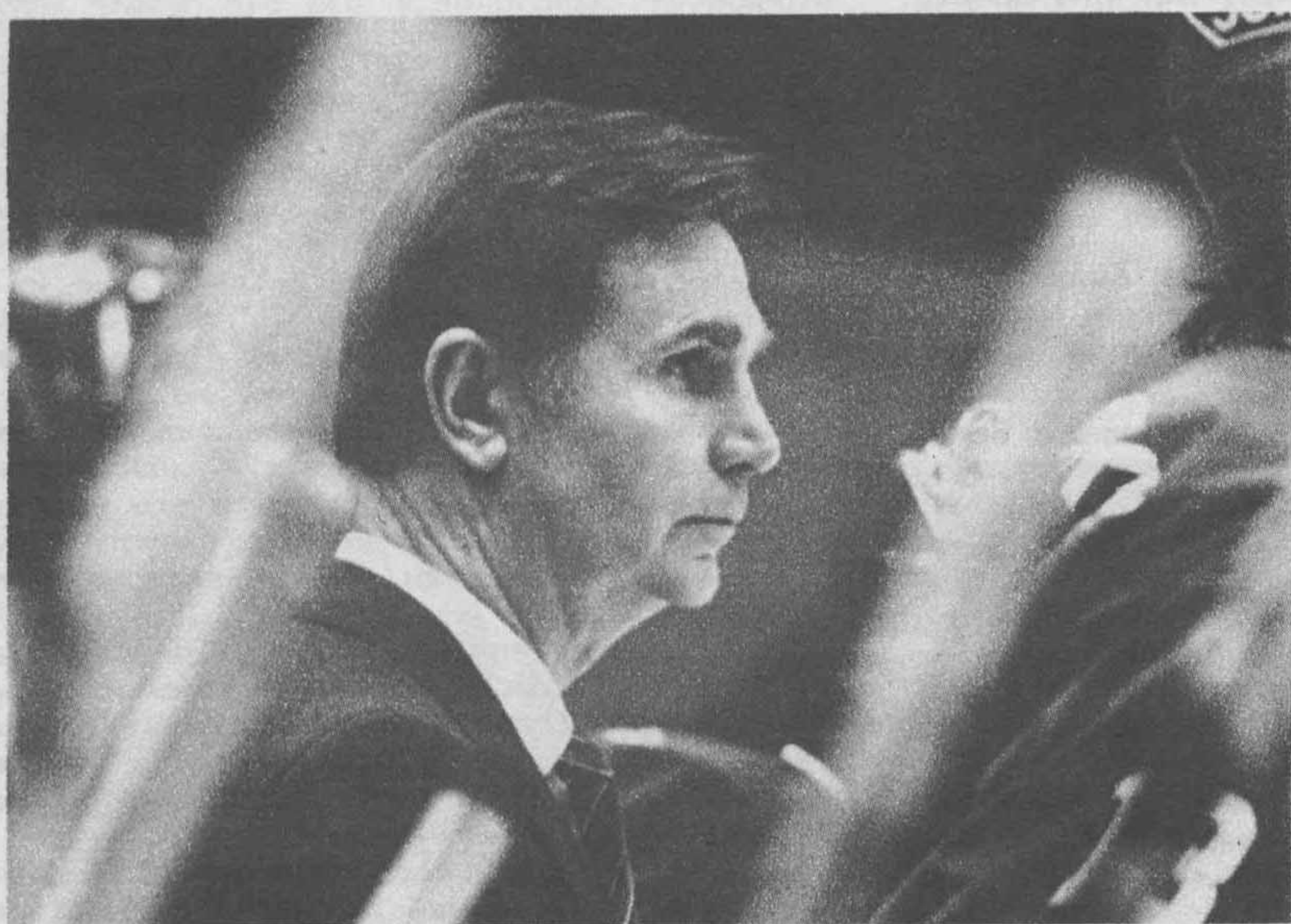
— Несомненно слов о формировании составов команд. Армейцы и динамовцы имеют свои школы для подготовки хоккеистов, в них занимаются сотни мальчишек и юношей, руководят занятиями опытные тренеры, в основном сами в недавнем прошлом асы хоккея, а пополняются чемпионы и серебряный призер главным образом со стороны. В чем дело?

В. Тихонов. Определенный и немалый процент игроков в классные клубы приходил и будет приходиться со стороны. Но и количество доморощенных «звезд» может резко возрасти в ЦСКА, «Динамо», «Спартак».

Ю. Моисеев. Да, это так. В наших школах зреет хороший «урожай».

— Большинство наших хоккеистов стали могучими, а «звезд» стало меньше. Почему?

М?

В. Тихонов.

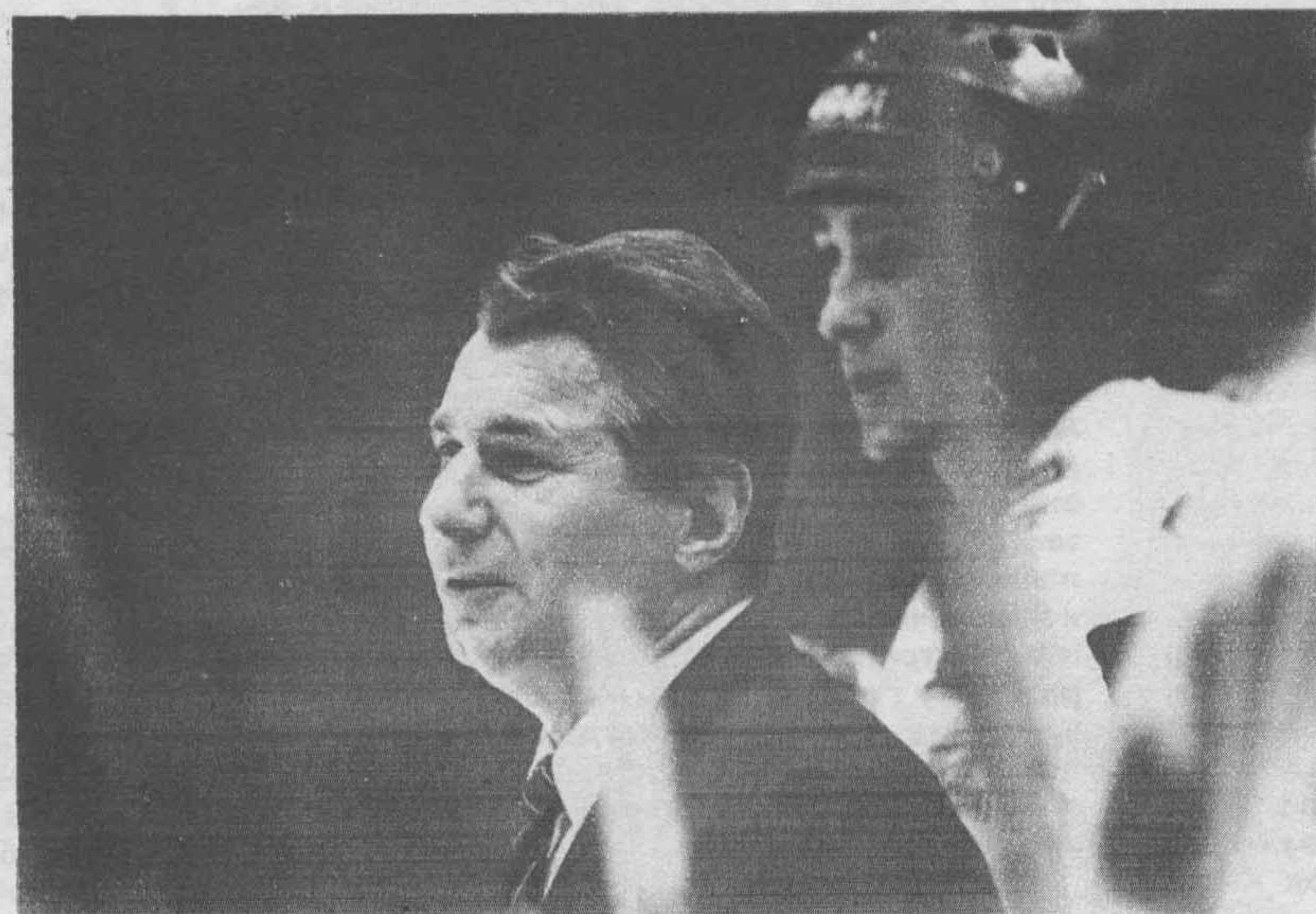
В. Тихонов.— На мой взгляд, число «звезд» в советском хоккее не уменьшилось. Просто проявлять себя на льду даже самым сильным стало очень трудно. Ведь изменились правила игры и ныне разрешается силовая борьба по всей площадке.

Ю. Моисеев.— Мне кажется, что «звезд» не стало меньше. Просто «звезды» лучше видятся на расстоянии, и сегодня Бобров, Альметов, Старшинов кажутся нам великанами.

— Но если высококлассных игроков не стало меньше, то как вы объясните сегодняшний дефицит центральных нападающих?

В. Тихонов.— Наверное, дело в том, что их роль заметно возросла, намного расширился диапазон их действий, тактически они должны быть вооружены гораздо лучше, нежели раньше, а мы еще не научились учитывать все эти требования, готовя молодых хоккеистов.

Ю. Моисеев.

Ю. Моисеев.— В прошлые годы у нас не доставало классных вратарей. Потом возник дефицит защитников, а сейчас мы сталкиваемся с новым узким местом. Центральный нападающий очень важная фигура в команде, его игра во многом определяет класс звена. Вот какие у нас были центр-форварды — Виктор Шувалов, Александр Альметов, Вячеслав Старшинов, Виктор Якушев, Виктор Полупанов, Владимир Петров. Есть с кого брать пример, и надо нашим тренерам потрудиться, чтобы дефицит в центровых свести к минимуму.

— Продолжая разговор о «звездах», хотелось бы узнать ваше мнение о роли канадского хоккея в развитии хоккея европейского?

В. Тихонов.— Естественно, мы не можем приветствовать то, что богатые клубы НХЛ — Канады и США перекупают лучших европейских хоккеистов, обескровливая коман-

ды Швеции и Финляндии. В то же время хозяева заокеанского хоккея крайне неохотно посылают лучших своих игроков в Европу для участия в товарищеских и официальных соревнованиях. Но вот в чем парадокс: отток хоккеистов, за океан не ослабил в конечном счете ни шведский, ни финский хоккей. Сколько из этих северных стран ни забирают игроков в НХЛ, на смену им приходят новые таланты. А европейские хоккеисты, закончив свои выступления в клубах НХЛ, возвращаются домой обогащенные опытом жестких баталий и передают опыт молодежи.

Ю. Моисеев.— С хоккеистами НХЛ советские команды встречаются часто, и, увы, пока имеет место заметный перекос. Мы посылаем за океан более сильные команды, чем те, которых принимаем. Нам надо добиваться того, чтобы канадцы и американцы согласились на перенос чемпионатов мира на зиму и посылали в Европу своих лучших игроков.

— Завершить беседу хотелось бы на мажорной ноте, но сегодня это не получается, и поэтому в конце такой вопрос, волнующий, судя по письмам читателей, многих: популярность хоккея падает год от года — нет борьбы за чемпионские награды. Не приведет ли это к тому, что хоккей с шайбой постигнет та же участь, что и хоккей с мячом?

В. Тихонов.— Надеюсь, что этого не произойдет. Советский хоккей авторитетен во всем мире. Матчи с участием сборной СССР и ЦСКА, которыми мне выпала высокая честь руководить, почти всегда проходят при переполненных трибунах, где бы мы ни выступали — в Европе или Северной Америке. Надеюсь, и у нас зритель вернется на трибуны, если возрастет накал борьбы на наших чемпионатах.

Ю. Моисеев.— Думаю, что мы вернем на трибуны наших болельщиков.

С тренерами беседовал
Владимир ДВОРЦОВ.

Дядя Род Вуаля

Артур КОНАН ДОЙЛ

РАССКАЗ

Рисунок М. ПЕТРОВОЙ.

Шерлоку Холмсу исполняется сто лет. Впервые двое неразлучных друзей и единомышленников, Шерлок Холмс и доктор Уотсон, «увидели свет» в повести «Этюд в багровых тонах» в 1887 году. С тех пор Холмс стал настолько популярен, что его воспринимают скорее как живого человека, а не как литературный персонаж. Холмсу ставят памятники, ему до сих пор пишут письма с просьбами о помощи. В Лондоне, на Бейкер-стрит, 221-а, существует специальная контора, где каждое из этих писем внимательно читается, и отправитель получает ответ.

Предлагаемый рассказ публикуется на русском языке впервые.

Если вспомнить, что мистер Шерлок Холмс 23 года занимался активной практикой и что 17 из этих 23 лет мне было позволено сотрудничать с ним и вести летопись его деяний, то станет ясно, что в моем распоряжении масса материала. Трудность всегда заключалась не в поисках, а в отборе. Длинный ряд книжек с записями по годам заполняет целую полку, ящики картотеки набиты документами. Изучающий не только уголовную хронику, но и историю светских и политических скандалов конца викторианской эпохи найдет здесь неисчерпаемый источник сведений. Относительно скандалов я могу сказать, что авторам отчаянных писем, умоляющим не затрагивать чести их семей или доброго имени знаменитых предков, опасаться нечего. Соблюдение тайны и обостренная профессиональная честность, всегда отличавшие моего друга, по-прежнему влияют на отбор материалов для этих воспоминаний, и ничье доверие не будет обмануто. Однако я самым решительным образом осуждаю недавние попытки завладеть этими бумагами и уничтожить их. Мне известно, где берут начало эти злостные выходки, и в случае их повторения Холмс разрешил мне заявить, что все сведения, касающиеся политического деятеля, маяка и дрессированного баклана, будут преданы гласности. По крайней мере один из моих читателей понимает, что я имею в виду.

Было бы неразумно полагать, что все эти расследования давали Холмсу возможность проявить то редкостное чутье и наблюдательность, о которых я по мере сил пытаюсь рассказать в настоящих воспоминаниях. Порой ему приходилось прилагать огромные усилия, чтобы сорвать плод, а иногда тот сам падал ему в руки. Но если речь шла о самых страшных человеческих трагедиях, Холмс неизменно выказывал редчайшие свойства души. Сейчас я хочу рассказать как раз об одном из таких дел. В моем отчете слегка изменены имена и место действия, но в остальном все оставлено так, как было в действительности.

Однажды утром — это было в конце 1896 года — я получил от Холмса торопливую записку с просьбой о помощи. Я пришел и за-

стал его сидящим в клубах дыма; Холмс беседовал с пожилой матроной, типичной толстушкой-домовладелицей, восседавшей в кресле напротив.

— Это миссис Мерилоу из Южного Брикстона, — проговорил мой друг, сделав жест рукой. — Миссис Мерилоу терпима к табаку, Уотсон, так что, если угодно, можете предаваться своим дурным привычкам. Миссис Мерилоу рассказывает довольно занимательную историю, которая, вполне вероятно, приведет к новым событиям, и ваше присутствие может нам пригодиться.

— Все, что в моих силах...

— Разумеется, вы понимаете, миссис Мерилоу, что если я явлюсь к миссис Рондер, мне лучше иметь свидетеля. Объясните ей это, прежде чем мы придем.

— Да благословит вас господь, мистер Холмс, — сказала наша гостья. — Уж так ей хочется вас повидать, что можете привести с собой хоть всю округу!

— В таком случае мы будем у вас вскоре после полудня. Прежде чем приступить к делу, давайте убедимся, что все факты верны. Бегло повторив их еще раз, мы поможем Уотсону оценить положение. Вы говорите, что миссис Рондер уже семь лет снимает у вас комнату и что вы лишь однажды видели ее лицо.

— И лучше б мне его не видеть, богом клянусь! — отвечала миссис Мерилоу.

— Как я понял, лицо страшно изуродовано?

— Да и вряд ли его вообще можно назвать лицом, мистер Холмс, такой у него был вид. Молочник наш однажды мельком заметил, как она выглядывает из окна верхнего этажа, так он аж флягу свою выронил и залил весь палисадник молоком! Вот что это за лицо. А когда я увидела ее, случайно застав врасплох, она быстренько заслонилась, а потом и говорит: «Ну вот, миссис Мерилоу, наконец-то вы знаете, почему я никогда не поднимаю вуаль».

— Вам известно что-нибудь о ее прошлой жизни?

— Ничегошеньки.

— Она представила рекомендации, когда приехала?

— Нет, сэр, но она заплатила наличными, и неплохо. Оставила на столе деньги за три месяца вперед и не спорила насчет условий. Для бедной женщины вроде меня упустить такой случай — слишком большая роскошь по нынешним временам.

— Она как-нибудь объяснила, почему выбрала именно ваш дом?

— Он стоит несколько в стороне от дороги и уединеннее, чем большинство других. Да и потом я опять-таки пускаю только одного жильца, а своей семьи у меня нету. Я так думаю, что она и в других домах побывала и решила, что мой подходит ей больше всего. Главное для нее — уединение, и она готова за него платить.

— Вы говорили, что с первого до последнего дня она ни разу не открыла свое лицо, разве что однажды, да и то случайно. Очень необычная история, чрезвычайно необычная, и я не удивляюсь вашему желанию разобраться в ней.

— Не желаю я разбираться, мистер Холмс. Арендную плату я получаю, а больше мне ничего и не надо. Такого тихого и неприхотливого жильца ни у кого нет.

— Что же тогда вас тревожит?

— Ее здоровье, мистер Холмс. Похоже, что она чахнет. И на уме у нее жуть какая-то. «Убийство! — кричит. — Убийство!» А один раз я слышала, как она вопила: «Безжалостный зверь! Чудовище!» Дело было ночью, и весь дом аж зазвенел от этих криков, честное слово. А меня прямо-таки затрясло. Вот я и пошла к ней наутро. «Миссис Рондер, — говорю, — ежели у вас что на душе, так на этот случай церковники есть. И полиция тоже. Уж они-то вам помогут — не те, так другие». «Ради бога, только не полиция!» — отвечает она. — Да и церковники не в силах изменить прошлое. И все же разум мой обретет покой, если перед смертью я открою кому-нибудь правду». «Ну, — говорю, — коль не хотите с чиновниками связываться, обратитесь к тому сыщику, про которого мы читали». Уж вы меня извините, мистер Холмс. Ну, а она... она прямо подпрыгнула, честное слово. «Он-то мне и нужен, — говорит. — Удивляюсь, как это мне прежде в голову не пришло?! Приведите его, миссис Мерилоу, а если он не пойдет, то скажите, что я жена Рондера, владельца звериного цирка. Скажите так и назовите ему имя Аббас Парва». Вот тут я его написала: Аббас Парва. «Уж тогда-то он наверняка придет, — говорит. — Если он тот человек, каким я его считаю».

— Еще как приду, — бросил Холмс. — Очень хорошо, миссис Мерилоу. Я хотел бы перемолвиться словечком с доктором Уотсоном. На это у нас уйдет все оставшееся до ленча время. Часа в три ждите нас в вашем доме в Брикстоне.

Не успела наша гостья выкатиться из комнаты — никакой другой глагол не в силах описать способ передвижения, которым пользовалась миссис Мерилоу, — как Шерлок Холмс набросился со свирепой энергией на кипу сложенных в углу записных книжек. Несколько минут слышался непрерывный шелест страниц, затем Холмс удовлетворенно хмыкнул, найдя то, что искал. Он был так взбудоражен, что даже не поднялся, а продолжал сидеть на полу, словно какой-нибудь будда, скрестив ноги и окружив себя толстыми книгами, одна из которых лежала раскрытой у него на коленях.

— Одно время это дело беспокоило меня, Уотсон. Вот вам в доказательство мои заметки. Признаюсь, я так и не смог ничего прояснить. Неужели вы совсем не помните трагедию в Аббас Парва?

— Совсем не помню, Холмс.

— А между тем вы тогда жили вместе со мной. Впрочем, у меня тоже сложилось лишь очень поверхностное впечатление, поскольку оттолкнуться было не от чего, и ни одна из сторон не стала прибегать к моим услугам. Вероятно, вы хотите прочесть эти бумаги?

— Может быть, вы изложите мне главное?

— Ну, это проще простого. Может статься, что пока я буду рассказывать, вы и сами все вспомните. Фамилия Рондер, конечно же, происходит от названия поместья. Этот человек был конкурентом Уомбвела и Сэнджера, одним из величайших цирковых артистов свое-

го времени. Однако, по некоторым данным, он пристрастился к выпивке и в те дни, когда разразилась трагедия, катился под уклон, равно как и его предприятие. Это страшное событие произошло, когда караван остановился на ночлег в Аббас Парва, маленькой беркширской деревушке. Цирк направлялся в Уимблдон, ехали они по шоссе и в Аббас Парва просто стояли лагерем, не давая представлений, поскольку деревушка так мала, что сбор не окупил бы затрат на открытие цирка.

Одним из номеров программы был прекрасный североафриканский лев по кличке Король Сахары. Рондер с женой обычно показывали трюки прямо в львиной клетке. Здесь, как видите, есть фотоснимок этого представления, на котором довольно четко запечатлен Рондер — грузный свиноподобный субъект — и его жена, поистине оборотистая женщина. Свидетели показали на дознании, что, по некоторым признакам, лев был раздражен, однако, как это обычно бывает, близость с животным породила пренебрежение опасностью, и это обстоятельство осталось без внимания.

Как правило, по вечерам льва кормил либо Рондер, либо его жена. Иногда шел кто-то один, иногда оба, но никому другому этого делать не разрешалось, ибо Рондеры полагали, что пока они играют роль подателей корма, лев будет считать их своими благодетелями и никогда не причинит им зла. В тот вечер, семь лет назад, кормить зверя отправились оба супруга, и это кончилось поистине ужасным несчастьем, подробности которого так и остались невыясненными.

Судя по всему, около полуночи лагерь был разбужен рыком животного и женскими криками. Всевозможные грумы и работники высыпали из своих шатров, и в свете фонарей им открылась жуткая картина: Рондер лежал ярдах в десяти от клетки, с пробитым затылком. Череп его был исполосован глубокими царапинами от когтей. Рядом с дверцей клетки лежала навзничь миссис Рондер, а над ней, припав к земле и злобно рыча, стояла эта тварь. Лев так разодрал женщине лицо, что, по всеобщему мнению, она уже была не жилицей на этом свете. Несколько артистов под предводительством силового акробата Леонардо и клоуна Григгса отогнали зверя кольями, после чего он запрыгнул обратно в клетку и был тут же заперт на замок. Каким образом

он выбрался на свободу, осталось тайной. Предполагалось, что супруги хотели войти в клетку, и животное бросилось на них, как только они сняли засов. Больше в показаниях не было ничего примечательного, если не считать того обстоятельства, что, когда женщину несли в фургон, где они с мужем жили, она без умолку кричала в бреду: «Трус! Трус!» Лишь полгода спустя она оправилась настолько, что смогла дать показания. Однако дознание было проведено должным образом, и присяжные вынесли самоочевидное решение: смерть от несчастного случая.

— А разве они могли решить иначе? — спросил я.

— Уместное замечание. И все же в деле были один или два пункта, которые не давали покоя молодому Эдмундсу из беркширского полицейского управления. Умный парень! Его потом послали в Аллахабад. От него я и узнал об этом деле. Перед отъездом он зашел и рассказал мне о нем.

— Это тот самый худощавый мужчина с золотистыми волосами?

— Точно! Я был уверен, что уж теперь-то вы возьмете след.

— Но что же его беспокоило?

— Вообще-то мы оба задавались вопросами. Восстановить картину происшествия было чертовски трудно. Взгляните на это хотя бы с точки зрения льва. Он на свободе. И что же? Сделав полдюжины скачков вперед, лев оказывается рядом с Рондером. Тот разворачивается, намереваясь спастись бегством (ведь следы когтей были у него на затылке), но лев сбивает его с ног. А затем, вместо того, чтобы убежать, он возвращается к женщине, которая стояла совсем рядом с клеткой, валит ее и начинает кусать за лицо. Далее: из ее криков можно сделать вывод, что муж каким-то образом бросил жену на произвол судьбы. Но чем этот бедняга мог ей помочь? Вы видите несоответствия?

— Прекрасно вижу.

— Кроме того, был и еще один неясный момент. Теперь, по зрелом размышлении, я вспомнил о нем. В показаниях говорилось, будто бы рык льва и крики женщины перемежались исполненными ужаса мужскими воплями.

— Вне всякого сомнения, это вопил Рондер.

— Если его череп был расколен, то вряд ли

Рондер мог издать какой-либо звук. А ведь по меньшей мере два свидетеля упомянули о том, что к женским крикам примешивались и мужские.

— По-моему, к тому времени горланил уже весь палаточный городок. Что касается остальных пунктов, то тут я, думается, мог бы предложить разгадку.

— С радостью приму ее к сведению.

— Когда лев вырвался на волю, оба супруга стояли рядом, ярдах в десяти от клетки. Муж повернулся и был сбит с ног, а женщина решила забраться в клетку и закрыть дверь. Другого укрытия у нее не было. Она бросилась к клетке и уже добежала до нее, когда лев погнался за женщиной и повалил. А на мужа она разозлилась за то, что он повернулся спиной, подогрев тем самым ярость зверя. Стоя лицом ко льву, они могли бы загнать его в клетку. Отсюда и крики: «Трус!»

— Блестяще, Уотсон! На вашем бриллианте только одно пятнышко.

— Что же это за пятнышко, Холмс?

— Если оба супруга стояли в десятке шагов от клетки, как же лев мог вырваться на свободу?

— Возможно, у них был какой-то враг, который и выпустил льва.

— А почему он так свирепо бросился на них? Ведь лев уже привык играть с супругами и проделывать вместе с ними разные номера в клетке.

— Вероятно, тот же самый враг каким-то образом разозлил зверя.

Несколько мгновений Холмс задумчиво молчал.

— Что ж, Уотсон, в пользу вашей версии говорит то обстоятельство, что у Рондера было немало врагов. Как рассказал мне Эдмундс, во время запоев Рондер бывал страшен. Грузный бугай с руганью колотил всех, кто попадался ему под руку. Подозреваю, что крик: «Чудовище!», упоминавшийся нашей гостьей, был следствием ночных кошмаров, в которых фигурировал умерший возлюбленный. Однако наши домыслы ни к чему не приведут, пока у нас не будет всех фактов. Там на буфете холодная куропатка и бутылка «монтраше», Уотсон. Давайте подкрепимся, прежде чем отправиться к женщинам с визитом помощи.

Выйдя из такси возле дома миссис Мери-

лоу, мы увидели, что толстушка стоит в дверях своего скромного, но уединенного обиталища. Было ясно, что более всего она озабочена тем, как бы не потерять выгодного жильца; прежде чем провести нас наверх, она умоляющим тоном попросила не говорить и не делать ничего такого, что могло бы привести к столь нежелательному итогу. Успокоив миссис Мерилоу, мы поднялись следом за ней по прямой лестнице, покрытой плохонькой дорожкой, и были введены в комнату таинственной постоялицы. Это была тесная, плохо проветренная каморка с затхлым воздухом. Такой она и должна была оказаться, поскольку обительница комнаты нечасто покидала ее. Создалось впечатление, что судьба отплатила этой женщине, всю жизнь державшей зверей в клетке, той же монетой, превратив ее саму в животное за решеткой. Она сидела в старом кресле в затененном углу комнаты. Долгие годы безделья огрубели линии ее фигуры, но когда-то она, очевидно, была прекрасна и соблазнительна. Плотная черная вуаль скрывала ее лицо, но только до верхней губы. Нам был виден рот идеальной формы и мягкая округлость подбородка. Несомненно, когда-то она была привлекательной женщиной. Голос ее звучал чисто и приятно.

— Вам знакомо мое имя, мистер Холмс, — проговорила она. — Я полагала, что вы придете, услышав его.

— Так случилось, мадам, хотя мне не понятно, откуда вы узнали, что ваше дело интересовало меня.

— Это стало известно после моего выздоровления и допроса, которому подверг меня мистер Эдмундс, сельский следователь. Боюсь, я солгала ему. Вероятно, было бы более благоразумно сказать правду.

— Как правило, говорить правду всегда благоразумнее. Но почему вы солгали ему?

— Потому, что от этого зависела судьба другого человека. Я знаю, что он был ничтожеством, и все-таки не хотела принимать на совесть грех, губя его. Мы были так близки, так близки!

— А теперь это препятствие устранено?

— Да, сэр. Человек, о котором я говорила, мертв.

— Тогда почему вы не можете рассказать полиции все, что знаете?

— Потому что нельзя забывать еще об одном человеке. Этот второй человек — я. Я не выдержу скандала и огласки, которыми чревато полицейское следствие. Жить мне осталось недолго, но умереть я хочу спокойно. Но тем не менее мне необходимо было найти разумного человека, которому я могла бы рассказать мою ужасную историю, чтобы мой уход из жизни был понятен.

— Вы мне льстите, мадам. Однако я человек, облеченный ответственностью, и не могу обещать вам, что после вашего рассказа я не сочту своим долгом передать дело полиции.

— Думаю, что не сочтете, мистер Холмс. Я слишком хорошо знаю ваш характер и методы, потому что несколько лет следила за вашей работой. Чтение — единственное развлечение, которое еще оставила мне судьба, и мало что из происходящего в мире минует меня. Так или иначе, мне придется рискнуть, даже если вы и намерены извлечь из моего несчастия какую-то практическую пользу. Мне станет легче, если я поведаю вам о нем.

— Мой друг и я с радостью выслушаем вас.

Женщина поднялась и достала из выдвижного ящика фотографию мужчины. Это был, вне всякого сомнения, профессиональный акробат — человек прекрасного телосложения. Его большие руки были сложены на мощной груди, из-под густых усов пробивалась улыбка — самодовольная улыбка мужчины, покорившего немало сердец.

— Это Леонардо, — сказала дама.

— Тот самый силач Леонардо, который давал показания?

— Да, тот самый. А вот... вот мой муж.

Это была страшная личность. Человекоподобная свинья или, скорее, человекоподобный вепрь, поскольку физиономия его говорила о ничем не сдерживаемом скотстве. Нетрудно было представить себе, как чавкал этот омерзительный рот, как он источал пену в минуты ярости, как эти крошечные подленькие глазки метали злобные искры, глядя на мир. Негодяй, дебошир, скотина — вот что было наче-

тано на этой толстощекой физиономии с двойным подбородком.

— Два эти снимка помогут вам правильно понять мой рассказ, господа. Я была бедной девчонкой-циркачкой, росла на опилках арены и умела прыгать сквозь обруч, когда мне не исполнилось еще и десяти лет. Я превратилась в женщину, этот человек полюбил меня — если его плотскую страсть можно величать любовью, — и в злую минуту я стала его женой. С тех пор я жила в аду, и дьяволом, истязавшим меня, был мой муж. Не было в нашем цирке человека, который не знал бы, как он обращается со мной. Он изменял мне. Он связывал меня и порол хлыстом, если я высказывала обиду. Все жалели меня и ненавидели его, но что они могли поделать? Его боялись все и каждый в отдельности, ибо он был страшен во все времена, а в пьяном виде мог и убить. Его то и дело привлекали к ответу за оскорбления и жестокие обращения с животными, но у мужа водились деньги, и штрафы были ему нипочем. Все лучшие артисты покинули нас, и дело покатилося под гору. Держалось оно только на мне и Леонардо, да еще на коротышке Джимми Григгсе, нашем клоуне. Бедняга не очень-то умел веселить людей, но делал все, что было в его силах, чтобы спасти дело от развала.

А потом Леонардо стал все больше и больше входить в мою жизнь. Вы видите, что это был за человек. Теперь-то я знаю, какой слабый дух нашел себе прибежище в этом роскошном теле, однако рядом с моим мужем Леонардо казался архангелом Гавриилом. Он сочувствовал и помогал мне — и вот наша близость переросла в любовь, глубокую, страстную любовь, в любовь, о которой я мечтала всю жизнь и которую не чаяла уже испытать. Муж заподозрил нас, но, по-моему, скотство в нем сочеталось с трусостью, и единственным человеком, которого он боялся, был Леонардо. Он мстил нам, как мог: истязал меня пуще прежнего. Однажды ночью Леонардо услышал мои крики и прибежал к двери нашего вагончика. В ту ночь мы были на волосок от беды, а вскоре и я, и мой друг поняли, что нам ее не миновать. Мой муж был недостойн жизни. И мы решили, что он должен умереть.

Леонардо обладал сметливым и изобретательным умом. Он-то все и придумал. Я говорю так не затем, чтобы свалить на него всю вину: я была готова пройти с ним вместе каждый дюйм этого пути. Но у меня никогда не хватило бы сообразительности для составления такого плана.

Мы сделали палицу, точнее, ее сделал Леонардо. Он укрепил в свинцовом набалдашнике пять длинных железных гвоздей остриями наружу, расставив их так, чтобы они напоминали львиную лапу. Эта палица должна была нанести моему мужу смертельный удар и одновременно создать впечатление, будто всему виновной лев, которого мы выпустили бы на свободу.

Стояла кромешная ночь, когда мы с мужем по обыкновению отправились кормить зверя. Мы несли ему сырое мясо в цинковой бадье. Леонардо поджидал нас за углом большого фургона, который нам предстояло миновать, чтобы добраться до клетки. Он замешкался, и мы прошли мимо, прежде чем Леонардо успел нанести удар. Но он на цыпочках покрался следом за нами, и я слышала хруст, с которым дубина разможила череп моему мужу. Сердце мое заколотилось от радости при этом звуке. Я бросилась вперед и сняла задвижку, на которой держалась дверь в клетку огромного льва.

А потом произошло нечто ужасное. Должно быть, вы слышали, каким острым нюхом на человеческую кровь обладают эти создания и как их будоражит ее запах. Какое-то неведомое чутье мгновенно подсказало животному, что убит человек. Не успела я отодвинуть засовы, как лев выпрыгнул и в тот же миг накинулся на меня. Леонардо мог бы меня спасти. Стоило ему броситься вперед, ударить зверя палицей, и он, возможно, сумел бы загнать того в клетку. Но Леонардо потерял присутствие духа. Я слышала его исполненный ужаса крик, а потом увидела, как он повернулся и бросился наутек. В тот же миг клыки льва коснулись моего лица. Я уже была одурманена его жарким зловонным дыханием и едва ли чувствовала боль. Я пыталась оттолкнуть ладо-

нями эту огромную, окровавленную, источавшую пар пасть и криками призывала на помощь. До моего сознания доходило, что лагерь пробуждается. Смутно помню горстку людей — Леонардо, Григгса и остальных, вытаскивавших меня из-под львиных лап. Это было мое последнее воспоминание перед долгими изнурительными месяцами, мистер Холмс. Когда я очнулась и увидела себя в зеркале, я прокляла этого льва — о, как же я проклинала его! — но не за то, что он вырвал у меня красоту, а потому, что не отнял мою жизнь. У меня было лишь одно желание, мистер Холмс, и достаточно денег, чтобы осуществить его. Я хотела укрыть свой жалкий лик так, чтобы его никто не видел, и поселиться там, где меня не сможет отыскать ни один мой знакомый. Больше мне ничего не оставалось. Так я и сделала. Несчастный раненый зверь, который заполз в свою нору, чтобы умереть там, — таков конец Евгении Рондер.

Бедная женщина кончила свой рассказ. Мы долго сидели молча, потом Холмс протянул длинную руку и потрепал миссис Рондер по плечу. Нечасто доводилось мне видеть, чтобы мой друг оказывал такое сострадание.

— Бедная девочка! — воскликнул он. — Бедная девочка! Воистину пути судьбы неисповедимы. И если грядущее ничем не вознаградит вас, значит, мир — чья-то злая шутка. Но что же случилось с Леонардо?

— Я больше не встречалась с ним и не получала от него вестей. Вероятно, зря я так ожесточилась против него. То, во что превратил меня лев, заслуживает не больше любви, чем любой из уродцев, которых Леонардо возил напоказ по всей стране. А вот из женского сердца любовь так просто не вытравивешь. Он бросил меня в когти зверя, покинул в беде, и все же я не смогла заставить себя отравить его на виселицу. Собственная участь меня не заботила: что может быть страшнее моей нынешней жизни? Но я стояла между Леонардо и его судьбой.

— А теперь он мертв...

— Месяц назад он купался неподалеку от Маргейта и утонул. Я видела в газете сообщение о его смерти.

— А куда он дел палицу с пятью гвоздями? Эта палица — самое поразительное и необычайное во всей вашей истории.

— Не могу сказать, мистер Холмс. Возле лагеря был меловой карьер, а на дне его — глубокий заросший пруд. Возможно, там, в бездне этого пруда...

— Хорошо, хорошо, теперь это не имеет большого значения. Дело закрыто.

— Да, — ответила женщина, — дело закрыто. Мы встали, чтобы уйти, но что-то в голосе дамы под вуалью насторожило Холмса. Он резко повернулся к ней лицом.

— Ваша жизнь принадлежит не только вам, — сказал Холмс. — Не троньте ее!

— А кому она нужна?

— Откуда вам знать? Наглядный образец смиренного страдания уже сам по себе может преподать ценный урок нашему суетному миру.

Ответ женщины был страшен: она подняла вуаль и шагнула вперед, к свету.

— Не знаю, сможете ли вы это выдержать, — проговорила она.

Зрелище было жуткое. Слова бессильны описать черты лица, которого нет. Полные жизни прекрасные карие глаза смотрели на нас из каких-то страшных руин, лишь усиливая ощущение ужаса.

Холмс вскинул руку жестом, полным гора и протеста, и мы вышли из комнаты.

Спустя два дня, когда я заглянул к своему другу, он не без гордости указал мне на маленький синий пузырек, стоявший на каминной доске. Я взял его в руки. Красная этикетка на пузырьке означала, что в нем яд. Я вскрыл склянку, и в воздухе разнесся приятный аромат миндаля.

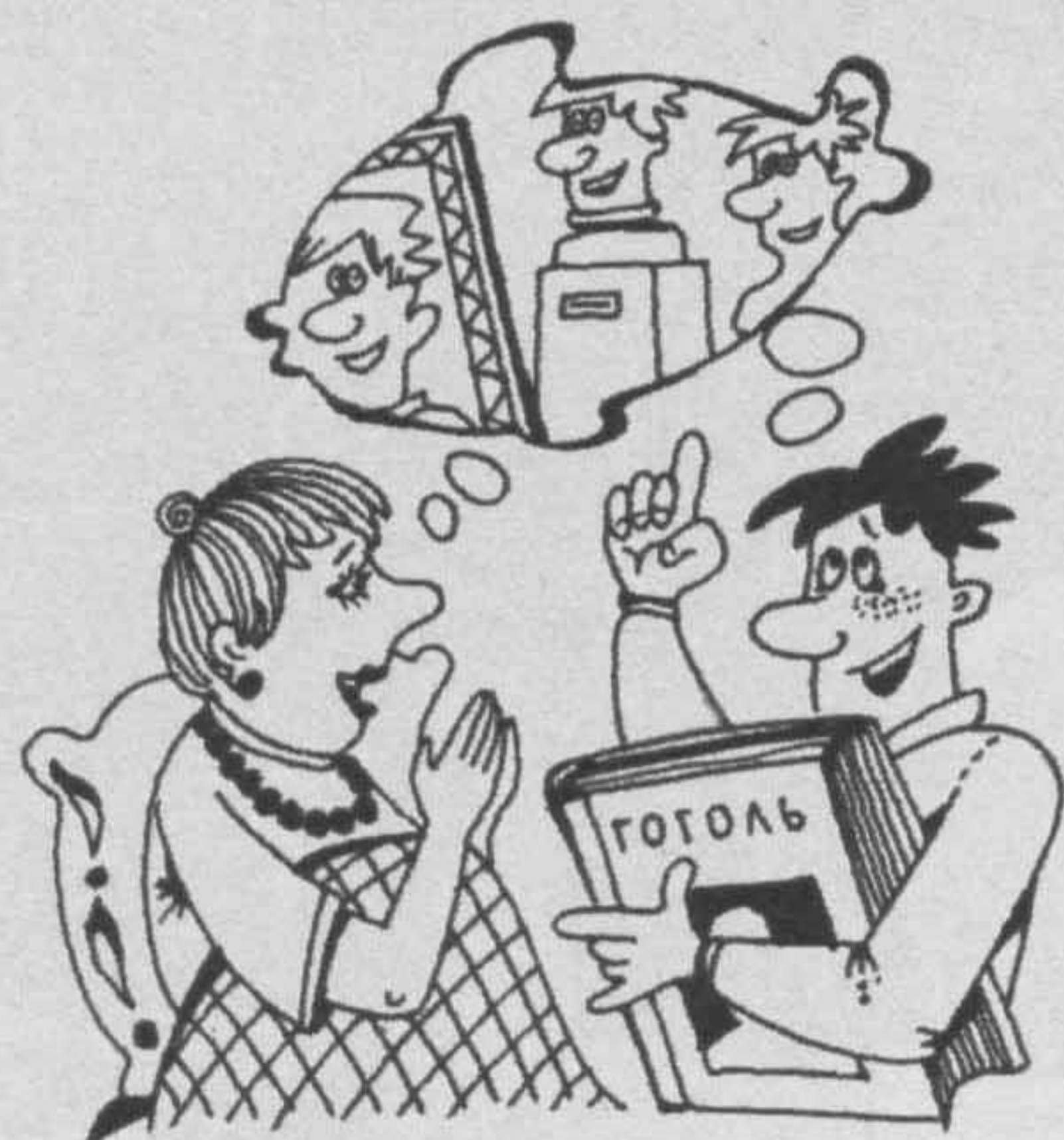
— Синильная кислота? — спросил я.

— Совершенно верно. Эта штука пришла по почте. «Отсылаю вам свой искус. Я последую вашему совету», — говорилось в записке. Думается, Уотсон, мы сумеем угадать имя храброй женщины, приславшей ее.

Перевели с английского
Алена БАШКИРОВА и Андрей ШАРОВ.

Анатолий КОРОЛЕВ

КНИГОМАН

В гостиной Егор долго искал на книжной полке шеститомное собрание сочинений Н. В. Гоголя. Чуть не опрокинул напольную китайскую вазу, наконец выдернул один увесистый томик и, привычно взвесив в руке, прикинул: «Граммов триста будет». Листанул за обложкой, с фронтисписа на него хмуро глядел востроносый классик. Было в его взгляде что-то прокурорское. И клочок волос лежал на лбу клювом. Егор поежился и бочком прошел в спальню.

На кровати вздымалось тело супруги.

— Ты, Егор?

— Я, Фрося, — буркнул Егор и присел рядышком.

Было в мужниной реплике что-то покаянное. Фросе почудилось недоброе — дальняя дорога, нечаянный интерес, казенный дом. И сидел он как-то сутуло, нахохлившись по-птичьи.

— На симпозиуме что? — тревожно спросила она.

— Страшно, Фрося, — вздохнул Егор. — Ишь что задумали: природу-мать охранять. Штрафы, значит. Усе, баста! Катерок продам. Переметы — Мишке, а динамит в лесу закопаю. У тятиной могилки. Во как! Пушай живет рыбка золотая. Нам на старость хватит... бассейн только построю...

— С ума сошел, — всполохнулась Фрося, — мне зубы менять надо. Нинка опять замуж собралась — приданого требует.

— Не шуми! Теперя не пропадем...

И Егор мрачно поднял над головой томик.

— Новый уголовный кодекс! — ахнула Фрося.

— Фиг. Гоголь... Мне верный человек сказал: в нашем-то доме Гоголь останавливался!

— Кто?

— Великий сатирик — Николай Васильевич.

— Брешут, — пришла наконец в себя Ефросинья.

— Да нет, не брешут. Публикацию показал. Аккурат в нашей квартире был, на втором этаже с флигелем. Инкогнито, конечно, проездом в Рим заворачивал.

— Что ж теперь будет? — охнула Фрося, лязгнули золотые зубки.

— Дом на учет поставят... а фатеру нашу в музей обратят.

— Высылят?! —

— Дура, пусть попробуют только. Тут надо мозгой шевелить, пользу извлечь, а ты? Это ж ведь Го-го-ль... Люди со всей страны поедут... Какой шанс, а?!

На лицо Егора легла тень длинного рубля, он дышал глубоко и взволнованно.

— Перво-наперво домоуправа раскурочу — пушай дают на ремонт тыщу! В ванной кой-где кафель пооблупился. В прихожей плитка паркетная западает.

— Люстру сменить надо, — шепнула супруга, — и ковер в ванной.

— Само собой. И стенку шведскую пушай райисполком покупает. Портрет в прихожую, бюстик какой-нибудь мраморный, путевку в Трускавец, пора тебе и в этом году подлечиться. Во они у меня где теперь будут!

И Егор, сладко сжав кирпичный кулачище, поднес его к Фросиному носу.

Егора знобило и качало, словно на плечах — по пудовой стерлядке.

— Вот ведь, Фрося, можно сказать, живу в исторической обстановке, ногами по ней ступаю запросто. Ставку сторожа выбью, а тебе — смотрительницы в своем же доме. Спать будем, Фрось, а денежки — кап, кап, кап...

Он в изнеможении опустился на кровать, опасливо тронул рукой томик, снова заглянул на фронтиспис, откуда кололось клювастое обличье сатирика. Казалось, тот хотел коршуном вцепиться в Егоркину рожу и камня на камне от нее не оставить.

— Толстой, конечно б, лучше был, — протянул Егор, — у него, понимаешь, больше исторического оптимизма и никакого там сарказма... Батальные сцены тоже неплохо получались... Народность, понимаешь, имелась, а этот все больше смехом старался... Да и в загранике все ошивался, нет чтоб грабли в руки или там на сенокос по-толстовски... Хотя и другое верно: пороки бичевал, свободу лирой воспел, памятник себе воздвиг нерукотворный...

— Это в Москве-то?

— Так точно, Фрось, вот ведь наука! Это тебе не «ля-ля». Открыли.

Через полчаса супруги спали крепким сном. Ефросинья снилось мрачное грозное облачко, откуда торчал грозный перст и указывал на нее. Зато Егор во сне восхищенно улыбался. Снилось ему, как они с Гоголем набрели на тихий омут в зеленой лесной тени. Егор сказал, что, мол, нет тут ничего, дохлый номер, а тот возразил, да так метко пулянул толовой шашкой, так точно уложил ее на водяной пупок, что Егор только ахнул: вот глаз-ватерпас! Одно слово — сатирик! Потом снилось, как Егор чмокал во сне от восхищения, а Гоголь теребил меткими пальцами на щеке пушкинские бакенбарды...

Он летит низко над аэродромом. Выписывая замысловатые фигуры, идет на большой скорости, едва не касаясь земли крыльями, и уверенно садится на краю бетонки...

Спайк не носит униформы, и единственный способ его связать с наземными службами — это пронзительный крик. Тем не менее все пилоты сходятся во мнении, что он один из лучших мастеров своего дела. Спайк — это сокол, который вместе с двумя своими братьями совершает ежедневные полеты в районе авиабазы в Фэйрфорде (графство Глостершир, Великобритания). Его основной «служебной обязанностью» является отпугивание птиц, которые мешают взлету и посадке самолетов. Ведь, как известно, несмотря на огромную разницу в массе, встреча вороны, грача или чайки с мощной реактивной машиной может закончиться трагично для обеих.

Двадцатичетырехлетний Адам Келли, хозяин и тренер Спайка и его сородичей, говорит, что удар птицы в самолет можно для наглядности сравнить с ударом автомобиля, который несется со скоростью сто двадцать миль в час. По данным ВВС, ежегодно в Великобритании происходит около тысячи

подобных инцидентов. Только авиационным двигателям наносится ущерб в размере десятков тысяч фунтов стерлингов. Особенно уязвимыми оказываются одноместные реактивные истребители. При столкновении с птицей не редкость случаи, когда был разбит фюзеляж кабины пилота, что приводило к потере управления машиной и, как следствие, к катастрофе.

С тех пор, как Спайк и другие соколы начали свои «патрульные» полеты, — говорит Адам Келли, — ущерб от столкновений с птицами сократился практически до нуля. Применение соколов — это лучшее средство удерживать остальных птиц на изрядном удалении от аэродрома. Есть, конечно, и другие способы, но ни один из них не оказался достаточно эффективным. Дело еще и в том, что аэродромы представляют собой почти идеальное место для обитания птиц: обширные поля вокруг взлетных полос обеспечивают их неограниченным количеством пищи.

На снимке: такая птица способна в считанные дни навести порядок вокруг аэродрома.

Фото из журнала «Уикэнд»

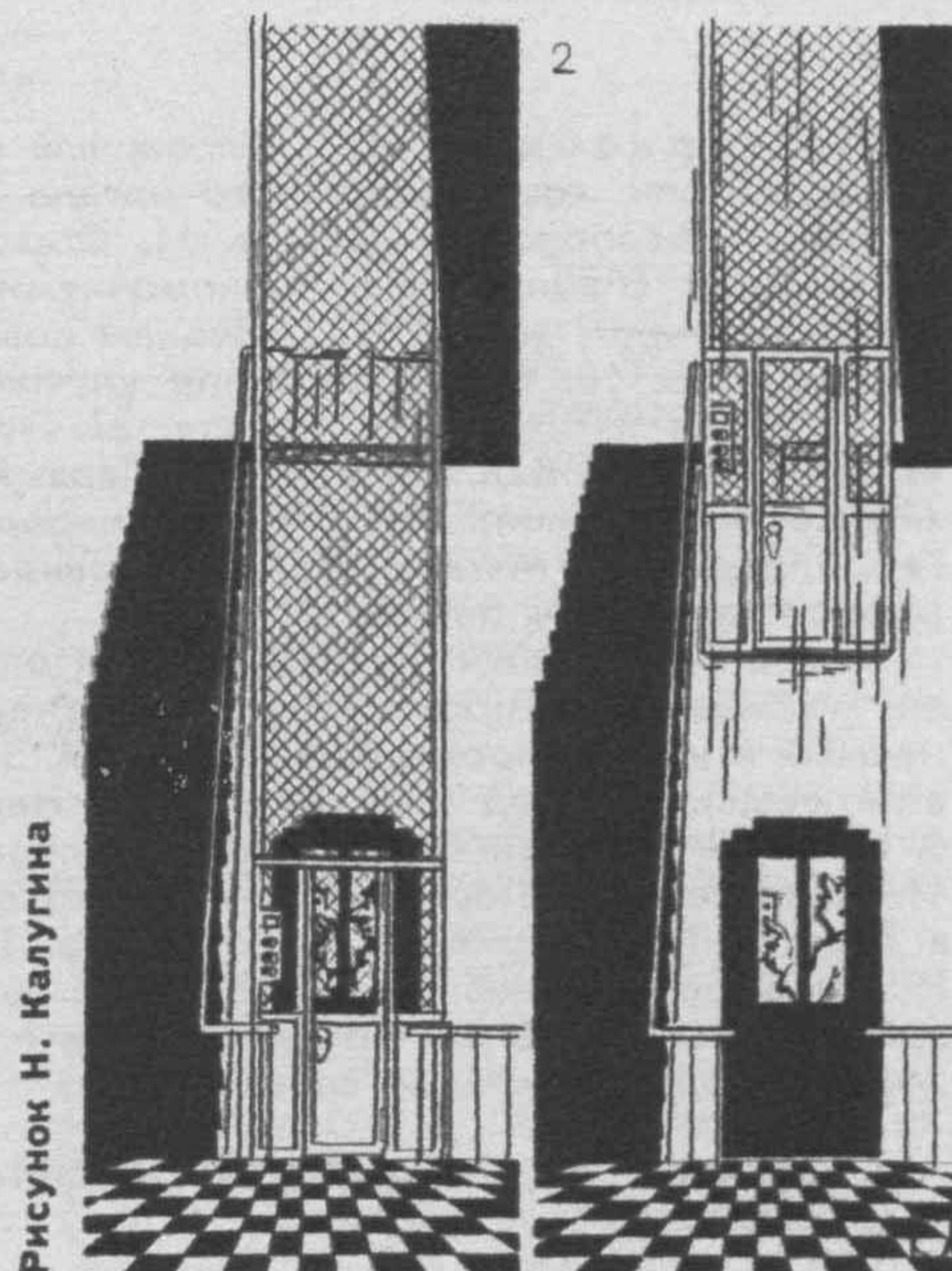

Рисунок Н. Калугина

ИЗ ЦИКЛА «СОБСТВЕННО ГОВОРЯ»

Владимир ВИШНЕВСКИЙ

СПОРТИВНОЕ

Как многоборье, жизнь любя,
Иные лишь в одном окрепли.
Ах, эта гребля под себя!
Академическая гребля...

ОПЫТ ПЕРЕВОДА
СТАРОФРАНЦУЗСКОЙ
ПОЭЗИИ

Палач не знает отдыха!..
Но все же, черт возьми,
Работа-то — на воздухе!
Работа-то — с людьми!..

ПОТОМСТВУ ВЕРНОЕ ПРЕДАНИЕ

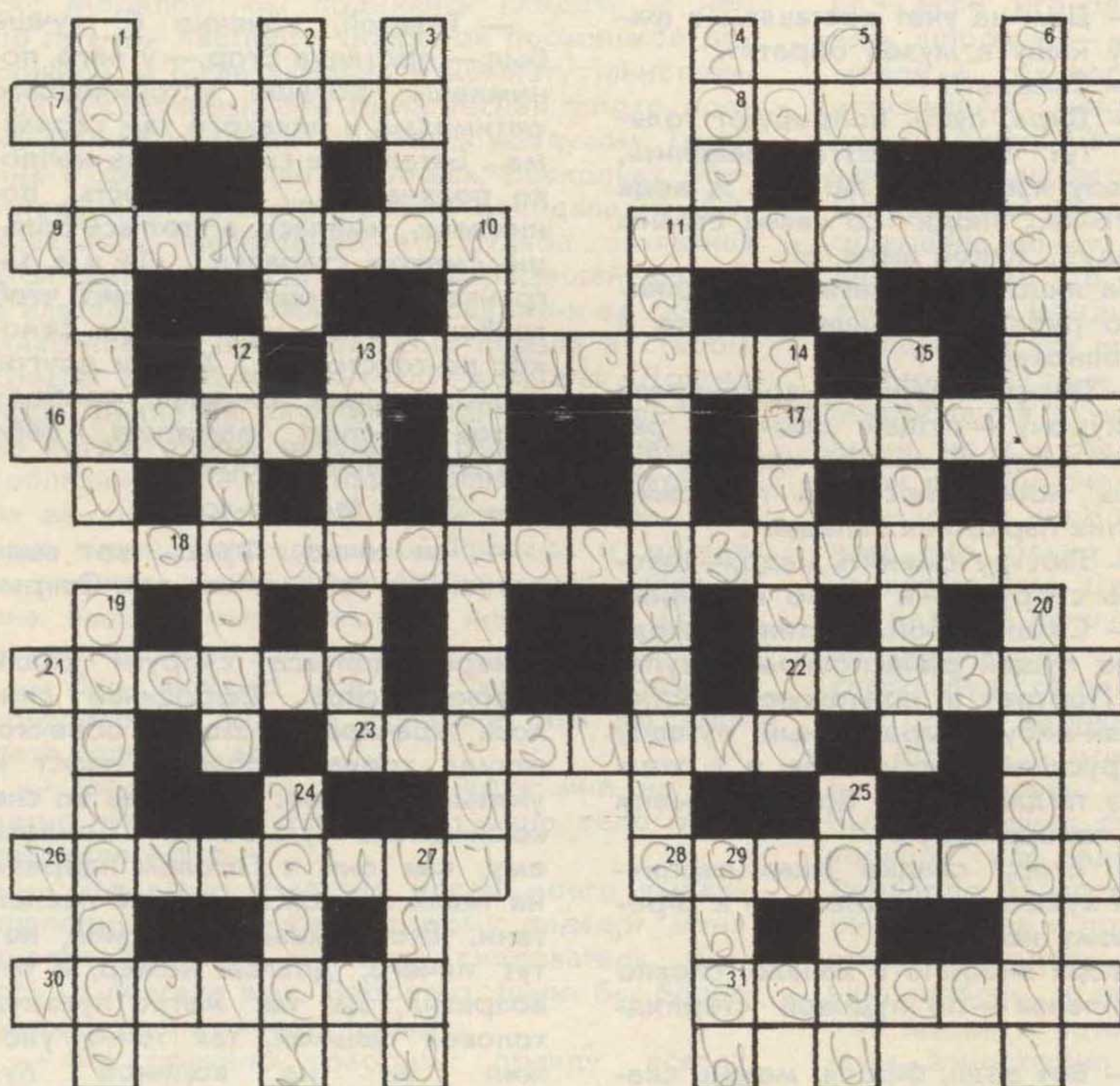
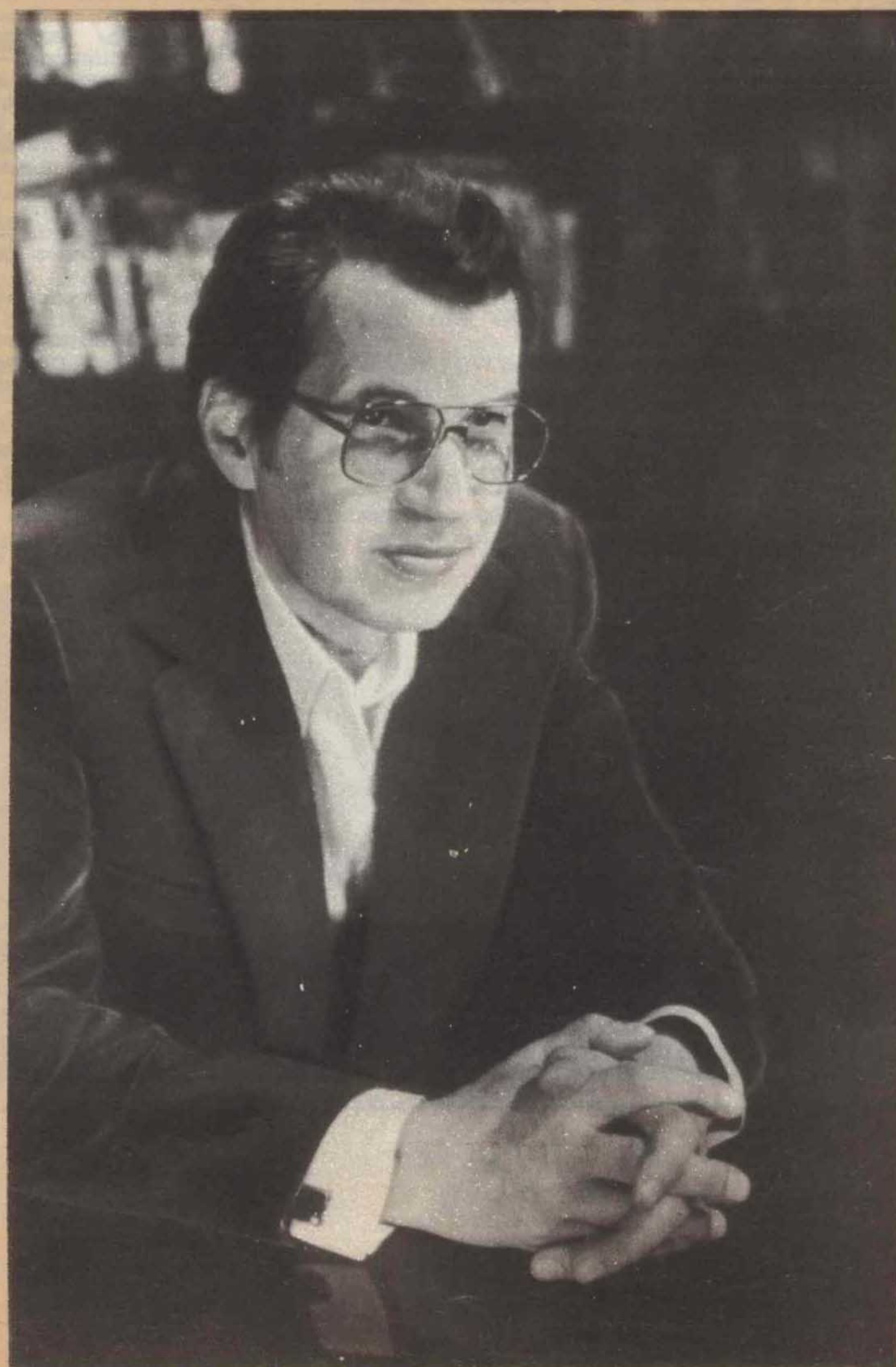
— это название новой передачи учебной редакции ЦТ.

Можно ли планировать работу творческих людей? Видимо, да, если исходить из их мечты. Георгий Бурков, популярный актер театра и кино, давно мечтает рассказать о старом русском театре, об актерских судьбах, то смешных, то горьких, о пути национального искусства, проложенного сквозь эти судьбы: это школа заступничества, школа сострадания, в высшей степени родственная отечественной литературе.

И вот на сцене старого провинциального театра, на

фоне наивного, но милого задника с прудом и лебедями современный актер говорит с нами.

И постепенно рассказ превращается в исповедь, и мы способны полнее узнать прошлое и глубже, взволнованней ощутить настоящее. Работа экспериментальная? Несомненно. Она отлично дополняет ряд необычных и разнообразных передач, уже созданных здесь же: «Фауст» М. Козакова, рассказы Бабеля З. Гердта, цикл повествований Ю. Нагибина о деятелях культуры... Что общего в них? То, что все они — осуществленная мечта их создателей.

кроссворд

По горизонтали: 7. Словарный состав языка. 8. Выборный представитель государственного органа власти. 9. Народная песня и танец в Белоруссии, Польше. 11. Стихотворение С. А. Есенина. 13. Орган со специальными полномочиями. 16. Состояние атмосферы в определенном месте. 17. Персонаж поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». 18. Целесообразное улучшение, усовершенствование. 21. Одно из пяти внешних чувств. 22. Эстонский певец, народный артист СССР. 23. Вид соцветия. 26. Первый искусственно полученный химический элемент. 28. Первая народная артистка Республики, Герой Труда. 30. Мягкие цветные карандаши для живописи. 31. Наружная часть коры березы.

По вертикали: 1. Прибор для определения темпа исполнения музыкального произведения. 2. Огнеупорный материал, применяемый в кладке промышленных печей. 3. Серый попугай. 4. Легкоатлетический снаряд для метания. 5. Надежная защита, твердыня. 6. Колючий ягодный кустарник. 10. Толкование, пояснение к тексту. 11. Часть речи. 12. Порт на Дунае в Чехословакии. 13. Соленое озеро в Казахстане. 14. Рассказ А. П. Чехова. 15. Годовалый жеребенок. 19. Одноголовый верблюд. 20. Единица мощности. 24. Промысловая пресноводная рыба. 25. Возвышенность в Молдавии. 27. Лиственное дерево. 29. Зодиакальное созвездие.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали: 2. Маршрут. 6. Гага. 7. Агат. 8. Рубанок. 11. Ерошка. 12. Алупка. 13. Палаш. 15. Альтаир. 17. Палатка. 19. «Айвенго». 22. Андижан. 24. Клодт. 25. Туризм. 27. Гудрон. 28. Литавра. 29. Дефо. 30. Фонд. 31. Техника.

По вертикали: 1. Парашют. 2. Марха. 3. Штабель. 4. Такса. 5. Бандура. 9. Троллейбус. 10. Экскаватор. 13. Проток. 14. Шпинат. 16. Адан. 18. Лурд. 20. Елисеев. 21. Комбайн. 23. «Индиана». 26. Молот. 27. Графа.

НА ПЕРВОЙ СТРАНИЦЕ ОБЛОЖКИ: Мать и сын Чинчараули.

[См. в номере материал «Тянет жить именно здесь...».]

ФОТО И. ГАВРИЛОВА

У «зеленой лампы» писатель Валентин Берестов.

Рассказывает сценарист Самарий Зеликин:

— Может ли телевизор, получивший репутацию врага чтения, стать другом книги, ее пропагандистом? Телевизорина для школьников «Автограф» хочет нащупать такие пути.

Наши конкурсы не экзамены. Но ведь замечено, что если ты что-то узнал уже на экзамене (поздновато, конечно, но что поделаешь!) — запомнишь на всю жизнь. Поэтому жюри не только выставляет баллы, оно деятельно стирает пробелы в знаниях.

Когда передача началась, мы условно представляли себе уровень знаний ребят. Так вот, он оказался выше! Во время одной записи по техническим причинам был у нас часовой перерыв. От нечего делать ребята стали предлагать вопросы жюри. И вы ду-

маете, что видные специалисты легко с ними справились? Как бы не так!

А главное — ведь и зрители участвуют. Они ищут, уже нашли какой-то свой ответ, и тут вспыхивает надпись: «Проверьте себя!»

ГОРОД БЕЗ ПРАВЕДНИКА НЕ СТОИТ

— так гласит старинная мудрость. А сейчас мы, как никогда раньше, понимаем — и не сохраняется. Есть в Москве такой человек, врач Надежда Ивановна Катаева-Лыткина. Она прошла всю войну, а сейчас живет в музее Марины Цветаевой. В музее, которого нет, но теперь обязательно будет: ведь Надежда Ивановна, можно сказать, жизнь кладет на сохранение того, что принадлежит нам, народу, даже если мы пока не знаем о своем достоянии.

Напутствуя новый цикл передач «Памятники Отечества», академик Дмитрий Сергеевич Лихачев так и говорит, что рассказ о памятниках должен стать рассказом о подвижни-

ках. Еще такой пример — мо-сквичка Серебрякова, уехавшая с детьми жить в Ферапонтов монастырь, под Вологду. Что было бы со старинным памятником без этой женщины, даже страшно вообразить.

Нет у задуманного цикла каких-то ограничений, ну

хоть жанровых. Памятник — это и живопись, и скульптура, и архитектура, а может быть, и целый город. Но всегда это люди, те, кто когда-то создавал его, те, кто своим гением сделал его бесценным для нас, те, кто сегодня вкладывает душу в его сохранение и возрождение.

В этом доме жила Марина Цветаева.

ШКОЛА РАДОСТИ

— Только учителю доступно, — говорит доктор педагогических наук Шалва Александрович Амонашвили на встрече в концертном зале «Останкино», — такое счастье: прожить свое детство заново.

— Какие бы предметы вы ввели в начальную школу, будь ваша воля? — спрашивают его.

— Нужно очеловечить знания, и тогда любой предмет будет усвоен. Ребенок проявит, я бы сказал, талант. Я верю: в каждом ребенке скрыты бубенчики. А мы просто не знаем, как их затронуть, чтобы зазвенели. Тогда они молчат и ржавеют.

Самые великопленные находки в педагогике не очень хорошо укладываются в книги: слова абстрактны, они для всех одинаковые, а учитель неповторим. Его методике надо порой не научиться — ею надо увлечься, сделать своею. Поэтому так важны телевстречи с оригинальными, непохожими на других педагогами. Ленинградец Ильин утверждает, что литература не предмет, а школа нравственности. Учитель из Донецка Шаталов — что вообще вся школьная программа легко может быть усвоена всеми до 14 лет. И вот теперь тбилисский педагог Ш. Амонашвили говорит о школе радости, где звенят бубенчики счастья.

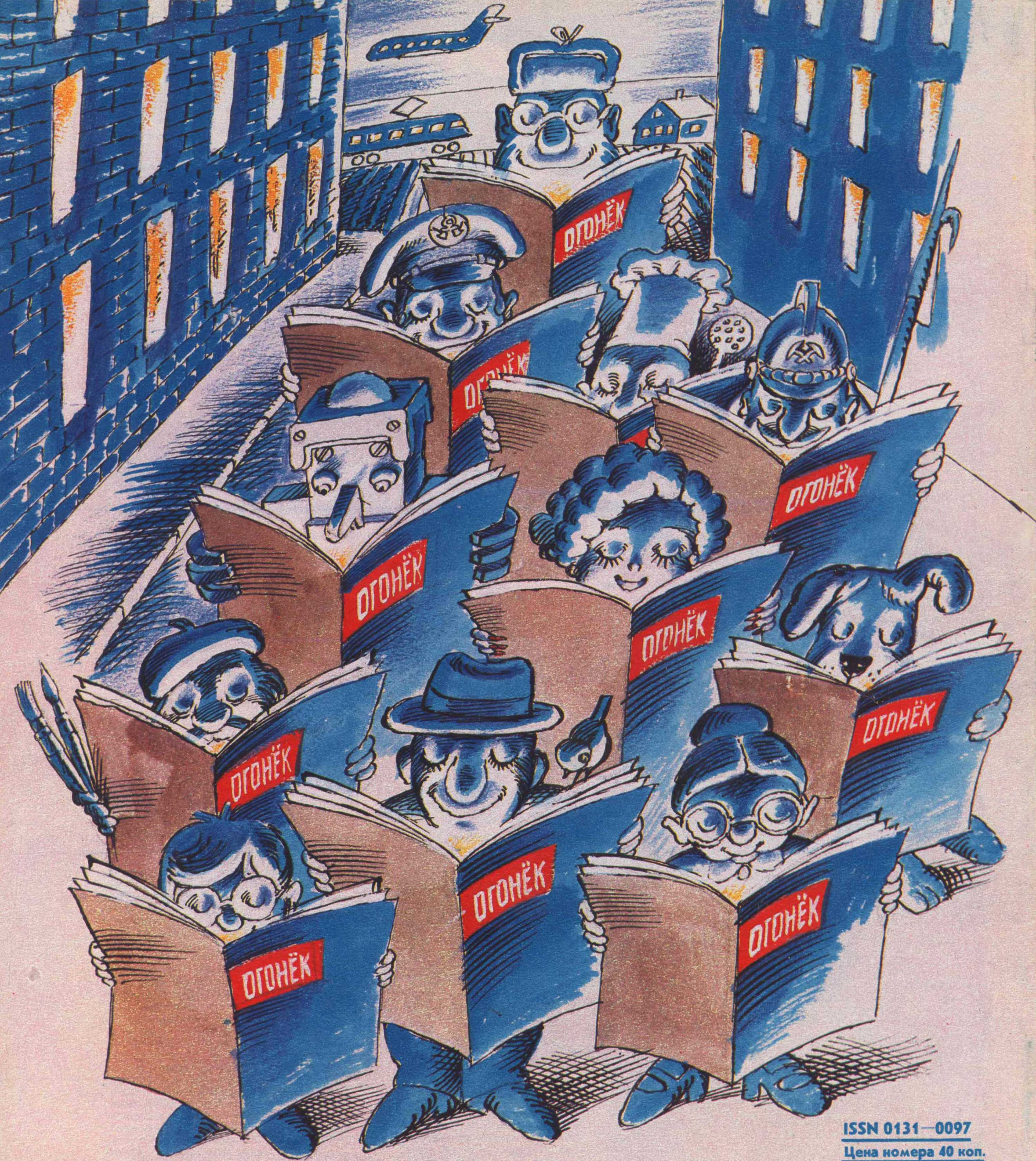

Рисунок С. ТЮНИНА

ISSN 0131—0097
Цена номера 40 коп.
Индекс 70663

ОГОНЁК

ВСЕМ, ВСЕМ, ВСЕМ!
«ОГОНЕК»-87!

ПОДПИСКА
ДО 31 ОКТЯБРЯ
БЕЗ ОГРАНИЧЕНИЙ.